

Анри Лот

В поисках фресок Тассили

Несколько лет назад мир был взбудоражен сенсационным событием: в сердце знойной Сахары обнаружены наскальные рисунки, сделанные много тысяч лет назад. Жаркий сухой климат сохранил бесценные произведения наших далеких предков. Эта находка опрокинула привычные представления об извечной безжизненности Великой пустыни. Может быть, именно здесь находилась легендарная Атлантида? Какие еще сокровища скрываются под сыпучими барханами? О работе экспедиции археологов, о днях, заполненных навязчивой мечтой о глотке воды, об изнуряющем, нередко бесплодном труде 'охотников за древностями', о ни с чем не сравнимой радости первооткрывателя рассказывает в этой книге известный французский ученый, профессор Анри Лот.

Предисловие

В течение 16 месяцев французская археологическая экспедиция Анри Лота работала в труднодоступном горном районе Центральной Сахары - Тассили-Аджер (Тассили-н-Аджер). Результаты исключительно ценны: участники ее привезли множество копий многоцветных фресок - картонов и калек. Все эти зарисовки сначала были выставлены в Лувре, в павильоне Марсан, а затем переданы в Музей Человека, где собраны богатейшие коллекции по археологии Африки.

Впервые в истории изучения Сахары археологическая экспедиция была так хорошо снаряжена. Обычно в условиях пустыни ограничивались фотосъемками или любительскими зарисовками наскальных росписей. Только некоторые специально снаряженные экспедиции сопровождали специалисты-художники, и то лишь в том случае, если предполагалось посещение районов, где можно было рассчитывать на интересные находки.

Экспедиция, о которой идет речь, готовилась в совершенно иных условиях. Она выезжала в район, уже в значительной степени изученный. Заранее было известно, что в горном массиве Тассили сохранилось множество наскальных росписей и он представляет собою что-то вроде музея доисторической живописи.

Работы экспедиции Лота были подготовлены многими исследователями, в числе которых следует упомянуть Фуру, Картье, Рейгасса и прежде всего Бренана, проведшего в этом районе Сахары более восьми лет и собравшего там богатые материалы. В 1952 году крупнейший знаток доисторической археологии А. Брейль опубликовал зарисовки Бренана, недурного любителя-рисовальщика, переданные ему незадолго до начала второй мировой войны. Исследование Брейля - пока наиболее основательное научное описание художественных сокровищ Тассили (*H. Breuil, Les roches peintes de Tassili-n-Ajjer, Alger-Paris, 1952*). Материалы Бренана показали, что этот район заслуживает более основательного изучения, и тогда была организована экспедиция, руководство которой было поручено Анри Лоту, известному знатоку быта и обычаев туарегов, истории и археологии Сахары. А. Лот принимал участие в публикации материалов Бренана и к тому же великолепно знал район Тассили, где неоднократно бывал.

Еще относительно недавно никто не мог подозревать, что Сахара - эта величайшая пустыня мира - была некогда пригодна для жизни. Изменения климата, как утверждали географы, происходят до такой степени медленно, что практически, говоря об истории человечества, их не приходится принимать во внимание. Однако археологические исследования последних десятилетий с несомненностью доказали, что Сахара некогда была обитаема. На всем ее протяжении, от Атлантического побережья вплоть до долины Нила и далее к востоку, в Нубийской пустыне, обнаружены следы деятельности человека. Почти

повсеместно в Сахаре найдены каменные орудия. Изучение их показало, что они относятся к двум различным периодам, отделенным друг от друга многими тысячелетиями. Орудия первого периода появились в эпоху раннего палеолита. Орудия второго датировались временем неолита. Оказалось, что в глубокой древности в Сахаре было два периода относительной влажности, когда в ныне безводных районах пустыни существовала жизнь.

Первый из этих дождливых периодов приходился на эпоху раннего палеолита. Сахару населяли тогда предки современного человека, им-то и принадлежали каменные орудия так называемых шелльского и ашельского периодов. Они представлены исключительно богато на всем протяжении Сахары и отличаются удивительным единообразием. Первый дождливый период сменился весьма продолжительным и очень засушливым периодом, когда условия в Сахаре резко изменились, она стала непригодной для жизни и превратилась в огромную пустыню, лишенную всякой растительности. По своим размерам эта древняя пустыня значительно превосходила нынешнюю Сахару. Она простиралась далеко на юг и доходила, вероятно, до самых границ нынешнего тропического леса. Таким образом, вся северная часть современного Судана, ныне парковая саванна, представляла собой пустыню.

Затем наступил второй дождливый период. Он приходится уже на эпоху неолита, когда Сахару населяли племена охотников и рыболовов, живших по берегам больших рек и озер. Следы этих некогда могучих потоков - вадии, или древние русла рек, прорезавшие ущелья в горных массивах. В отличие от палеолитических неолитические орудия очень разнообразны, но они встречаются не повсеместно и, в частности, отсутствуют в районах каменистых пустынь (хаммада) и песчаных пустынь (регах). Неолитические культуры представлены главным образом наконечниками стрел. Многообразие форм наконечников показывает, что население занималось преимущественно охотой и основными орудиями были лук и стрелы.

Однако среди орудий эпохи неолита, кроме наконечников стрел, скребков и других предметов самого разнообразного назначения, встречаются также каменные зернотерки. Это невольно наводит на мысль, что население Сахары того времени было знакомо с обработкой зерна. Найденные вместе с ними каменные серпы подтверждают такое предположение. Но можно ли на основании этих находок утверждать, что люди, пользовавшиеся зернотерками и серпами, были уже знакомы с земледелием? Вполне вероятно, что некоторые из этих орудий относятся к тому времени, когда человек собирал дикорастущие злаки и перерабатывал их в муку. В подтверждение сошлемся на поселение доземледельческого периода, раскопанное археологом Аркелом на берегу Нила около Хартума (Судан) (*A. J. Arkell, Early Khartoum, Oxford, 1949*). В нем жили рыболовы и охотники, но они собирали также плоды дикорастущих деревьев, называемых по-арабски "лабинга", и

употребляли их зерна в пищу. Найденные в поселении скелеты показали, что его жители по своему антропологическому типу относились к негроидной расе. Поселение датируется 3900 годом до н. э.

Исследователи, изучавшие неолит Сахары, были хорошо знакомы с археологией Египта. Они, естественно, предположили сначала, что неолитические культуры Сахары находились под сильным влиянием культуры древнего Египта. Однако в настоящее время крупнейшие специалисты-археологи считают, что неолит Сахары не уступает по возрасту неолитическим культурам Египта. Более того, они доказывают, что неолит Фаюма развивался под влиянием неолита Тибести и Судана. Судя по некоторым характерным особенностям неолитических орудий, можно предполагать, что район Тибести был, по-видимому, центром, откуда распространялись культурные влияния на Фаюм, Хартум и Тенере (A. J. Arkell, *A History of the Sudan to AD 1821*, London, 1955, p. 34).

По мере высыхания Сахары население отходило к водным источникам: к долине Нила на восток, к озеру Чад на юг и к могучим, ныне пересохшим рекам Тафассасет (Тенере) либо же к Соро (Бахр эль-Газалю), которые впадали в огромное палеочадское озеро. На берегах этих бывших водных потоков, на нынешних склонах вади, были найдены огромные скопления так называемых "кухонных остатков" - раковинные кучи.

В раковинных кучах обнаружено множество костей гиппопотама. Эти кучи относятся, по-видимому, к тому времени, когда древняя река уже пересыхала и превращалась в небольшой водный поток, в котором еще водились гиппопотамы. На склонах вади Ихархар (Игаргар), Ин-Хабетер, Азавак, Хилемси, Соро и многих других сохранились изображения давно исчезнувших животных. Такие фрески и петроглифы исключительно важны для воссоздания картины жизни древних обитателей Сахары. Значение их особенно велико потому, что они дают основание для установления хронологии. Ввиду особых климатических условий Сахары - резких колебаний температуры года и суток и быстрого выветривания пород - каменные орудия оказываются на поверхности. Поэтому обнаруженные в Сахаре каменные орудия как эпохи палеолита, так и неолита не дают необходимой основы для датировки. Возраст их определяется только при помощи метода типологии - путем сравнения с археологическими культурами Северной Африки и Египта. В этих условиях особое значение приобретает изучение наскальных рисунков.

История изучения наскальных росписей в Сахаре имеет более чем столетнюю давность. Еще один из самых первых европейских исследователей Судана, Г. Барт, во время своего путешествия через Сахару в 1850 году обнаружил на пути к озеру Чад, в местности, названной им Тели-Сарге (ныне Тель-Исаген, район Мурзука), наскальные изображения людей в охотничьем наряде с масками на головах, сцены охоты на газелей и т. п. Барт решил, что в этих сценах запечатлены изображения богов, требующих жертв. Не обнаружив среди изображений ни одного верблюда, который, как было известно,

появился в Африке только в III веке н. э., ой резонно предположил, что все эти рисунки должны относиться к более древнему времени.

Несколько позднее, в 1861-1862 годах, другой исследователь Сахары, француз Дюверье, на пути из Феццана в Аир обнаружил наскальные изображения около оазисов Гат, Джанет и Ин-Салах, то есть в районе несколько западнее Тассили. А еще через несколько лет немецкий путешественник Нахтигаль, первый из европейцев посетивший западную часть нагорья Тибести, нашел на скалах в районе Бардаи изображения людей, быков и верблюдов. Затем последовали сообщения о новых открытиях в северной части Феццана, рисунках, найденных Эрвином де Бари в 1877 году и Г. Рольфсом в 1879 году.

Однако все это были единичные и случайные находки. Значительно большие успехи в изучении наскальных росписей удалось сделать ученому равнине марокканцу Мардохаю Аби Суруру, который зарисовал и привез с собой эстампажи изображений слонов, носорогов, лошадей, жирафов, овец и т. д. Он передал Географическому обществу в Париже 68 эстампа-жей, описание которых было опубликовано Дюверье в 1876 году (*H. Duveyrier, Sculptures antiques de la province marocaine de sous decouvertes par le rabbin Mardochee, - "Bulletin de la Societe de Geographic", Paris, aout 1876, pp. 129-146*).

Нет необходимости перечислять дальнейшие находки, которые становились все более многочисленными. Следует лишь упомянуть открытия французской экспедиции Фуру, посетившей Тассили-Аджер в 1893 и 1899 годах, геолога Фламана в Тидикельте, капитана Картье в Тассили (вади Асуф), Цельтнера в районе Агадеса, Гарделя, обнаружившего росписи в Ин-Эззанае, и многих других. Поэтому, когда в 1912 году Фламан опубликовал исследование о наскальных рисунках Северной Африки, подводившее итоги археологических открытий, он имел уже возможность отметить более 200 мест, где были найдены рисунки (*G. B. M. Flamand, Les pierres ecrites (Hadjrat Mektoubct), Paris, 1921*).

Позднее, в ходе исследований, которые велись в Сахаре геологами, гидрологами и другими специалистами, число открытых наскальных росписей необычайно возросло. В 1917-1918 годах Фрете, обследуя западную часть Тассили-Аджера, нашел новые рисунки; Ожьерас в 1919 году обнаружил росписи в эрге Игиди. Большой интерес вызвало открытие множества наскальных росписей в Джебель Авенате (Ауэнате), этом совершенно заброшенном и находящемся вдали от караванных путей оазисе, который посетила экспедиция Хассанейн Бея в 1923 году. В 1927 году английский офицер Ньюболд нашел интересные фрески в районе Данголы, Шассо Лоба и Кот, в вади Мертутек и других местах. В исследовании Сахары приняли участие специальные археологические экспедиции. Следует упомянуть четыре экспедиции известного африканиста-этнографа Лео Фробениуса, обследовавшие в 1926 году Нубийскую пустыню, в 1932 году - районы Феццана и в 1933-1935 годах - восточную часть Ливии и привезшие богатый материал. Археологическая экспедиция Р. Монда, руководимая Г. Винклером, арабистом-этнографом, вела поиски в Нубийской пустыне и детально

изучила росписи оазиса Джебель Авенат. Итальянские археологи во главе с Грациози изучали районы Ливии вплоть до начала второй мировой войны (*Главнейшие исследования: L. Frobenius und H. Obermaier, Hadschra Maktuba. Urzeitliche. Fdsbilder Kleinafrikas, Munchen, 1925; L. Frobenius, Ekade Ektab. Die Felsbilder Fezzan, Leipzig, 1937; H. Rhotert, Lobysche Fdsbilder, Darmstadt, 1952; R. Vaufray, L'art rupestre nord-africain, Paris, 1939; H. A. Winkler, Rock Drawings of Southern Upper Egypt, t. I, London, 1938; t. II, 1939*).

В те же годы продолжалось изучение района Тассили-Аджер. В 1932 году французский офицер Ланней обнаружил в Тамажерте изображения колесниц. Это открытие поставило перед исследователями Сахары новые неожиданные проблемы. Оно подтвердило точность сообщения Геродота, писавшего, что живущие в Ливии "гараманты охотятся в квадригах на пещерных эфиопов" (Геродот, IV, 183). К этому же времени относятся открытия французского офицера Бренана. Бренан по роду своей службы провел в форте Джанет около девяти лет - с 1932 по 1940 год. Он неоднократно посещал горные массивы Тассили и открыл там множество гротов, навесов, скал, покрытых рисунками. Свои зарисовки он, как было уже сказано, переслал во Францию незадолго до начала войны. Они послужили материалом для серьезного научного исследования Брейля "Наскальные росписи Тассили-Аджер", опубликованного в 1952 году.

Всеми этими открытиями было установлено, что большинство наскальных росписей находится по берегам древних рек, на склонах вади, в отдельных оазисах и в горных массивах Эннеди, Тибести и Тассили-Аджер, то есть в тех местах, где дольше всего сохранялись водные источники и где была сосредоточена основная часть населения. Наибольшее число рисунков было обнаружено в массиве Тассили-Аджер. Именно поэтому туда и направилась экспедиция А. Лота.

По характеру исполнения все наскальные рисунки, найденные в Сахаре, делятся на две группы. Первую составляют рисунки, выбитые или выцарапанные на поверхности скалы. Это петроглифы. Они распространены по всей Сахаре от Адрара Анет вплоть до Нубийской пустыни. Вторая группа - росписи, или фрески. Они встречаются только в трех горных массивах - Эннеди, Тибести и Тассили-Аджер, причем богаче всего представлены в самом северном из них, в Тассили.

Наиболее древнюю группу наскальных изображений представляют выбитые на камне контурные изображения животных так называемой "эфиопской фауны": гиппопотамов, носорогов, слонов и жирафов. Рисунки эти, покрытые темной патиной, выполнены весьма реалистически, и их датируют временем между пятым и вторым тысячелетиями до н. э. (*R. Mauny, Prehistoire et zoologie: la grande faune ethiopienne du Nord-Ouest Africain du paleolithique a nos jours, - "Bulletin de l'Institut Francais d'Afrique Noire", t. XVIII, 1956. Serie A, № 1, pp. 102, 246-279*). Значительная часть петроглифов относится к более поздней эпохе. Их легко отличить от изображений древнейшего периода по особенностям техники

исполнения, стиля, сюжета, не говоря уже о том, что все рисунки древнего периода покрыты густой патиной.

Фрески, или рисунки, нанесенные красками, значительно разнообразнее по стилю и сюжету. Относительный возраст их можно определить несколькими способами. Надежнее и проще всего он устанавливается наличием так называемых палимпсестов, то есть рисунков, сделанных поверх прежних. Этот термин заимствован из практики монахов средневековой Европы, которые смывали или соскабливали с пергамента написанный текст и писали поверх него новый. Фрески, перекрывающие друг друга, дают возможность определить относительную хронологию различных стилей. Обычно таким способом удается установить последовательность двух-трех слоев рисунков. Однако в Сефаре Лоту удалось обнаружить 12 слоев рисунков. Это совершенно исключительный случай, но, к сожалению, Лот не сообщает в своей книге никаких подробностей, и мы не можем узнать, какие именно стили и в каком порядке следуют один за другим.

Относительный возраст рисунков можно определить также по месту, занимаемому ими в общем комплексе изображений в данной местности. На это обстоятельство обратил внимание Фробениус, изучая наскальные изображения в районе Феццана, в вадии Ин-Хабетер и Ихархар. На склонах русел высохших рек рисунки древнейшего периода размещались на наиболее заметных и удобных плоскостях. Напротив, фрески позднейших периодов располагались на менее доступных поверхностях.

Долгое время считали возможным определять возраст рисунков исключительно на основании цвета патины. Однако этот способ оказался крайне ненадежным. Он был бы абсолютно правильным, если бы все рисунки находились в равных условиях: одинаково подвергались воздействию ветра и солнца и были нанесены на одни и те же породы камня. Но такие совпадения крайне редки. Как оказалось, цвет патины во многом зависит от наклона поверхности, ее затененности, от положения ее по отношению к постоянно дующим ветрам и многих других самых различных причин, не говоря уже о породе камня, на котором нанесено изображение. Таким образом, определение возраста рисунка на основании цвета патины возможно лишь при учете множества разнообразных условий, без чего всякие заключения об относительной древности рисунка будут неверны.

Один из первых исследователей археологии Северной Африки и Сахары, Фламан, положил в основу определения древности наскальных изображений их стиль: наиболее древними он считал "натуралистические" рисунки, которые сменялись затем "полунатуралистическими". Мнение Фламана в общем оправдалось, но с принятым им принципом все же нельзя согласиться полностью, так как он недостаточно точен и слишком упрощает проблемы установления относительной хронологии.

Хотя до сих пор не существует общепринятой классификации всех наскальных изображений, найденных в Сахаре, тем не менее ясно, что периодизация должна исходить прежде всего из содержания рисунка и, в частности, учитывать, как отражены в нем изменения фауны, обусловленные отчасти климатическими, отчасти историко-культурными факторами. Так, например, Л. Жолео делил все рисунки на четыре группы (*L. Joleaud, Gravures rupestres et rites de Gean en Afrique du Nord, - "Journal de la Societe des Africanistes", t. III, 1933*). Первую, наиболее древнюю, по его мнению, группу составляют рисунки "эпохи буйвола", к которой относятся реалистические изображения носорогов, слонов, жирафов и людей "бушменского типа". Вторую, хронологически более позднюю группу образуют рисунки эпохи "африканского слона", когда появляются изображения домашних животных, в том числе изображения, связанные с культом Солнца (сначала баран с солнечным диском на голове, а затем "солнечный бык"). В следующую группу входят рисунки с изображением прирученной лошади, за ней следует группа рисунков "эпохи верблюда". Можно считать установленным, что намечается четыре главных периода, датируемых следующим образом:

Древнейший период-изображения животных "эфиопской фауны" .... 5000-2000 годы до н. э.

Скотоводческий период .... 2500-1000 годы до н. э.

Период колесниц и лошади .... 1200 год - начало н. э. о

Период верблюда ....

Изображения ливийско-берберского времени .... 200 год до н. э. - 700 год н. э.

Изображения арабо-берберской и современной эпохи .... 700 год н. э. - до наших дней

Эта периодизация, предложенная Мони, - результат изучения наскальных рисунков почти всех районов Сахары, в том числе и Тассили-Аджер (*R. Mauny, Prehistoire et zoologie: la grande faune ethiopienne du Nord-Ouest Africain du paleolithique a nos jours*).

В 1935 году французский археолог Рейгасс опубликовал результаты своих исследований в Тассили (*M. Reygasse, Gravures peintes rupestres du Tassili des Ajjers, - "L'Anthropologie", t. 45, [1935], pp. 533-571*). Сравнивая найденные им рисунки самого разнообразного типа с рисунками, обнаруженными в Ахаггаре, оазисе Джанет и вади Джерат, Рейгасс считает возможным разбить их на следующие группы.

Наиболее древними рисунками он считает выцарапанные на скалах реалистические изображения животных тропической фауны: гиппопотамов, носорогов, слонов, жирафов, буйволов, антилоп, крупного рогатого скота и страусов. Наиболее темная патина покрывает

изображения гиппопотамов, носорогов и буйволов вымершей породы. Эти виды животных исчезают прежде других, причем носороги и гиппопотамы должны были, очевидно, вымереть в первую очередь из-за увеличивающейся засухи. Рисунки первой группы содержат также изображения человека в маске и вооруженного луком. Некоторые животные изображены с кругом на голове. Рисунки всей этой группы в целом весьма реалистичны. Человек, изображавший окружающий его животный мир, превосходно знал повадки животных и точно их отобразил.

Вторая группа резко отличается от первой по характеру исполнения, стилю, сюжетам. Это большей частью многоцветные росписи, отличающиеся условностью рисунка. Среди изображений животных часто встречаются крупный рогатый скот, козы, лошади, собаки, антилопы, муфлоны, слоны и очень редко жирафы. Люди изображены в масках, вооруженные луками, дротиками, топорами и кривыми палицами. Многие из них одеты в короткие широкие плащи, женщины - в колоколообразных юбках. Иногда встречаются женские фигуры с ярко выраженной стеатопигией, а также длинные тонкие нитеподобные фигуры мужчин, напоминающие южноафриканские росписи. К рисункам второго периода Рейгасс относит также изображения колесниц, датируя их временем расцвета государства гарамантов.

Примерно ту же последовательность мы видим на рисунках, найденных в гроте Ин-Эззан в центре пустыни Танезруфт. Дюран и Лаводен, открывшие их, различали три слоя рисунков. Та же многослойность изображений отмечена в районах Эннеди, Джебель Авенате и многих других, но нигде нет возможности опереться на точные хронологические данные. В этом отношении исключительное значение имеют изображения, обнаруженные Г. Винклером в пустыне близ долины Верхнего Нила, главным образом в районе древней караванной дороги от Коптоса к Косейру и в вади Мених (*H. A. Winkler, Rock Drawings of Southern Upper Egypt, t. I-II*). Древнейшие из них представляют собой реалистические рисунки слонов, жирафов и носорогов. Все они относятся ко времени, когда в саваннах древней Сахары жили охотничьи племена. Рисунки следующего периода связаны уже с появлением скотоводства. Население этого периода Винклер называет "автохтонными жителями гор". Они кочевали со своими стадами в саваннах по обе стороны Нильской долины. Одновременно с ними в долине Нила жили племена, оставившие рисунки совершенно иного характера - по преимуществу изображения больших лодок с гребцами. Характер изображений этих судов, а также увенчивающих их шестов со знаками номов позволяет датировать их с большой точностью. Они относятся к тому же периоду, что и гробница в Иераконполисе в Верхнем Египте, открытая известным египтологом Флиндерсом Питри в 1901 году. Эта гробница принадлежит к так называемой культуре Нагада II, или герзейской, то есть к эпохе образования древнеегипетского государства, а именно к началу третьего тысячелетия до н. э. Итак, рисунки скотоводческого периода могут быть отнесены к концу додинасти-

ческого времени - эпохи правления первых династий, то есть к концу четвертого - началу третьего тысячелетия, что дает известную опору для определения рисунков скотоводческого периода в других районах Сахары.

При установлении относительной хронологии необходимо учитывать различные критерии, принимая во внимание не только стиль и сюжет, характер патины и местоположение рисунка, но и многие детали изображений. Именно эти детали могут помочь в датировке рисунка. Например, Т. Моно, изучая наскальные рисунки в Адраре Анет (*Th. Monod, L'Adrar Ahnet. Contribution a l'etude archeologique d'un district saharien, - "Travaux et memoires de l'Institut d'ethnologie", XIX, Par.is, 1932*), установил, что на более древних из них, имеющих черно-коричневую патину, изображены люди, вооруженные луками и палицами. В отличие от них на рисунках, покрытых светлой патиной, всегда запечатлены люди с дротиками и круглыми щитами.

Своеобразные фигуры людей в виде двух обращенных друг к другу вершинами треугольников, называемые иногда "песочными часами", всегда сопутствуют изображениям колесниц и, следовательно, относятся ко времени существования государства гарамантов. Они встречаются только в Тассили-Аджер, Ахаггаре и Адрар-Ифорасе. Появление колесниц обычно связывают с нашествием гиксосов на Египет, а время появления лошади относят к середине второго тысячелетия до н. э. Характер изображений коней, мчащих колесницу, ставят в связь со сходными рисунками микенской культуры.

На связи населения древней Сахары с западной частью Средиземноморья указывают изображения, найденные в Тассили-Аджер и в Ин-Эззане, а именно женские фигуры в юбках наподобие колокола, которые совершенно тождественны наскальным росписям, обнаруженным в Когуде (Восточная Испания).

Много споров среди специалистов до сих пор вызывают своеобразные рисунки быков и баранов с солнечным диском на голове. Их обычно связывают с изображениями Амона Ра, датируя временем XVIII династии, и видят в них результат египетского влияния. Это не вполне убедительно, так как культ Солнца мог иметь более широкое распространение, и подобные изображения как в Сахаре, так и в Египте, возможно, восходят к одному общему источнику.

После всего сказанного легче оценить научное значение работ экспедиции Лота.

Прежде всего экспедиции удалось детально обследовать район Тассили-Аджер, который наиболее насыщен наскальными изображениями. Изучение всех обнаруженных там петроглифов и фресок подтвердило правильность установившейся периодизации этих памятников на основании смены фауны. По-видимому, деление всех наскальных изображений на четыре периода - период буйвола,

скотоводческий, период лошади и период верблюда - можно считать прочно установленным. Большой неожиданностью было открытие Лотом нового длительного периода, предшествовавшего скотоводческому и названного им периодом "круглоголовых" людей. Весьма важно, что Лоту удалось определить смену 16 слоев и наличие 30 стилей и указать на участие негроидного населения древней Сахары в создании культуры этого периода. Надо пожелать, чтобы точное научное описание всех материалов было возможно скорее опубликовано и мы смогли оценить систему научных доказательств автора.

Исключительно важным представляется также находка органических остатков, обнаруженных около росписей. Впервые удастся, наконец, получить точные хронологические указания при помощи радиоуглеродного метода, что может решить сразу множество вопросов.

Экспедиция Лота установила, что в Центральной Сахаре много тысяч лет назад, задолго до возникновения в долине Нила цивилизации древнего Египта, сложилась весьма развитая культура неолита Сахары. Позднее с Востока в Сахару проникли племена кочевников-скотоводов и постепенно распространились вплоть до Атлантического океана. Лот высказывает предположение, что эти племена - предки фульбе, одного из наиболее многочисленных народов Западного Судана. Доказательство этой связи он видит в фреске с изображением женщин, прически которых напомнили ему современные прически женщин фульбе в районе Фута Джалон. Подобные связи пытаются установить также на основании лингвистических данных. Так, один из африканистов обратил внимание на то, что в древнеегипетском языке крупный рогатый скот назывался "нег" или "негау" а в языке фульбе - "нагге". На основании близкого звучания слов "нагге" (скот) и "нанге" (солнце) он делает вывод о связи культа быка с культом солнца (*H. Mukarovsky, Das Sonnenrind der Ful'be. Linguistische Hinweise zur vorislamischen Geisteswelt der fulsprechenden Volkerschaften im westlichen Sudan, - "Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes", Bd 54, 1957, Ss. 130-140*). Все эти наблюдения безусловно интересны, но малодоказательны. Трудно представить себе, чтобы женская прическа оставалась неизменной на протяжении сорока веков - времени, которое отделяет современных фульбе от древних обитателей Тассили. То же можно сказать и о сопоставлениях отдельных слов языка фульбе с древнеегипетскими словами.

Это в равной мере относится и к стремлению Лота сравнивать изображения масок на фресках Тассили с масками одного из современных народов Судана - сенуфо. На основании внешнего сходства он делает вывод о том, что обитателям древней Сахары был знаком обряд инициации. Четыре тысячи лет назад не существовало сенуфо, поэтому нельзя в их обрядах видеть сохранение древних традиций населения Тассили. О чем можно и следует, на наш взгляд, говорить - это о явно суданских элементах в этническом составе древнего населения Сахары.

В настоящее время становится все яснее, что основы культуры народов современного Судана и Тропической Африки складывались в районе Сахары. Именно здесь следует искать истоки искусства народов Африки. Здесь возникла весьма сложная культура эпохи неолита, которая развивалась в связи с культурами древнего Египта и Средиземноморья и, вероятно, предшествовала им. Возможно, что культура древнего Египта первоначально также находилась под ее влиянием. Тасийская культура Верхнего Египта четвертого тысячелетия до н. э., безусловно, имела чисто африканский характер (*Robert P. Charles, Essai sur la chronologie des civilisations predynastiques d'Egypte, - "Journal of Near Eastern studies", t. XVI, Oct. 1957, № 4, pp. 240-253*). То же можно сказать о культуре Фаюма в Нижнем Египте (*A. J. Arkell, A History of the Sudan, p. 33*). Это объясняет африканские основы культуры древнего Египта.

Археолог Ф. Мори, работавший в Ливии (в районе Феццана) в 1955-1959 гг., нашел в одной из пещер в районе Тадрарф Акэкус новые фрески "негрского" и "египетского" стилей. Радиоуглеродный анализ показал, что они относятся к середине четвертого тысячелетия до н. э., т. е. предшествуют времени возникновения древнеегипетского государства в долине Нила (*H. Haselberger, Method of studying ethnological art, - "Current anthropology", vol. 2, № 2, October 1961, p. 353*).

Как далеко простиралось влияние неолитической культуры Сахары на Средиземноморье, сказать трудно. Потомки неизвестных авторов наскальных рисунков Тассили и других районов древней Сахары принадлежали, несомненно, к племенам разного этнического происхождения. Эти племена населяли северную половину Африки к западу от Нила. Египтяне называли их техену. Они были смуглыми и черноволосыми. Техену засвидетельствованы уже самыми древними памятниками первых династий. Позднее, со времени VI династии, на границах Египта появились голубоглазые и светловолосые темеху. Одно из племен темеху называлось ребу или лебу, откуда произошло название ливийцев. Греки называли все население Северной Африки ливийцами, различая среди них темных и светлых. Ливийцы, безусловно, были наиболее могущественными из всех народов Средиземноморья, напавших на Египет в 1230 году до н. э. при Мернепта и повторивших нападение в 1190 году при Рамсесе III. Не случайно, что именно ливийские князья возглавляли коалицию "народов моря", в составе которых были ту руша или тирсены (этруски?), шардана (сардинцы), явана и другие народы Средиземноморья.

Позднее культура древнего Египта начала в свою очередь оказывать влияние на культуру народов древней Сахары. Изображение группы ливийцев на фресках Тассили, несомненно, отражает египетское влияние (*H. Breuil, Les roches peintes de Tassili-n-Ajjer, рис. 136*). Лот видит проявление этого влияния в рисунках женских фигур с птичьими головами, плывущей женщины и "Белой дамы" из Ауанрхета, которая, по его мнению, изображает Исиду. Все это в высшей степени неясно и должно быть доказано, так как характер этих изображений все же очень далек от египетского.

Что касается связи культуры Тассили и, беря шире, культуры Сахары эпохи неолита с Восточным Средиземноморьем, то их можно проследить лишь со второго тысячелетия до н. э., а именно со времени появления лошади и колесниц. Однако вполне вероятно, что такие контакты могли быть и более древними. Так, среди наскальных рисунков Джебель Авената Винклер нашел замечательные изображения женских фигур, названные им изображениями "критской богини", но дальнейшее исследование этих связей - дело будущего.

Д. А. Ольдерогге

Введение

(Перевод книги печатается с незначительными сокращениями)

Доисторические рисунки, обнаруженные в пещерах франко-кантабрийской области (*Франко-кантабрийская область - автор имеет в виду Юго-Западную Францию и примыкающие к ней горы северо-восточной части Пиренейского полуострова - области, называвшейся в древности Кантабрией*), пролили свет еще на одну страницу в истории человечества. К этому времени богатое прошлое Египта и Месопотамии не составляло уже для нас секрета. Восхищаясь их архитектурными, скульптурными и прочими памятниками, мы долгое время предполагали, что эти страны - родина всех искусств, столь высоко и разнообразно было мастерство создателей этих творений.

Открытия, сделанные в пещерах Комбарель, Эйзи, Мут и Альта-мира, опрокинули все предыдущие представления о происхождении искусства. Находки в этих пещерах глубоко потрясли нас. Однако мысль о том, что первобытные люди могли создать такие великолепные произведения искусства, показалась на первых порах невероятной, и подлинность этих наскальных рисунков была поставлена под сомнение.

Особенно примечательна история открытий в Альтамире. Рисунки обнаружила внучка землевладельца, дочь графа Сантуола. Известие с необыкновенной быстротой разнеслось по стране. К пещере начали стекаться любопытные. Сам испанский король прибыл поглядеть на рисунки. Однако, когда в пещере побывали ученые, они обвинили землевладельца в фальсификации. Стало известно, что за несколько месяцев до сенсационного открытия в усадьбе землевладельца гостил некий художник. Этого оказалось достаточно, чтобы маститые участники Международного конгресса в Мадриде приписали этому неизвестному художнику знаменитые росписи, изображающие раненых бизонов. Да и как могли эти ученые прорицатели допустить мысль о древнем происхождении рисунков? Ведь они были выполнены в самом модернистском стиле!

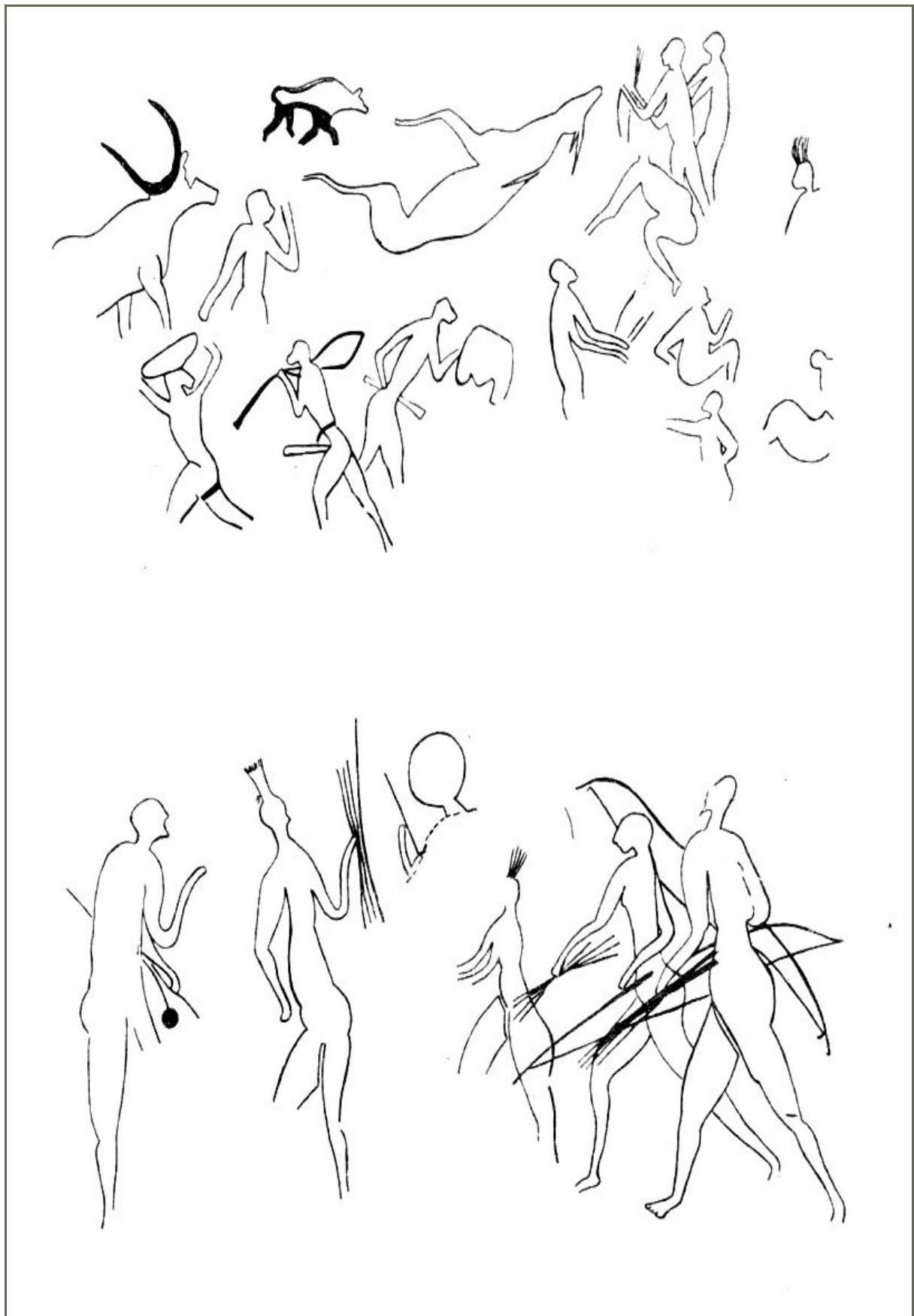
Но несколько лет спустя молодой аббат Брейль, впоследствии ученый с мировым именем в области изучения доисторической эпохи человечества, обнаружил в пещере Комбарель рисунки бизонов, как две капли воды напоминавшие Альтамирские росписи. На этот раз, принимая во внимание, что нога современного человека не вступала в пещеру (вход в нее был только что обнаружен), не могло быть и речи о фальсификации, и ученым пришлось склониться перед очевидностью...

С тех пор мир страстно заинтересовался произведениями искусства доисторической эпохи и с волнением следит за новыми открытиями в этой области. С большим интересом было встречено известие об открытиях в пещере Ласко в 1940 году, а также - в пещере Руфиньяк в 1956 году.

Однако кантабрийский район не единственный, где встречается наскальная живопись. На востоке Испании фресок также немало. Правда, эти росписи относятся к другой художественной школе и находятся не на стенах пещер, а в углублениях скал под открытым небом. В Южной Африке тоже встречаются наскальные росписи и выгравированные на скалах рисунки, обычно называемые "бушменскими". Период их создания не выяснен, поскольку обитатели этого района до самого недавнего времени продолжали создавать все новые рисунки.

В Сахаре, в особенности в той ее части, которая лежит к югу от Орана, неоднократно находили выбитые на скалах рисунки, но лишь в 1933 году здесь наткнулись на район, богатый наскальными росписями. Рисунки вызвали тем больший интерес, что прошлое пустыни было весьма мало изучено. Правда, по некоторым признакам можно было предположить, что Сахара не всегда была необитаемой: время от времени в пустыне находили каменные орудия. Это свидетельствовало о том, что некогда ее населяли первобытные люди. Однако всех этих данных было еще недостаточно, чтобы судить о расовом типе и происхождении людей, создавших эту живопись.

Я уже много лет занимался исследованием Сахары и исколесил ее вдоль и поперек, изучая пустыню с географической, этнографической, а главное с археологической точки зрения. Естественно, я не мог остаться равнодушным к обнаруженным здесь петроглифам и наскальной живописи. Поэтому, как только стало известно о замечательных открытиях в Тассили лейтенанта Бренана, я тотчас же в сопровождении нескольких специалистов по Сахаре (географов и археологов) примчался в Тассили. Однако начавшаяся война прервала мою работу. Только в 1956 году при поддержке моего глубокоуважаемого учителя Брейля я смог организовать экспедицию в Сахару. Ее целью было снять копии с уже известных росписей и попутно систематически обследовать весь горный массив.

Две фрески, открытые Бренаном

Массив Тассили-Аджер лежит к северо-востоку от Хоггара и примыкает своим восточным краем к Феццану. Это труднодоступное песчаниковое плато, от которого отходит ряд небольших второстепенных

массивов. Все они подверглись сильному действию эрозии. Пробраться здесь можно лишь узкими ущельями или по поверхности, усеянной колоннообразными выветренными скалами и вызывающей в памяти картину мертвых городов. Сейчас эти массивы - совершенно глухое место, где царит гнетущее безмолвие. Но когда-то все эти ущелья и проходы представляли собой своего рода улицы с многочисленными обитателями. Об этом свидетельствуют глубокие впадины у подножия скал, служившие естественным убежищем для первобытных жителей массива. Обитатели исчезли. Но следы их пребывания остались в виде сотен и сотен росписей.

Мои сотрудники и я пробыли безотлучно шестнадцать месяцев на плато. Каждый день приносил нам новые открытия. Обследуя одно место за другим, мы тщательно наносили на кальку все обнаруженные фрески. Ниже я опишу, как велась работа в этой каменной пустыне. Опишу край лишенный каких-либо признаков жизни, невыносимые климатические условия. Нам пришлось, должен признаться, весьма туго. Мы никогда бы не выдержали, если бы не сознавали, что наша работа не только даст многое для изучения прошлого Сахары, но и обогатит сокровищницу художественных ценностей, созданных человечеством.

То, что мы нашли в лабиринте скал Тассили, превосходит всякое воображение. Мы открыли сотни и сотни росписей с десятками тысяч изображений людей и животных. Одни рисунки располагались особняком - представляли собой сложнейшие ансамбли. Изображенные на них сцены жизни древних обитателей этих мест - будничные занятия, развлечения, религиозные обряды - нетрудно истолковать. Они несомненно, относятся к жизни различных народов, населявших массив в разное, но бесспорно давно прошедшее время, ибо современные нам туареги очень редко появляются в этих диких, неприветливых местах. Нас юразило разнообразие стилей и сюжетов, которое мы обнаружили при исследовании многочисленных наслоений рисунков. Рядом с крошечными сражениями людей, величиной в какие-нибудь несколько сантиметров ходились и рисунки гигантской величины. Изображения людей таких размеров еще нигде не обнаружены. На других фресках мы увидели лучников, сражающихся за обладание стадом быков, воинов, бьющихся на палицах. Тут же - стадо антилоп, люди в пирогах, преследующие бегемотов, сцены плясок, пиршеств и т. п.

Короче говоря, мы очутились как бы в величайшем музее доисторического искусства. Некоторые рисунки поражали своим мастерством. Особенно это относится к изображениям в натуральную величину женщин Джаббарена и Сефара. От таких росписей не отекла бы ни одна когда-либо существовавшая художественная школа.

Два основных стиля характеризуют эти росписи: один - символический, более древний, по всей вероятности негроидного происхождения; другой - более поздний, явно натуралистический, в котором ощущается влияние культуры долины Нила. Но главное - эти

изображения не стоят ни в какой связи с рисунками франко-кантабрийской области или Южной Африки. И если иногда в них и можно обнаружить египетское или, возможно, микенское влияние, наиболее древние из них, безусловно, принадлежат к неизвестной самобытной художественной школе. Росписи эти представляют собой в настоящее время единственные известные нам памятники наидревнейшего искусства негроидных народностей.

Если росписи франко-кантабрийского района дают нам весьма слабое представление о жизни и нравах пещерных людей (разве только, что древние обитатели Франции охотились когда-то на бизонов, мамонтов, носорогов и оленей), то в отличие от них росписи Тассили - настоящий архив, благодаря которому можно составить себе вполне ясную картину о народностях древней Сахары, о различных расовых типах, сменявших здесь друг друга, о нашествиях кочевников-скотоводов и о тех влияниях, которым подвергалось местное население. Эти рисунки дают также возможность проследить постепенное изменение фауны Сахары и, как следствие, понять причины климатических изменений и превращения здешних мест в пустыню.

Все эти факты имеют для нас огромное значение. Открытие росписей Тассили позволило нам ознакомиться по меньшей мере с восемью тысячами лет истории Сахары - самой большой пустыни нашей Земли. Более того, благодаря этим находкам прошлое всего чл человечества становится для нас яснее и понятнее.

Глава I. Этапы развития Сахары

В последнее время о Сахаре говорят очень много. Повышенный интерес к ней вызван прежде всего открытием богатых залежей нефти, которые создали этому краю славу нового Эльдорадо.

Туда направилось огромное число изыскательских партий. Никогда еще здесь не было так многолюдно. Теперь в Сахаре пользуются самыми разнообразными средствами передвижения: от скромного джипа, исключительно удобного при обследовании любой местности, до вертолета, используемого геологами в поисках месторождений урана. Здесь же можно встретить огромные грузовые двухпалубные самолеты, сбрасывающие на нефтепромыслы тонны продуктов и ящики прохладительных напитков.

Моя очаровательная спутница по самолету, летевшему из Алжира в Париж, спросила меня о цели моей поездки в Африку. Услышав, что я там "занимался поисками", она приняла меня за "нефтяника" или изыскателя урана. Мне удалось ее разуверить, однако это маленькое недоразумение достаточно ярко свидетельствует о царящих там настроениях.

Подземные богатства, внезапно обнаруженные в бесплодных пустынях Сахары, не могли не взволновать воображения людей. Со временем выяснится, как много тайн еще сокрыто в этой самой большой в мире пустыне, которая когда-то была так тесно связана с историей человечества.

За двадцать пять с лишним лет я исколесил пустыню вдоль и поперек. Я пересек ее громадные реги (*Реги - щебнистая (галечниковая) пустыня*), на которых можно за две недели пути не встретить ни одного водоема. Я взбирался на все ее горы: Хоггар, Тассили-Аджер, Адрар-Ифорас, Аир. Я преодолел ее огромные эрги (*Эрги - песчаная пустыня*), в частности Восточный Эрг - самую большую песчаную поверхность на всем земном шаре, - настоящее песчаное море, которое всегда в волнении из-за постоянно дующих здесь ветров. Я следовал вдоль ее древних рек, русла которых образовали очень сложную сеть, своего рода огромный высохший скелет некогда полноводной речной системы. Наконец, я долго жил вместе с населяющими ее туарегами. Они служили мне проводниками в путешествиях, изобиловавших приключениями, и разделяли со мной все радости и невзгоды.

Меня интересовало все: фауна, флора и, конечно, многие проблемы физической географии, населения, древней истории Сахары и другие вопросы. Сахара представляет собой одно целое. Постичь ее можно только при наличии комплекса знаний во всех областях, будь то геология, биология, климатология или история.

Большинство путешествий я совершил на верблюде. Этот "вид транспорта" издавна считается наиболее удобным для таких целей. Он позволяет побывать в малодоступных местах и повидать все до мелочей, что чрезвычайно важно для исследователя. Всего я проехал таким образом восемьдесят тысяч километров, то есть проделал путь, равный двум путешествиям вокруг земного шара. А сколько было происшествий, грозивших кончиться весьма печально!

Много районов я изъездил на автомашине, не раз пролетал над пустыней на самолете. Она мне очень хорошо знакома. Если порой она и обходилась со мной сурово, то я не раз был вознагражден за это ее милостивым согласием приоткрыть некоторые завесы над ее загадочным прошлым. Ведь основная задача исследователя Сахары состоит в том, чтобы раскрыть связь между ее прошлым и настоящим. Больше всего меня, несомненно, интересовали люди, особенно жившие в доисторический период. Наибольшее удовлетворение я испытывал, занимаясь именно этим вопросом. Мне не раз удавалось обнаружить следы древних племен, населявших Сахару. Здесь, в горах и долинах, они охотились, ловили рыбу, возделывали землю.

В глубине эрга, в Тенере, я обнаружил следы стоянок древних рыбаков: большие груды рыбьих костей (они заняли несколько двухколесных тележек), скелеты гиппопотамов и слонов, каменные орудия. В пятистах километрах к югу, на границе Сахары и Судана, я нашел еще добрый десяток стоянок. Тут были кучи рыбьих костей, черепаши панцири, раковины моллюсков, кости гиппопотамов, жирафов и антилоп, среди которых лежали человеческие скелеты. Последнее обстоятельство указывало на отсутствие погребальных обрядов у первобытных племен Сахары. Мне удалось собрать на месте этой доисторической бойни множество великолепных орудий, среди которых были и прекрасные костяные остроги, и тонкие кремневые наконечники для стрел, и грузила для рыболовных сетей и многое другое... К югу от Хоггара, у подножия скал Ин-Гецама, в самых пустынных ныне местах Сахары, была сделана подобная же находка - человеческие скелеты, кости животных и, кроме того, тысячи осколков глиняной посуды.

Я мог бы привести еще много примеров; лишь в окрестностях Хоггара мной было обнаружено около восьмидесяти мест со следами стоянок доисторического периода. Из этого можно заключить, что когда-то Сахара была густо населена и ее фауна была аналогична фауне современной саванны. Если самым древним находкам, как, например, остаткам рыбацких стоянок на эрге Адмер (*Один из двух памятников палеолитического периода, найденных в Центральной Сахаре. Расположен к северу от Хоггара, между этим массивом и Тассили. Второй обнаружен на эрге Тиходаин. - Прим. авт*), несколько сот тысяч лет, то есть и такие, которым всего лишь от четырех до пяти тысяч лет. Явно господствующий водный характер фауны свидетельствует о большой влажности в ПРОШЛОМ этих мест и наличии полноводных рек. Эти реки, бравшие свое начало в горных массивах Хоггара, Тассили, Адрар-Ифораса, образовывали большую

гидрографическую сеть, соединявшуюся с Нигером, Чадом и большими озерами, остатки которых сохранились в виде соленых озер - шоттов - на юге Туниса. И сейчас еще довольно ясно различимы русла этих рек. Летя самолетом из Хоггара, я отчетливо видел одно из них. Светлая борозда русла древней реки, извиваясь среди песков, вела прямо к Нигеру, в район Гао.

Доисторические стоянки - эти кучи мусора тысячелетней давности - не единственные следы, оставленные древними жителями Сахары. На скалах массивов, часто в наиболее пустынных уголках, находят великолепные наскальные рисунки и петроглифы, свидетельствующие о незаурядных художественных способностях людей того времени. Я испещрил свой дорожный блокнот сотнями зарисовок фресок. Они чрезвычайно интересны в познавательном отношении: ведь в них отражаются самые различные эпохи, охватывающие тысячелетия. Во многих случаях они подтверждают выводы, сделанные на основании находок остатков древних растений и животных. Кроме того, благодаря фрескам нами получено много ценных сведений о различных типах культур, сменявших друг друга на территории пустыни: культуре охотников, вооруженных дубинами и бумерангами; культуре пастухов или лучников; культуре воинов, во времена которой основным оружием служил дротик. К последнему периоду следует отнести появление в Африке домашней лошади. Таким образом, решающую роль в эволюции человечества сыграло оружие. Оно всегда было основным свидетелем прошлого, классическим ориентиром для археологов. Именно оно помогает определить значимость той или иной миграции, направления, по которому она происходила, и в некоторых случаях, как я покажу далее, дает возможность определить караванные пути, соединявшие более чем за тысячелетие до нашей эры Средиземноморское побережье с берегами Нигера.

Из этого краткого обзора легко представить, насколько увлекательно заниматься расшифровкой находок, дополняющих и Освещающих друг друга, какой восторг охватывает исследователя, открывающего новую страницу в бескрайнем прошлом пустыни, о котором совсем недавно еще и не подозревали.

Действительно, разве Сахара не считалась дном высохшего моря, одним из тех проклятых мест на земле, откуда издревле был изгнан человек? Однако это всего лишь легенда, потому что на территории Сахары в четвертичном периоде никогда не было моря! Но в эту легенду, твердо укрепившуюся в народной памяти, верят так же непоколебимо, как и в фантастическое лохнесское чудовище (*Лохнесское чудовище - неизвестное ученым гигантское морское животное, якобы обитающее на больших глубинах и изредка появляющееся на поверхности. Названо по имени озера в Шотландии (Лох-Несс), где его будто бы видели местные жители*), Атлантиду и многое другое. Объясняется это внешним сходством пустыни с дном моря. Раковины устриц, встречающиеся в разных районах в большом количестве, относятся к далекому третичному периоду, то есть к той геологической эпохе, когда человек еще не появился на земле. Соль,

найденная на некоторых низменностях, есть не что иное, как продукт испарений озер, воды которых омывали раньше богатые сульфатами вулканические скалы. Песок дюн - результат эрозии, вызванной активным действием вод (вероятно, в очень давние времена при очень дождливом климате). Ветер просеивал и нагромождал его в самых низких местах обширных территорий Сахары.

Нет, никогда, ни в одну из эпох, по крайней мере с тех пор, как существует человек, Сахара не была дном моря. Просто она пережила, так же как и многие другие районы на земном шаре, период пышного расцвета, вслед за которым наступила опустошительная засуха.

Но тогда возникает вопрос: что вызвало засуху? Почему произошло изменение климата? На этот вопрос, признаться, нельзя получить краткий ответ. Многие все еще неясно или недостаточно достоверно. Наиболее простым объяснением (правда, далеко не исчерпывающим) может послужить следующее: когда-то вследствие очень высокой температуры воздуха наступило значительное нарушение равновесия между количеством выпадавших осадков и очень обильными испарениями. Это было большим бедствием для Сахары. Очень возможно, что роковую роль сыграли пассаты, приносившие массы холодного воздуха зимой и теплого - летом. Они далеко отгоняли тучи, лишая Сахару благотворных, необходимых для жизни дождей. Нужно учитывать и многие другие причины: отсутствие близ побережья горных хребтов, которые смогли бы задержать облака, плывущие со стороны океана, и ряд климатических факторов, связанных с районами низкого и высокого давления. Тем не менее все эти факторы не объясняют причин высыхания Сахары, которые остаются загадочными: ведь всего несколько тысячелетий тому назад в Сахаре был менее засушливый климат, следовательно, изменения произошли не столь уже давно. Когда же все-таки началось высыхание Сахары?

Я полагаю, что при изучении материалов нашей последней экспедиции сведения по этим вопросам пополнятся новыми данными. Нами привезены кусочки древесного угля, найденные недавно на местах древних стоянок. Анализ этих кусочков на содержание углерода-14 должен помочь ученым ориентироваться в эпохах.

Древние географы, греки и римляне, отмечали, что засушливый период в Сахаре наступил за 500 лет до нашей эры. Геродот, живший в V в. до н. э., был первым автором, рассказавшим о землях, расположенных к югу от залива Сирта, дюнах, оазисах, необитаемых районах и соляных курганах. Четыре века спустя Страбон отмечал, что лошадь имела еще в ту пору широкое распространение, причем номады (*Номады (греч.) - кочевники*) из предосторожности укрепляли бурдюки с водой под животом верховых лошадей. Это заставляет предполагать, что вода в те времена представляла большую ценность. Плиний Старший, живший несколько позднее (23-79 годы), писал, что в стране, названной им Ливией (*Подразумеваемая земли, расположенные к западу от Египта. - Прим. авт.*), еще встречались слоны, жирафы и хищные животные. При описании же

страны гарамантов, соответствующей приблизительно современным Феццану и Тассили-Аджер, он упоминает о теряющихся и вновь возникающих вади и непостоянных "водных точках". Подобное положение весьма напоминает нынешний гидрографический режим Сахары.

Конечно, в то время жизнь там была более оживленной, чем в наши дни. Население было многочисленнее, источники воды не столь далеко расположены один от другого, растительность пышнее. Все это создавало благоприятные условия для разведения лошадей (*Лошадь стала вытесняться верблюдом в III веке нашей эры. В Африку верблюд проник из Аравии через Египет. - Прим. авт*). Однако уже авторы античной эпохи считали Сахару пустыней. Именно тогда и возникла знаменитая легенда о том, что Сахара - якобы дно высохшего древнего моря. Песчаные дюны, соленые шотты, раковины устриц, найденные на хамадах третичного периода, вводили в заблуждение людей, имевших тогда очень слабое представление о геологии и структуре почв.

* * *

Этот очерк, резюмирующий наши сведения о прошлом Сахары, служит своего рода фоном, на котором разворачивались необычные приключения нашей шестнадцатимесячной тассилийской экспедиции.

Предыстория экспедиции восходит к 1933 году, когда офицер колониальных войск лейтенант Бренан проник во время разведывательной операции в глубину каньона Тассили-Аджер и вышел в долину Ихар-хар, к югу от военного поста Форт-Полиньяк. Тассили-Аджер представляет собой значительный горный массив на северо-востоке Хоггара, а упомянутый выше каньон известен под названием вади Джерат.

Однажды Бренан, ехавший верхом на верблюде во главе своего отряда, заметил на отвесной скале, ограничивающей вади, странные рисунки. Ничего подобного он еще не встречал. Соскочив на землю, он в восхищении замер: перед его глазами предстали глубоко вТрубленные на камне изображения каких-то громадных животных, шагающих слонов с поднятыми хоботами, выходящих из воды гиппопотамов, свирепых носорогов, длинношеих жирафов, щиплющих верхушки колючих кустарников. Особенно поразительно было подобное зрелище в этом опаленном солнцем крае, откуда человек был изгнан много веков назад и где теперь царило безмолвие пустыни. Пройдя еще около 12 км, Бренан очутился перед хаотическим нагромождением каменных осыпей. Тут-то он и обнаружил один из самых изумительных ансамблей доисторических петроглифов.

Еще до открытия Бренана на скалах, в частности в Хоггаре, на юге провинции Оран и в Феццане, находили довольно много изображений, выбитых на камне, но ничего более прекрасного и значительного еще никто не встречал. Наряду с животными, поражающими грацией и

четкостью линий, здесь были изображены различные фигуры; среди них встречались человеческие существа со звериными мордами. Все вместе составляло невиданный до сих пор ансамбль. Более того, в нишах, образовавшихся в стенах скал и служивших, по-видимому, укрытием для охотников за муфлонами, Бренан тоже обнаружил очень тонко выполненные рисунки. Это было совершенно ново и представляло большой интерес с археологической точки зрения. Естественно, что это открытие взволновало ученых Парижа и Алжира. Четыре месяца спустя я был уже в Тассили. Одновременно со мной туда прибыли профессора Готье, Рейгасс и Перре. Они несколько недель спустя покинули Тассили, я же оставался там еще полтора года.

Перед исследователями открывалась новая страница в истории Сахары.

Глава II. На пути к Тассили

Несколько месяцев спустя после известия об открытии Бренана я оказался на ледяном ветру в глубине каньона Имигу. Тассили с его дикой красотой несомненно стоил Хоггара. Я испытал на себе притягательную силу этого края. Его причудливый рельеф напоминает лунную поверхность. Это впечатление создается оголенными разломами почвы, похожими на трещины на корке свежеиспеченного хлеба, - природе вздумалось придать песчаникам самые фантастические формы. Массив Тассили - это своеобразный мир, одна из жемчужин Сахары. Он, пожалуй, в некоторых отношениях красивее, а его гигантские каньоны и загроможденные каменными осыпями ущелья грандиозней столь прославленного Хоггара. В сопровождении проводника-туарега я за восемь дней прошел от военного поста Форт-Полиньяк до Джанета, расположенных соответственно к югу и северу от массива. Этот переход позволил мне составить первое представление о массиве в целом.

В Джанете я встретился с лейтенантом Бренаном. Он показал мне папку с зарисовками, сделанными им недавно в вади Джерат. Однако в Джерат мне удалось поехать только несколько месяцев спустя вместе с географом Перре, ныне президентом Географического общества. Известный ученый, профессор Готье, просил меня захватить Перре с собой в Форт-Полиньяк и быть его проводником.

Мы были восхищены тем, что увидели в Джерате. Во время моих прошлых поездок по Сахаре мне не раз доводилось заниматься изучением петроглифов, но я никогда не встречал ничего более необычного, оригинального и прекрасного. Профессор Готье, несколько ранее посетивший нижнюю часть вади, окрестил его, по названию реки в Центральной Франции, "Сахарским Везером" (*Везер - река во Франции, берущая начало в горах Лимузена. На ее берегах археологами были обнаружены знаменитые неолитические стоянки: Эйзи, Мадлен и др*), и это совсем не преувеличение. Тысячи наскальных изображений покрывают оба каменистых берега вади, который тянется вплоть до Феццана.

Поднявшись на возвышенные участки каньона, мы увидели гораздо больше, чем наши предшественники. Неожиданно путь нам преградила заброшенная пальмовая роща - оазис Нафег. Дикие пальмы были настолько опутаны и переплетены лианами, что, казалось, мы очутились в глубине девственного леса.

- Нам здесь ни за что не пройти, - заметил мой компаньон. - Лучше уж пойти в обход.

- Пройдем, поверьте мне! - возразил я. - Только наберитесь терпения!

Начинаю топором прокладывать путь через густые заросли, но не так-то легко одолеть крепкие стебли лиан и пальмовые стволы. Руки у меня в крови, одежда изорвана шипами в клочья, но я не прекращаю работы

и расчищаю проход метр за метром. Наконец путь свободен. Берем верблюдов за поводья, и наша процессия кое-как пробирается по проложенной тропинке. Вечером разбиваем лагерь на самом верхнем уступе каньона, где никогда еще не бывал ни один европеец. На ужин жарим рыбу, выловленную в соседнем озере. Ее там так много, что она клевала на кусочки фиников, насаженные на привязанный за веревочку крючок, который мы сделали из простой булавки.

Наши усилия оказались не напрасными. Мы обнаружили в нишах, защищенных от непогоды, прекрасные петроглифы и рисунки, выполненные красной охрой.

Посещение Джерата произвело на меня большое впечатление. При виде этих высокохудожественных произведений доисторического искусства я понял, какой огромный интерес представляют они для археологии. Их красота увлекала меня все больше и больше. Позднее я занялся исследованием пещер, расположенных севернее Джанета, где, по сообщениям Бренана, были обнаружены фрески. За несколько месяцев я исколесил Тассили вдоль и поперек и увидел массу наскальных изображений. Я сделал так много зарисовок, что мои запасы бумаги были вскоре полностью исчерпаны. Бренан сам прекрасно рисовал, однако все наши зарисовки были жалкими уменьшенными копиями: они давали только приблизительное представление о фресках и, что особенно важно, абсолютно не воспроизводили гармонии красок из охры, которыми пользовались доисторические художники. Отныне меня преследовала одна идея: приехать когда-нибудь сюда с группой художников и сделать точные копии, сохранив масштабы и краски оригиналов. Только тогда эти шедевры станут достоянием не единиц, а всех, кому никогда не придется побывать в Тассили: ученых, художников, широкой публики.

Я продолжал обследование Тассили. Это, правда, обошлось нам очень дорого: четыре верблюда - наш основной капитал, необходимый для продолжения изысканий, - подошли, не выдержав изнурительных переходов по камням, по местам, совершенно лишенным пастбищ.

Прошли годы. Различные дела вынудили меня выехать в другие районы Сахары. Началась война, и я был мобилизован в кавалерию в Хоггаре. Только в 1954 году мы с Бренаном вновь встретились в марокканской деревне, где он поселился, дослужившись до чина полковника. Мы вернулись к моему старому проекту, чрезвычайно заинтересовавшему моего учителя Брейля. Я принялся за его осуществление по возвращении из экспедиции на юг Орана, где занимался изучением богатого ансамбля наскальных изображений доисторического периода. Мне удалось создать группу из четырех художников и одного фотографа. Художники были с Монпарнаса; один из них дважды побывал в Сахаре, и они сами "завербовали" друг друга. Я показал им копии фресок, сделанные в прошлые экспедиции, и рассказал о предстоящей работе. Воодушевленные моим планом, они единогласно решили принять участие в экспедиции. Некоторые сведения

о каждом из них позволят судить о причинах, объединивших всех нас в этой увлекательной экспедиции.

Жорж Ле Пуатевен, 43 лет. Выпускник Парижской академии изящных и прикладных искусств. Несколько раз бывал в Северной Африке. Он совершил даже поездку по Тассили, откуда привез много прекрасных рисунков, написанных гуашью. Оригинал, страстно любящий море (следствие его нормандского происхождения) и по аналогии - Сахару (тоже ветер и уединение). На Монпарнасе и в Сахаре известен только под именем Джо.

Клод Гитар, 23 лет. Греноблец. Окончил Академию художеств в Гренобле и Париже. Специалист по фрескам, принимал участие в росписи многих церквей в районе Альп. Тип не очень талантливого художника с бородкой и длинными волосами, с виду благодушен. Настолько чувствителен, что ему делается дурно при виде убиваемой на его глазах мухи, что - увы!-потом случилось" довольно часто (шестнадцать месяцев в Тассили излечили его). Великий труженик и не менее великий курильщик трубки.

Жак Виоле. Его двадцатилетие праздновали в Тассили. Парижанин, бывший ученик Училища прикладного искусства. До нашей экспедиции разрисовывал глиняную посуду "а ля Пикассо" в Валлори. Особые приметы: рост 1,92 м, размер обуви 46. Вырос несколько быстрее, чем следовало. Слишком молод, чтобы иметь прошлое.

Джанни Фрассати, 23 лет, итальянец. Бывший ученик Миланской академии художеств. Некоторое время живет в Париже. Очень талантливый художник и портретист. Был одним из группы художников, которым позировала Джина Лоллобриджида. Неплохо заработал на портрете этой красивой артистки, продав его одному из ее поклонников, что не помешало ему - неблагодарный! - предпочитать Софи Лорен. Сложен, как зеркальный шкаф, высотой 1,87 м, весит около 105 кг. Надеется стать изящным, что произойдет неизбежно. В Париже приобщался к тем же спагетти и к той же студии, что и Клод Гишар.

Филипп Аетелье, около 20 лет. Парижанин. Фотограф и кинооператор экспедиции. Получив воспитание в школе Наткина, фотографировал тысячи парижских детишек. Это - "ветеран" экспедиции. Во всяком случае, так считает он сам.

Мне очень хотелось бы внести в список имя моего товарища Бренана, но за месяц до нашего отъезда он умер во время сердечного приступа у меня на руках. Все произошло в течение нескольких минут. Я очень тяжело пережил эту ужасную потерю, положившую столь неожиданный, конец нашей двадцатилетней сахарской дружбе.

Подготовка к экспедиции заняла несколько месяцев. Нам нужно было продумать все до мелочей: экспедиции в течение нескольких месяцев предстояло жить и работать, переезжая с места на место в

труднодоступной, совершенно пустынной местности. Прежде всего - проблема экипировки членов экспедиции. Нужно было учесть очень резкие колебания температуры, от плюс 50° С в тени летом до минус 10° С зимой.

Не менее важно было решить вопрос о техническом снаряжении. Для предстоящей работы требовались складные лестницы, столы и разные принадлежности для рисования, запас бумаги (700 кв. м), краски, кинокамеры, фотоматериалы и т. д. Размер столов для рисования был очень велик - 4,8 м, и когда я ввел в курс дела Брейля, он воскликнул, воздев руки к небу: "Но как вы доставите весь этот груз в Тассили?" Наконец, нужно было подумать о снабжении, а это означало тысячи вещей, жизненно необходимых для экспедиции: от пенициллина и консервного ножа до машинки для стрижки волос. Весь этот груз, весом 3 т, был сложен в одной из комнат Музея Человека (*Музей Человека (Musée de l'Homme) - этнографический музей в Париже*). Нужно было переправить эти 3 тыс. кг за 4 тыс. км и притом, если возможно, даром - в целях экономии наших средств. Мне удалось добиться этого благодаря содействию знакомого мне судовладельца.

Брейль, признанный знаток доисторического искусства, хотел принять личное участие в экспедиции, но, к сожалению, вынужден был отказаться от этого плана из-за преклонного .возраста и большой занятости. Тем не менее он оказал нам большую моральную (а впоследствии и материальную) поддержку. Должен сознаться, что без него мы никогда не смогли бы преодолеть все препятствия, возникавшие на нашем пути. Он потратил много сил, представляя экспедицию в Париже, и можно сказать, что мы всегда ощущали его присутствие. С каждой почтой мы получали от него весточку, и сам он тоже всегда был в курсе наших дел. Экспедицию опекал Музей Человека. Его директор, профессор Валуа, и заместитель директора, доктор Пале, пользуясь своим влиянием, всеми силами поддерживали мои планы, дружески и внимательно следили за их осуществлением. По ходатайству членов этнологической секции нам оказал материальную поддержку также Национальный научно-исследовательский центр.

В конце января 1956 года мы покинули Париж, чтобы несколько дней спустя оказаться в г. Алжире. В то время как наш 3-тонный багаж грузили на военный грузовик, самолет одним махом доставил нас из алжирского аэропорта Мэзон-Бланш в Джанет.

В Алжире в последний момент к экспедиции присоединилась Ирен Монтандон, получившая диплом специалиста по берберскому языку и стремившаяся пожить среди туарегов, язык которых она изучала. В течение трех месяцев она была членом нашей экспедиции, взяв на себя большой труд быть ее секретарем.

Отныне живописный оазис Джанет у подножия Тассили и расположенный там военный пост остаются для нас единственной точкой

соприкосновения с цивилизованным миром. Отсюда ежемесячно нам должны доставлять продовольствие.

20 февраля 1956 года у борджа (*Бордж (араб.) - буквально "башня"; здесь - название укрепленных военных постов, мест расположения гарнизонов оккупационных войск*) Джанет стояло тридцать верблюдов, переданных в наше распоряжение начальником военного поста капитаном Росси. Меня связывала с ним двадцатилетняя дружба, еще со времен моей первой поездки в Тассили в 1934 году.

Пять погонщиков верблюдов - уроженцев Джанета, проводник-туарег и двое слуг составляют наш обслуживающий персонал. Идут последние приготовления к отъезду: мои товарищи нетерпеливо суетятся, несколько растерявшись при виде множества разнообразной поклажи, которую следует водрузить на спины вьючных животных. Верблюды ревут, жуют жвачку и отравляют воздух своим зловонным дыханием. Погонщики размещают тюки, натягивают веревки, осыпая друг друга бранью, - каждый старается взвалить на своих верблюдов самые небольшие ящики, оставляя большие на долю других. Мне хорошо знакома подобная "музыка", и постепенно я навожу порядок в этой суматохе. Однако понадобилось еще полдня, прежде чем все было готово и наш караван наконец тронулся.

Попасть на плато Тассили, возвышающееся над Джанетом на 500-700 м, можно по одному из четырех перевалов. К сожалению, единственно доступным для вьючных верблюдов оказался самый дальний из них. Нам пришлось идти до места первой длительной стоянки в обход, что отняло у нас восемь дней. Привалы устраивались каждый вечер. Мы не научились еще правильно укреплять грузы, нужно было освоить искусство езды на верблюдах, и немало прошло времени, прежде чем все стало на свои места. На протяжении всего пути мы не разбивали палаток и спали под открытым небом. Мало-помалу все научились спать в спальных мешках, пользоваться надувными матрацами и находить укромное местечко среди тюков, спасаясь от ледяного ветра.

Стоянки доисторического человека в районе Тассили-Аджер

Ирен Монтандон взяла на себя обязанности интенданта и командовала на кухне. Все отдают должное новому образу жизни, полному особой прелести. Любимым развлечением по утрам и вечерам стало кормление полдюжины цыплят, которых мы везем в клетке. Со временем они должны угодить в кастрюлю, но два из них погибли от холода, и слуги чуть было их не выбросили. Мои товарищи энергично запротестовали. Ведь в конце концов это просто мороженое мясо! Несмотря на явное неодобрение слуг, рагу из цыплят показалось нам отменно вкусным. Мы, во всяком случае, остались довольны.

О трех днях похода по равнине мы вспоминаем, как о прекрасной прогулке. Но вот начинается подъем на перевал Ассакао, который нам предстоит преодолеть. Первый ночлег пришлось устроить на очень живописном, но слишком открытом для ледяных ветров каменистом цирке (Цирк - напоминающее амфитеатр расширение в горах, преимущественно в

верховьях долин, образовавшееся в результате выветривания или вымывания скал). Это была одна из самых тяжелых ночей за всю нашу экспедицию. Мы натянули толстые свитеры и пуховые анораки (*Анорак - длинная куртка с капюшоном, застегивающаяся на три-четыре деревянные пуговицы или на молнии*). Вид фляжки с коньяком, извлеченной нашим интендантом из сумки и пущенной по кругу, вызвал на наших лицах подобие улыбки. Немного подкрепившись кипящим бульоном, приготовленным в полной темноте, мы нырнули в свои спальные мешки и не вылезали из них до самого утра. Окоченевшим, со слезящимися глазами верблюдам пришлось гораздо хуже, чем нам.

На следующий день, к 2 часам после полудня, выходим к самому трудному участку перевала. Нам предстоит серьезное испытание. Мне издавна знакома эта дорога, и я предугадываю те трудности, которые неизбежно возникнут на нашем пути. Погонщики распределяют между собой верблюдов, и восхождение начинается. Нагруженные верблюды цепочкой медленно пробираются среди осыпавшихся каменных обломков. Иногда их приходится понукать и даже бить, что наши туареги с успехом и делают. Вскоре слышны только крики погонщиков. Подъем становится все круче и круче, нагромождения камней - все больше, и бедные животные задыхаются от напряжения. Дальнейший путь превращается для них в восхождение на Голгофу: многие падают, поклажа скатывается под откос. Люди собираются вокруг упавшего животного, поднимают его, вновь нагружают. Но едва один верблюд становится на ноги, падает другой. Все потеряли головы. Наш проводник - туарег Серми, возглавляющий погонщиков и слуг и пользующийся среди них непререкаемым авторитетом, трудится не жалея сил. Он появляется там, где особенно тяжело, кричит, не умолкая ни на минуту, и работает совершенно героически. Нужны нечеловеческие усилия, чтобы поднимать и вновь взваливать на спины верблюдов тюки, свалившиеся на тропу, где может пройти лишь один человек! Дойдем ли мы когда-нибудь до перевала? Животные уже выбились из сил. Я замечаю на камнях многочисленные следы крови: у всех верблюдов копыта и наколенные мозоли ободраны об острые обломки скал. Валится и сильно разбивается верблюд, нагруженный столами. Этому бедняге, вероятно, уже не удастся больше подняться.

Столы для рисования представляют особую ценность, поэтому нельзя допустить повторения подобного случая. Приходится прибегнуть к крайнему средству: решаю распределить столы между людьми. Теперь начинается наше восхождение на Голгофу. Перевала еще не видно, а каменистая тропинка неумолимо круто вздымается перед нами. Опоражниваются один за другим бурдюки с водой, быстро тают индивидуальные запасы таблеток глюкозы. Тем не менее настроение у отряда бодрое. Верблюды продолжают падать. Новые грузы взваливаются на спины людей, но все держатся молодцом, и я теперь уверен в удачном исходе экспедиции. В пять часов вечера вся поклажа оказывается, наконец, на перевале. Люди совершенно изнурены. Я иду замыкающим, тащу за поводья своего верблюда и одновременно

подталкиваю едва живого старого верблюда, которого тянет за собой Ле Пуатевен.

Преодолеваем последние 10 м, и вот я уже любуюсь великолепной панорамой, открывающейся с перевала. Вдруг один из верблюдов оступается и, не удержав равновесия, катится вниз по склону, пока его не задерживает куча камней. Верблюд чуть было не увлек за собой меня, но я успеваю отскочить в сторону. Совершенно измученные, мы общими усилиями втаскиваем бедное животное за хвост и ноги и ставим его на вершину перевала. Если бы не опасность потерять верблюда, эта сцена могла показаться смешной. Несчастный верблюд дрожит, но, видимо, доволен тем, что не сложил своих костей на дне ущелья.

У нашего сентиментального Клода Гишара слезы на глазах, он отворачивается от этого зрелища. Ничего, ему придется еще не то увидеть. День еще не кончился. Снова нужно навьючивать верблюдов, укреплять грузы и идти к ближайшему вади со скудным, но спасительным пастбищем. Ночь наступает внезапно. В пути отряд разбивается на несколько групп, и мы бредем в полном мраке, почти не ориентируясь и натываясь на камни. Но вот замечаем огонь, разожженный Серми, - он уходил йпе-ред на разведку. Все собираются вместе.

Дует ледяной ветер, и каждый пытается укрыться среди тюков или занять место у огня. В молчании догрызаем сухие финики, которые нам дали туареги. В эту ночь никого из нас не нужно было убаюкивать.

Глава III. Первые копии в Тан-Зумаитак

"Аллах к тебе милостив!" - сказал мне мой старый проводник-туарег Джебрин аль-Мухаммед, присоединившийся к нам в лагере Тамрит несколько недель спустя. И действительно: что есть, то есть. В течение четырех лет на Тассили ни разу не выпало сколько-нибудь значительного дождя, и засуха на пастбищах привела к страшному истощению скота туарегов и гибели значительной части его. И вот в день нашего прибытия в Джанет появились огромные тучи, разразившиеся вскоре ливнем над всем районом, расположенным к северу от оазиса. Вода наполнила вади и широко разлилась между стволами пальм. Больше всего радовался я: без пастбища и воды в гельтах (*Гельта - водоем, образовавшийся в понижениях почвы, часто в ложе вади, благодаря выходу на поверхность подпочвенных вод*) наше пребывание здесь было бы не только очень тяжелым, но и просто невозможным. Поэтому понятна наша бурная радость при виде первых светлых пятнышек цветов, ожививших унылую и редкую растительность вади.

Особенно довольны верблюды: на привале в ущелье Ассакао они вволю лакомятся редко выпадающей на их долю травой. Что касается моих товарищей, спрятавшихся в свои спальные мешки, то они явно не выражают желания вылезать оттуда. Обильная роса - редкое явление в Сахаре - покрыла пушистые подстилки, а утренний морозец превратил водяные капли в тонкую ледяную пленку.

Собрать повеселевших верблюдов со всех соседних вади оказалось делом нелегким, и наш караван трогается в путь только в 11 часов утра. Двигаемся медленно из-за постоянно сваливающихся тюков. Решаем отказаться от обеда, чтобы успеть пройти побольше, и во время короткой остановки наскоро закусываем сардинами и галетами, смоченными в зеленом чае.

Ландшафт становится однообразным. Продвигаемся по оголенной равнине, где гуляет ледяной ветер, заставляющий нас натягивать на себя анораки. Один из верблюдов, совершенно изможденный и сильно пострадавший, с трудом переставляет ноги и все больше отстает от каравана, а Джо довольно безуспешно тянет его за собой, сопровождая свои усилия странными криками, которые, по его мнению, должны подействовать ободряюще на верблюда. В остальном все идет хорошо. Перед нашим взором вырисовываются первые очертания скалистых барьеров, и вскоре мои спутники замирают от восторга: наш путь лежит через лес, образованный естественными колоннами из песчаника. Гигантские столбы постепенно обступают нас со всех сторон. Для европейца это совершенно фантастическое зрелище.

Что же такое Тассили? На языке туарегов это название означает "речное плато". Это действительно плато; что же касается рек, то сейчас там вместо них только высохшие долины. Структура различных участков массива (его длина - 800 км, а ширина - 50-60 км) очень разнообразна.

Южный край Тассили круто нависает над плоскогорьем Хоггара, возвышаясь над ним на 500-600 м. Хребты из хрупкого песчаника, составляющие массив и пересекающие его лощины, имеют общее направление с юга на север. Водные потоки вырыли многочисленные каньоны, все более углубляющиеся по мере удаления от горных хребтов. Но этим работа воды не ограничивается. Весь массив подвергся воздействию вод, которые буквально изрезали его своими потоками и придали ему причудливые формы. Они подмывали, выдалбливали, просверливали массив, превращая порой огромные каменные глыбы в кружево. Вода? В краю, где почти никогда не бывает дождей? Да, вода. Все это, разумеется, происходило в очень далеком прошлом. Миллионы лет массы песчаников подвергались воздействию стихий.

Отныне мы оказываемся в этом фантастическом мире, и наш путь лежит среди высоких колонн, напоминающих руины громадного средневекового города с обезглавленными башнями, церковными шпилями, папертями соборов, странными фигурами фантастических животных, диковинными архитектурными ансамблями. На третий день мы выходим, наконец, к цирку Тин-Беджедж, напоив животных и обновив наши запасы воды из углубления в скале вади Иддо - след благословенных дождей! Цирк Тин-Беджедж, шириной около километра, окружен высокими уступами скал. Во многих местах вода смыла их основания, образовав углубления, послужившие для нас вполне удобным убежищем. Мы добрались, наконец, до цели нашего путешествия. Весь рельеф местности, множество выемок в скалах напоминают городскую площадь, окруженную домами. Вполне понятно, почему первобытные народы селились в этих местах.

Что же мы увидели на стенках окружающих нас естественных гротов? Изображения фигур самых разнообразных стилей: одни имеют сходство с европейским типом, другие изображены схематично, с круглыми, а то и с прямоугольными головами. В этом доисторическом музее большое место занимают также животные, среди которых встречаются жирафы, быки, лошади, запряженные в боевые колесницы, лошади с всадниками, вооруженными дротиками, муфлоны, преследуемые собаками, и т. д.

Несомненно, эти места были густо заселены в более благоприятные времена. Люди, жившие здесь, изображали свою жизнь: одни занимались охотой, другие - скотоводством, третьи - войной... Какой поразительный контраст с окружающей нас сейчас пустыней!

Впервые после отъезда из Джанета встречаем кочевья туарегов. Приближаясь к ним, замечаем стада коз, возвращающихся с пастбища под присмотром нескольких девочек. В ночной темноте, сгрудившись у огня, на котором готовят ужин, мы видим, как на другой стороне цирка во многих пещерах зажигаются огни и мелькают тени людей. Нам вдруг показалось, что мы перенеслись в доисторическую эпоху и стали современниками художников, чьими произведениями мы собирались заняться. Удивительно странное и волнующее ощущение!

На следующий день отправляюсь к нашим соседям. Три семьи, устроившиеся в укрытиях под скалами, состоят только из женщин и детей: мужчины отсутствуют, многие из них сопровождают караваны в качестве про-водников.

Обычно туареги ночуют в палатках из шкур, которые плохо защищают от холода и ветра. Поэтому приходится воздвигать небольшие заслоны из камня. Этим же убежищем пользуются и козы. Все имущество кочевников состоит из нескольких деревянных сосудов, старого железного котелка и синего эмалированного чайника. Тут же несколько полупустых кожаных мешков с сухими финиками и просом.

Прогнав лающих собак, женщины радушно принимают меня и подносят в миске "молоко гостеприимства"; в нем песок и козья шерсть. Лед сломан, и спустя несколько мгновений в наш лагерь вторгаются женщины и ребятишки и начинают настойчиво выпрашивать сахар, чай и муку.

Особенно их заинтересовала Ирен Монтандон, и они буквально осаждают ее. Одна взвешивает на руке ее белокурые косы, другая с завистью ощупывает платок, третья сначала пытается снять с нее часы, а потом вцепляется в блузку. Одна маленькая проказница даже начала шарить по карманам Ирен, извлекла оттуда веревочку, карандаш, который попыталась присвоить, бумагу и, к радости своей, таблетки виноградного сахара. Ирен раздает целую горсть этих сладостей, глядя с удовольствием на весело болтающую гурьбу наших новых знакомых.

Еще три дня пути, и мы приходим в Тан-Зумаитак, на нашу первую основную стоянку. В общем, если не считать восхождения на Ассакао, наш караван перенес поход вполне хорошо. Наши "жертвы" - несколько верблюдов, почти отмороженные пальцы от утренних холодов и солнечные ожоги (о прелестный, покрасневший нос Ирен!) - не так уж трудно перенести.

Наши погонщики, получив плату, собирают животных и покидают нас, чтобы возвратиться в Джанет на пастбища эрга. Я оставляю четырех верблюдов: двух мехари (*Мехари (араб.) - быстроходный верховой одногорбый верблюд. Колониальные власти создали для действий в пустыне отряды кавалерии на верблюдах, так называемых мехаристов, комплектовавшиеся из туарегов под командой французских офицеров*) - для разведок и пересылки сообщений - и двух вьючных.

Впервые мы разбиваем палатки и устраиваемся на долгое время. Начинается настоящая работа. В Тан-Зумаитак есть уже знакомый мне большой грот с фресками. Однако ранее сделанные фотографии дают лишь смутное представление об их художественной ценности. Мы забираемся туда (это скорее пещера, чем грот) и в изумлении останавливаемся: огромные человеческие фигуры нарисованы желтой охрой; их тела и волосы усеяны белыми пятнышками. Тут же гигантские муфлены, нарисованные белой краской и лиловой охрой, какие-то

странные, не поддающиеся определению фантастические белые животные, обведенные желтой охрой, и масса других фигур и мелких животных. Все это великолепно сохранилось, и мы не можем оторвать глаз от необычных изображений, поражающих колоритом красок. Нет сомнения в том, что это сахарское Ласко (*Ласко - доисторический грот (Франция, департамент Дордонь) с наскальными изображениями бизонов*) в миниатюре. После более внимательного изучения деталей фрески оказывается, что она состоит по меньшей мере из шести слоев живописи, наложенных один на другой. Это обстоятельство побуждает нас к решению снять копию всей фрески. Для начала художники должны быть обеспечены всем необходимым. Мы переносим сюда столы, лестницы и рисовальные принадлежности.

Тем временем слуги занимаются благоустройством лагеря. Ирен Монтандон "разрабатывает" меню (о, оно не очень-то разнообразно!), тщательно калькулирует порции. Начинаются наряды по доставке воды, топлива, выпечке хлеба. Воду приходится брать из застойных луж, сохранившихся после знаменитых дождей "в честь нашего приезда". Там полно всякой живности: личинки насекомых, крохотные рачки, похожие на малюсеньких креветок, а также песок, трава, шерсть и помет коз и верблюдов. Один из слуг, смысленый Галигала, фильтрует эту грозную жидкость при помощи своего тюрбана, которым он при случае пользуется как носовым платком или вытирает ноги и посуду. Невозможно устоять перед его благим порывом: в Сахаре не приходится привередничать.

Воспроизведение всей фрески в Тан-Зумаитак, поражающей своей необычностью, дает возможность нашим художникам в совершенстве овладеть искусством копирования. Чрезвычайно тонкая работа и внушительная площадь фрески - 28 кв. м - очень хорошая школа для всех нас.

Сам процесс съемки копий относительно прост. Сначала калька накладывается прямо на стену, затем укрепляется так, чтобы неровная скалистая поверхность по возможности не искажала копии. Следующий этап состоит в воспроизведении фона фресок, иными словами, тона стен доисторических гротов. Наконец, калька накладывается на бумагу с подготовленным фоном и калькированные фигуры фресок раскрашиваются в соответствии со своими оригиналами. Таким образом, художник не наносит произвольно ни одного штриха. Для наиболее точного и верного копирования наскальных изображений этот способ оказывается самым совершенным.

Размеры фрески очень велики, и нам приходится делать копию по частям. Неровная поверхность стены, покрытая выступами и впадинами, доставляет много хлопот. Эта кропотливая работа требует от художников необычайной тщательности и ловкости. Объединенными силами всей группы она была выполнена за пятнадцать дней, причем результаты ее оказались блестящими. Отныне я уверен, что нам удастся осуществить великолепные замыслы, об исполнении которых я давно уже мечтал.

Теперь, когда мы находимся на месте нашей работы, мне приходится выступать в самых разнообразных ролях. Я занимаюсь организацией, руководством и проверкой работы членов экспедиции. На мне лежит обязанность обследовать окрестности в поисках рисунков и всевозможных археологических памятников, способных пролить свет на вопрос о происхождении людей, создавших эти фрески. Как только в лагере отпадает необходимость в моем присутствии, я отправляюсь с проводником-туарегом Серми в разведку, и мы прочесываем с ним местность во всех направлениях.

Однажды мне удалось добраться до массива Тин Абу Тек, который расположен в четырех часах ходьбы от Тан-Зумаитак. Мне уже было известно о имеющихся там фресках. Это настоящая маленькая скалистая крепость, возвышающаяся над долиной на высоте ста метров. Вся она изрезана узкими проулочками, по которым легко передвигаться. Кажется, что идешь по вымершему городу, хотя я встретил там четыре семьи туарегов, наскоро устроившихся в углублениях скал под защитой каменных барьеров.

То, что я увидел на стенках, образующих проулочки, совершенно потрясло меня: тут были нарисованные красной охрой человеческие фигуры в натуральную величину, лучники с поистине классической мускулатурой, огромные животные, похожие на кошек, многочисленные изображения быков, боевых колесниц и т. д. На Тассили мне никогда еще не доводилось встречаться с подобными рисунками. Они составляли невиданный до сих пор ансамбль, превосходивший по своему исполнению все известные рисунки этого типа.

Полный энтузиазма, я созываю весь лагерь и сообщаю о своем открытии. В пути мной были обнаружены еще три углубления в скалах с великолепными фресками. Однако снятие копий откладывается. На первом месте в моей программе стоит работа над рисунками, обнаруженными в Тамрите. Они находятся в часе ходьбы от Тан-Зумаитак.

Мы с Гишаром отправляемся в Тамрит для подготовки места работы. Живем мы с ним в маленьком гроте, занимаясь стряпней и снимая копии с утра до вечера. Серми регулярно снабжает нас всем необходимым, а Ирен, узнав кратчайший путь, как-то смело пришла к нам без проводника.

Однажды утром в нашем лагере в Тамрите появился оборванный туарег. Он направился ко мне с явным намерением поздороваться со мной за руку. Я не сразу узнал своего старого проводника Джебрин, сопровождавшего меня в этих местах двадцать лет назад. Следуя обычаю, мы пьем "чай дружбы", и я решаю взять его в экспедицию.

В Тан-Зумаитак работа заканчивается. Каждый день Серми доставляет в Тамрит на верблюдах багаж. Первым к нам присоединяется Филипп Летелье. Затем прибывает остальная часть группы.

Впервые мы послали в Джанет курьера с сообщениями для пересылки в Париж и Алжир. В наши дни большинство экспедиций в Сахаре снабжено радиостанциями. Однако я считаю эти аппараты громоздкими и ненужными, отнимающими при установлении связи слишком много времени. В конце концов, какое мне дело до того, что происходит в Европе, да и на всем земном шаре? Расставшись с цивилизованным миром, мы с утра до вечера общаемся с доисторическими людьми из Тассили.

Глава IV. Кипарисы Тамрита

Мы действительно ежедневно встречаемся с доисторическими художниками Тассили.

Ландшафт Тамрита чрезвычайно красив и своеобразен. Мы устроились во впадинах скал, нависших над глубоким вади, который завален каменистыми осыпями, преграждающими путь нашим верблюдам. В 10 м от лагеря есть небольшой водоем, снабжающий нас свежей водой для приготовления пищи и мытья. Вдоль русла вади - что совершенно необычно для пустыни - выстроилось несколько великолепных кипарисов, стволы которых достигают более 6 м в обхвате. Зеленая листва деревьев причудливо вырисовывается на красноватом фоне окружающих скал. Мы с удивлением обнаруживаем в 500 м от лагеря самый крупный в Тассили водопад высотой около 600 м. Внизу расстилаются небольшие серебристые озера. Все это похоже на театральные декорации и невольно вызывает в воображении картины жизни в доисторические времена, в ту пору, когда наши художники разрисовывали скалистые стены, изображая на них охотничьи сцены и стада быков.

Часто по вечерам, выходя по окончании работы из пещер, каждый день открывавших перед нами все новые фрески, мы собирались у лагерного костра. Нам рисовались цветущие долины, леса, болота и звери, жившие когда-то в этом раю. Мы заселяли в нашем воображении эти места разнообразными животными. Добродушные слоны толпились возле воды, шевеля большими ушами. Пугливые носороги спешили к логовищам по узким тропинкам. Жирафы прятали головы в кустах мимозы. По долинам, пощипывая траву, бродили стада антилоп и газелей, находивших отдых под зелеными кронами деревьев. Наконец, мы старались представить себе людей, живших в скальных пещерах: мужчин, занимающихся подготовкой оружия к охоте и мастеров, шьющих себе одежду из шкур, женщин, готовящих пищу или отправляющихся к соседнему водоему купаться или мыть свои миски. Мы представляли себе пастухов, которые пасли стада или вели быков на водопой.

Вечерами они загоняли их за сплетенные из веток изгороди, защищавшие скот от нападения хищников.

Хищники! Должно быть, эти скалистые лабиринты с недоступными для охотников убежищами просто кишели ими. При такой богатой фауне им всегда была обеспечена легкая добыча. Здесь хозяйничали владыки этих мест - лев и пантера, вселявшие ужас в людей. Перед моими глазами неотступно вставали пейзажи и картины из жизни, виденные мной некогда в горах Адамауа в Северном Камеруне. Там до сих пор сохранились та же фауна и громадные стада быков, пасущиеся под охраной пастухов-фульбе.

Возвышающиеся перед нами кипарисы - одна из самых удивительных достопримечательностей Сахары. Когда-то кидарисы росли в Хоггаре. Несколько лет назад там был найден старый кипарисовый ствол. Во время нашего перехода через Тин-Беджедж Серми бросил в пылающий костер кусок какого-то дерева. Тотчас же в воздухе разлилось благоухание. Туареги называют это дерево тарутом, ботаники же дали ему название *Cupressus dupreziana*. До сих пор я никогда не видел в этой области подобной разновидности кипариса. Серми объяснил мне, что в близлежащих горах есть много деревьев, засохших, как он выразился, очень давно, задолго до его рождения. Кажется невероятным, что эти стволы сохранились в стране, где древесина представляет столь большую редкость и ценность. Дело же в следующем: у туарегов нет такого топора или какого-нибудь иного инструмента, которым можно было бы срубить столь огромные стволы с исключительно твердой древесиной. Я с интересом занялся изучением кипарисов. Ведь они - редкие свидетели далекого доисторического прошлого с влажным климатом. При подсчете оказалось, что сохранилось лишь около сотни этих деревьев, когда-то густо покрывавших склоны Тассили.

Во время моих предыдущих экспедиций профессор Алжирского университета Мэр попросил достать ему семена тарута. После первых неудач попытки вырастить дерево увенчались, наконец, успехом: сегодня в ботаническом саду университета можно полюбоваться двумя великолепными экземплярами тарута, достигшими высоты более 5 м. Опыты, поставленные в Монпелье, тоже дали хорошие результаты. Так удалось предотвратить полное исчезновение этой породы деревьев. Туареги, будучи не в состоянии срубить массивные стволы, обламывали низко растущие ветви,, в результате чего дерево, как правило, погибало. Итак, когда-то в районах массивов Хоггара и Тассили был средиземноморский климат. Не удивительно, что в те времена здесь жили люди.

Продолжая нашу работу, мы обнаруживаем великолепную фреску, нарисованную красной охрой и белой глиной: пастухи гонят стадо из шестидесяти пяти быков. С помощью Клода Гишара я с воодушевлением приступаю к снятию копии. Работа изнурительна. Непрерывно дует ветер, срывая листы кальки. Мы вынуждены по десять раз возобновлять

начатое. Увлеченные работой, мы почти не замечаем дождя, хотя в долине уже образовались лужи.

Фрассати, Ле Пуатевен и Виоле работают в глубокой пещере вادي Тамрит. Джанни старательно снимает копии с великолепной сцены: вооруженные луками охотники с разрисованными телами преследуют стадо антилоп. Очень любопытно, что животные изображены не полностью - нарисованы только их головы. Двое других наших юных художников заняты копированием фрески с круглоголовыми существами и муффонами.

Большая фреска, изображающая быков, доставила нам страищо много неприятностей. Она занимает площадь 12 кв. м, и мы вынуждены рисовать параллельно на двух полосах, которые затем придется очень тщательно подгонять друг к другу, так как многие животные на копии оказываются разрезанными пополам. Все шло бы хорошо, если бы не сильный ветер, затрудняющий нашу работу. Нам приходится укреплять листы бумаги и сосуды с водой большими камнями. Проклятый ветер рвет не только кальку, но и плотную бумагу с рисунками, уничтожая иногда в несколько секунд плоды многодневного труда. Именно так случилось с копией фрески с изображением жирафов, которую Виоле уже заканчивал.

Часто рисунки расположены на потолке грота, на высоте 3 м от земли. В этих случаях мы пользуемся лестницами. Бывает иногда и обратное: выемки оказываются настолько низкими, что работать приходится на четвереньках - положение весьма неудобное. Все эти акробатические трюки доводят нас до полного изнеможения. Однако самая трудная и сложная задача - правильно "прочитать" рисунки, чаще всего плохо различимые, а в некоторых местах полностью стертые. Помочь этому можно лишь одним способом: смыть со стены тысячелетиями оседавшую глинистую пыль, а потом оживить краски, прикладывая к изображениям смоченную в воде растительную губку. Постепенно с помощью лупы или без нее восстанавливается каждый сантиметр. Но при таком темпе мы возимся с одним рисунком по нескольку дней. Кроме того, нужно учитывать резко меняющееся освещение и, что еще хуже, его недостаточность. Одни из самых интересных находок были нами сделаны благодаря этому многократному промыванию изображений, совершенно невидимых ранее из-за покрывающей их пыли.

После нашего отъезда из Джанета питаемся в основном продуктами, которые привезли с собой. Однако уже начинает ощущаться недостаток муки и особенно - свежего мяса. Туареги неохотно расстаются со своими козами, даже самыми старыми. Джанни, Серми и Галигала отправляются с четырьмя верблюдами в Джанет. Им дано поручение раздобыть что-либо съестное. Они держат путь на перевал Тафилалет. Он гораздо труднее, чем Ассакао. Но я могу положиться на Джанни: он очень расторопен и сам любит хорошо поесть. В течение трех дней, проведенных им в Джанете, он рыскал по всем столовым, заговаривая зубы кладовщикам, и проявил столько энергии, что наши четыре

верблюда еле притащили на себе 400 кг снеди, из них 100 кг муки и сорок банок мясных консервов. Если спускаться было легко, то как тяжел подъем по крутому склону, покрытому осыпающимися камнями! При переходе через третий перевал верблюды совершенно обессилели. Несмотря на все усилия и крики, Серми и Галигала не могли заставить их пройти более 20 м. В довершение всех бед один верблюд падает, но едва его перевьючивают, как он валится снова. Люди тоже измучены. Тем не менее они решают разгрузить верблюдов и взваливают тюки на свои спины. Здесь тропинка очень узка, и о привале не может быть и речи. Верблюды, освобожденные от грузов,, становятся покладистей, и их удается поднять. И снова изнурительный подъем. Ночь застаёт маленький отряд на перевале. Увы! Здесь не оказывается ни топлива для костра, ни пастбища для животных. Обоз продолжает свой путь, пока темнота не заставляет его остановиться. В желудке пусто; остается лишь уснуть, растянувшись на каменном ложе.

За время экспедиции нам пришлось двадцать раз преодолевать этот проклятый перевал, и всегда это было для нас сущим кошмаром. Перевал Гафилалет вывел из строя восемь верблюдов. Немногим легче оказался и перевал Иджефан. На нем мы потеряли трех верблюдов. Две попытки переправлять грузы через перевал Арум на ослах не увенчались успехом. Ослики, взятые напрокат в Джанете, не привыкли к острым камням, и нам снова пришлось переложить груз на свои плечи. Наступил момент, когда Джебрину не удалось больше достать ни одного верблюда: туареги отказывались давать их нам из-за многочисленных несчастных случаев. В течение двух месяцев наше питание оставляло желать много лучшего. порции пришлось сократить до минимума.

Таким образом, наша тассилийская экспедиция терпела все трудности, какие только могут выпасть на долю человека в этих местах. Ведь приходилось не только помогать измученным животным при переходе через перевалы. Уже расположившись на месте, мы почти ежедневно таскали на себе столы для рисования за сотни метров, а иногда, как было в Тамрите, почти за 2 км.

В остальном наша жизнь, жизнь пещерных людей, течет нормально. Нам то холодно, то очень жарко, иногда мы голодны, но все это входит в нашу программу. Смерть, великолепный повод для рекламы некоторых экспедиций, не угрожает нам, и это лучше как для "смерти", так и для начальника экспедиции. Правда, нельзя сказать, что у нас в лагере всегда все спокойно.

У Клода Гишара, помимо других обязанностей, есть еще одна - почти каждое утро обнаруживать под своим спальным мешком скорпиона. Я не знаю, что привлекает к нему этих малосимпатичных насекомых. Он приносит их мне. Они самой различной величины, черные и белые - целая коллекция, которой мог бы позавидовать любой энтомолог. Может быть, ему присущ какой-то особый запах? Злые языки утверждают, что всему виной его борода,, Я уже было подумал, что он выплачивает туарегам за собранных скорпионов премиальные с целью поразить потом

всех баснословным количеством этих тварей, но потом отбросил эту мысль: Клод - серьезный малый, не способный на такую мистификацию. Я очень доволен, что нам ни разу не пришлось прибегнуть к антискорпионной сыворотке, имевшейся в наших индивидуальных пакетах, Это тем более отраднo, что врач в Джанете предупредил нас, что сыворотка причиняет больше страданий, чем сам укуc!

Что же касается випер (*Випера (фр.) - гадюка. Здесь автор имеет в виду так называемую рогатую гадюку, широко распространенную в песках Сахары*), то мы их здесь видели в огромном количестве. Тассили просто кишит ими. Они обитают среди скал в вади или в пещерах, зарываясь днем в горячий песок и выползая оттуда по ночам. Их жертвами становятся ящерицы, гекконы и неосторожные птицы, слишком близко подошедшие к кучке песка, под которой они скрываются. Человек - самый большой враг випер. Туарег беспощаден к этому виду пресмыкающихся, уже хорошо описанному в литературе. Пожалуй, нет ни одного автора, писавшего о Сахаре, который бы не упоминал о рогатой гадюке, как об отвратительном, страшном животном со "смертоносным дыханием". Не она ли та "гидра", о которой рассказывали в древности? Какая ерунда! Если змею не трогать, она самое добродушное и даже трусливое существо на свете. Судите сами: на стоянке в Тимензузин в 2 м от моего спального мешка много дней жил великолепный экземпляр такой гидры длиной 80 см. Мы все проходили в 30 см от нее, ни разу ее не заметив. Бедная гидра никогда не шевелилась. Больше того, она проявила исключительную скромность. Я обнаружил ее однажды утром. Она свернулась около большого камня, из песка торчала часть ее головы. Тем не менее во избежание какого-либо несчастного случая мне пришлось прервать наше мирное сосуществование. Джебрин ликовал. Эти пресмыкающиеся внушают ему ужас с того злополучного дня, когда одно из них укусило его в ногу. С тех пор прошло много времени, но тем не менее нога по-прежнему слегка парализована, что служит ему прекрасным поводом - пусть это останется между нами - не соблюдать Рамадан.

Глава V. Культура охотоведческого периода

Честно говоря, Джебрин - человек довольно любопытный. Он отличается своеобразным и даже оригинальным умом. И хотя ему теперь около шестидесяти лет (правда, он не очень-то твердо знает, когда родился), он слывет самым отчаянным ловеласом Тассили. У Джебринa две жены - старая и молодая и по меньшей мере с дюжину детей. Помимо всего, у него рыжие волосы, что для туарега весьма редко. Это вызывает у его земляков подозрение, что он сын джинна. И в самом деле, у туарегов обычно волосы цвета воронова крыла, и потому оправданием рыжего цвета волос может служить только вмешательство дьявола. Как говорят, мать Джебринa стала игрушкой в руках одного из

десятков тысяч зловредных существ, которыми наивное суеверие туарегов населяет родные горы.

Но все эти рассказы несколько не мешают Джебрину быть веселым и жизнерадостным, несмотря на ревматизм. Я никогда не скучаю в его обществе. Он - неистощимый рассказчик. К тому же он хорошо изучил мои привычки и, когда мы бок о бок шагаем по тропе, предупреждает мои желания, прежде чем я успеваю их выразить.

В 1934 и 1935 годах мы совместно исходили весь район Тамрита. Джебрина забавляло, как я обшаривал пещеры и впадины. Он равнодушно следил за моими поисками, считая, по-видимому, что мною руко-йодит простая причуда, одна из многих причуд, свойственных французам. В глазах туарегов ботаник, собирающий растения, биолог, копошащийся с сачком в болоте, - все это люди, которым нечего делать.

Всякий раз, когда я подзывал Джебрину, чтобы поделиться с ним очередным открытием, он выказывал предельное равнодушие. Наскальные рисунки ему ровно ничего не говорили. Подумаешь, боевая колесница, запряженная лошадьми! Что это могло значить для него, никогда не видавшего ничего, кроме верблюдов, ослов и коз? Прошлое?.. Какое прошлое? Ведь память о стычках между враждующими племенами жила самое большее век-другой. Далекое прошлое тоже не могло входить в круг интересов туарегов-постоянно пустые желудки доставляли им достаточно хлопот в настоящем.

При взгляде на изображения каких-то рогов в лучшем случае для него было ясно, что они принадлежат быку или антилопе - животным, которых он имел случай видеть во время своих странствований по Судану. Однажды, обнаружив фреску со слоном, я попытался ему разъяснить, как выглядит этот могучий зверь:

- Вот тут, Джебрин, голова. Тут хобот, а вот клыки, видишь?

Но Джебрин ничего не понял, хотя изображение и было очень четким. Он, правда, слышал о существовании толстокожих - слоны до сих пор фигурируют в туарегском фольклоре, - однако не имел никакого представления об их внешнем виде.

Все же постепенно Джебрин увлекся этой игрой и уже с известным интересом стал следить за охотой на "тсуйра" (арабское слово "изображение", которым он именует наскальные рисунки). Он тоже включился в поиски, и у него вошло в привычку обследовать все встречающиеся на его пути углубления в скалах.

Я знаю, что еще не сделал Джебрину своим последователем, и его пока не тянет стать членом Французского доисторического общества. Не стремится он и опубликовывать свои открытия, тем более что все значение фресок продолжает от него ускользать. Однако у него другая цель. Быть может, однажды какой-нибудь турист, набравшись

храбрости, рискнет проникнуть в его владения, и тогда Джебрин покажет ему свои находки и подзаработает на этом.

В общем, я все же обратил его в свою веру, и сегодня Джебрин - мой лучший сотрудник. Каждый раз, когда я отправляюсь на разведку, он сопровождает меня и всячески старается помочь. В пути он обшаривает все вади, обследует углубления в скалах и докладывает мне: "Здесь есть что-то, там есть что-то!".

Его сообщениям не всегда можно слепо доверять, но они все же играют наводящую роль, и этим нельзя пренебрегать. Благодаря ему находки следовали так быстро одна за другой, что наши художники едва успевали делать зарисовки. За короткое время мы с ним сделали два ценнейших открытия в углублениях скал вади Тимензузина, к северу от Тамрита, и затем в углублениях скал верхней долины вади Тамрита.

В Тимензузине вади проходит между двумя скалами, основания которых изрыты глубокими впадинами; в образовавшемся здесь широком проходе впадины непрерывно следуют одна за другой на протяжении 150 м. Я с трудом сдерживаю волнение. Здесь сотни и сотни рисунков: рыбы длиной в несколько метров, жирафы, слоны, грациозные лучники, стреляющие на бегу, и бесконечные вереницы быков.

Фрески имеются также в углублениях, расположенных высоко в скалах. Чтобы добраться до них, нужно быть настоящим акробатом. Рисунки - повсюду. Ни в одной "экспозиции" доисторического искусства не отмечено столько разнообразных изображений в одном месте. Здесь сосредоточено около тысячи рисунков самого различного стиля, и один из них, самый удивительный - я долго-долго не мог оторвать от него глаз - изображение какого-то колдуна с ногами муфлона.

Несколько дней спустя, когда я искал замеченный мною ранее грот, в котором были нарисованы слоны, Джебрин позвал меня и сказал, что обнаружил нечто "очень красивое". Бегу к нему. Моему взору предстает настоящее декоративное панно: стадо великолепных антилоп, изображенных в геральдическом стиле, напоминающем некоторые декоративные мотивы эпохи Возрождения. Это "декоративное панно" заставит еще когда-нибудь говорить о себе, ибо это - непревзойденное произведение искусства Тассили. Оно находится в одном из углов небольшой впадины, все стены которой сверху донизу покрыты росписями.

Обитатели Тассили обладали недюжинным вкусом и умели пользоваться красками. Однако зачем они рисовали?

Обычно принято считать, что доисторическое искусство возникло из колдовских обрядов, иначе говоря - из религии. Местонахождение рисунков во Франции и в Испании в глубоких темных пещерах, напоминающих подлинные святилища, только укрепили ученых в этом

мнении. И не может быть сомнения, что колдун в пещере "Трех братьев", как и обезглавленный медведь пещеры "Монтеспан", могли носить лишь магический характер. В те времена не существовало искусства ради искусства. Оно стало таковым только в современную эпоху.

Тем не менее были и исключения из этого правила: некоторые нарисованные или высеченные в скалах изображения явно не имели магического значения и были, по-видимому, плодом воображения художника. По правде говоря, оба эти явления вполне могли сосуществовать, хотя на спор, при котором допускаются самые невероятные предположения, уже истрачено и еще будет истрачено немало чернил.

Фрески Тассили вновь заставили меня задуматься над этим вопросом. Я искал места, которые могли служить святилищами. Но, должен признаться, ни одна из обследованных мною впадин не соответствовала этому назначению с достаточной вероятностью. Разбросанные повсюду росписи не укладывались ни в какие рамки. Лишь очень немногие из них носили явно магический характер.

Глубокие впадины в Тан-Зумаитаке, Тамрите или Ауанрхете, конечно, могут создавать впечатление святилищ. Однако такие же рисунки обнаружены в самых небольших углублениях. Поскольку в их расположении отсутствует преднамеренность или определенный порядок, следует воздержаться от обобщений.

Обитатели Тассили рисовали повсюду, где только находили подходящее место, главным образом в тех впадинах, которые служили им убежищем и жильем. Это - наиболее распространенный случай. Широкие впадины представляли собой идеальное место для росписи. Поэтому стены таких впадин сплошь покрыты рисунками и наслоения в них встречаются очень редко. И наоборот, в глубоких впадинах площадь для рисунков ограничена, и тут наблюдаются многочисленные наслоения. Обитатели этих пещер рисовали поверх рисунков своих предшественников. Кроме того, мы встречали росписи в отдельных небольших выемках, которые вряд ли могли служить убежищем для людей. Поэтому вывести какое-либо общее правило невозможно.

Отнести эти рисунки к числу магических изображений очень трудно. Следует уточнить, что открытые нами фрески весьма многочисленны и разнообразны. Они выполнены по меньшей мере в шестнадцати различных стилях. Каждый из этих стилей соответствует определенной эпохе и отражает ее своеобразие. Правда, мы обнаружили рисунки, на которых изображены и какие-то божества или колдуны. Однако имеются ансамбли, которые явно говорят о желании художника, наделенного богатым воображением, запечатлеть ради собственного удовольствия то, что он видел вокруг себя.

Именно так можно расценивать, хотя к подобному предположению необходимо подойти осторожно, росписи периода, названного нами

скотоводческим, потому что в то время, по-видимому, впервые появляются домашние быки. Их изображения наиболее часто встречаются в живописи Тассили, причем эти фрески - самые поздние из шестнадцати слоев, упомянутых нами ранее. Изображения быков часто наслаиваются на другие, но все же они предшествуют периоду, когда появляется лошадь.

Бык, воспроизведенный на стенах десятки тысяч раз, был излюбленным сюжетом периода скотоводства. Чаще всего изображены целые стада, которые пасут пастухи. Рисунки быков выполнены с натуры с большим мастерством. Особенно тщательно выписаны детали: рога, уши, копыта и хвосты. Великолепно переданы очень гармоничные формы туловища. Пятна нанесены красками различных тонов, в основном - белой. Эта живопись - многокрасочна. Основной ее цвет - красная охра, но наряду с этим использовались желтые, зеленоватые и синие цвета. Мы видели не одну сотню фресок, относящихся к этому периоду. Многие из них были очень схожи, но всегда в отдельных деталях или формах наблюдалось какое-то различие.

Мастерам скотоводческого периода присуща удивительная и совершенно не свойственная художникам доисторической эпохи особенность: прежде чем создавать изображение в красках, художник высекал его на скале. Мной было найдено множество высеченных штриховых набросков, очень напоминающих манерой выполнения эскизы современных художников. Эти штрихи очень тонки - они как бы выгравированы кремнем. Многие линии, выгравированные таким образом, частично уже заполнены охрой.

Изображения людей в разнообразных одеждах полны красоты, гармонии и изящества. Они даны в движении; мы видим их стреляющими по дичи из лука, сражающимися за обладание стадами или собирающимися в группы для участия в танцах. Многочисленные рисунки воспроизводят домашние работы. Они дают живое представление о быте тех времен. Люди жили в конусообразных хижинах. Женщины растирали зерна на каменных зернотерках. Быки использовались для верховой езды, причем женщины занимали место позади мужчин. Быки составляли основу жизни этих людей, но у них были также козы и овцы.

Были эти люди черными или белыми? Нас поразило разнообразие типов их лиц: среди них есть негроидные (с чертами прогнатизма) и европеидные. Очевидно, здесь бок о бок жили люди различных рас, разных физических типов, как это наблюдается и в настоящее время среди туарегов и их черных рабов. Разнообразие одежды - от длинных туник до коротких передников, сплетенных из травы, - подтверждает это предположение.

Однако преобладает эфиопский тип. Большое число пастушеских племен несомненно прибывало с востока, заняв не только Тассили, но и всю территорию Сахары. У этих племен был, по-видимому,

распространен культ быка. Это видно из того, что быки изображались иногда с каким-то символическим знаком между рогами. Несомненно, что эти племена некогда соприкасались с египетской культурой. Раз пять мы встречали на фресках изображения египетской нильской лодки, что безусловно подтверждает наше предположение о восточном происхождении пастушеских племен.

Археологам помогает провидение. Только этим и можно объяснить мою находку - кучу золы у основания одного из гротов с фресками. Это не что иное, как остатки стоянки пастухов скотоводческого периода. Я извлек из груды порошкообразного перегноя, где разложившийся коровий навоз перемешался с золой, много костей, среди которых оказалось немало бычьих ребер и зубов. Тут же валялись каменные жернова, зернотерки, каменные топоры, костяные шила, черепки посуды, маленькие круглые пластинки, вырезанные из скорлупы страусовых яиц (из них делали ожерелья), несколько подвесок и кольца. Там были даже куски глины различных цветов, служившей первичным материалом при изготовлении красок.

Мной было сделано пять подобных находок. Благодаря им мы имеем теперь богатые сведения о культуре скотоводческого периода. Со временем мы передадим найденные в золе куски древесного угля для проведения анализа на содержание углерода-14. Это позволит точно определить, к какому периоду относятся стоянки пастухов.

Совершенно очевидно, что пастушеские племена населяли Сахару в очень влажную эпоху: на фресках изображены слоны, носороги, гиппопотамы, жирафы. Все эти животные, в том числе и быки, немыслимы без постоянных водоемов и богатых пастбищ. А вот и еще одно ценное открытие: на стене небольшой выемки в скале самого высокого в Тассили массива Ауанрхета на высоте 2000 м мы обнаружили изображение трех пирог из тростника, которые как бы кружили вокруг трех гиппопотамов!

Однако удача сопутствовала нам не всегда: несмотря на все поиски, не удалось найти ни одного человеческого скелета. Около пещер с фресками не было обнаружено ни одной древней гробницы, ни одного захоронения. Нам до сих пор остается неизвестным, как хоронили умерших доисторические люди Тассили. Только найденные черепа позволили бы точно определить расовую принадлежность этих людей. Будем надеяться, что нам еще повезет!

Джебрин не мог себе даже представить, что вadi когда-то были полноводными, а пустыня покрыта травой. Откуда появилась вода? Как могла вырасти трава? Все это оставалось недоступным его воображению. С детства он не видел ничего, кроме песка и камней, его отец и дед видели то же. Поэтому ему казалось, что скалы извечно были такими. Впрочем, я полагаю, и многие французы придерживаются такого же мнения.

О причинах высыхания Сахары существует много гипотез. Но ни одна из них не выглядит достаточно убедительной. Ясно лишь, что немалую роль, по-видимому, сыграл крупный рогатый скот, уничтожавший растительные покровы этих мест. Тот же процесс наблюдается в наши дни в саваннах Судана, где в зонах, используемых под пастбища, совершенно исчезает растительность. Можно установить степень постепенного опустошения этих зон, сравнивая их с участками, куда запрещен доступ кочевникам. Подобное сравнение подтверждает предположение о том, что во все времена растительность уничтожалась в основном кочевыми племенами.

Если, исходя из содержания наскальных рисунков, допустить, что Э течение многих тысячелетий по Сахаре бродили десятки тысяч быков, то не будет преувеличением считать их в значительной степени виновниками высыхания Сахары и превращения ее в пустыню. Конечно, смешно было бы возлагать на них всю ответственность за современное состояние Сахары. Первопричиной изменений следует, разумеется, считать воздействие климата. Однако обстоятельство, о котором говорилось выше, - кочевое скотоводство - весьма этому содействовало.

Что же стало с пастухами и их стадами? Неужели они бесследно исчезли? Полное исчезновение столь многочисленного населения представляется маловероятным. Быть может, гонимые засухой, в поисках новых пастбищ кочевники достигли саванн Судана, расположенных к югу от Сахары? Там до сих пор живет несколько групп скотоводов, в частности туареги и фульбе. Возможно, что именно фульбе, которые разводят быков, - потомки древних сахарских пастухов. Туареги начали заниматься разведением крупного рогатого скота в более поздний период, в то время как фульбе считаются первыми скотоводами в Западной Африке. В пользу этого предположения говорит и то, что на многих изображениях скотоводческого периода мы видим прически, чрезвычайно похожие на прически фульбе в наши дни.

Глава VI. Пять тысяч фигур в Джаббарене

Полковник Бренан, мой старый товарищ по совместным поискам фресок, чья преждевременная смерть лишила нашу экспедицию опытного и мудрого советчика, говорил мне за несколько недель до нашего отъезда: "Ты просто остолбенеешь при виде Джаббарена!"

Джаббарен? Это небольшой песчаниковый массив, один из многих массивов огромного тассилийского плато. Правда, эрозия образовала здесь у оснований скал более глубокие впадины, чем в других местах. В 1938 году наш славный Джебрин привел сюда Бренана, открывшего здесь великолепные фрески. Некоторые из них он зарисовал.

Несомненно, что в ближайшем будущем эти фрески приобретут мировую известность.

Месяц был потрачен на снятие копий во впадинах Тимензузина. Работе мешали досадные мелочи. В последний момент страшная буря чуть было не уничтожила в одно мгновение плоды упорного труда нескольких недель. Все было спасено благодаря Ирен Монтандон - она вовремя распорядилась тщательно свернуть снятые копии и спрятать их в нише, расположенной высоко над землей. Туда же были перенесены фотоаппараты, кинокамеры, пленки, а также драгоценные мешки с мукой. Все уже было в безопасности, когда по камням звонко забарабанил частый дождь, а вади, где был разбит наш лагерь, превратился в бурный водяной поток.

Я находился в то время в Джанете, откуда передал приказ всем отправляться в Джаббарен, до которого был день пути от нашей стоянки. Ирен уехала в Париж, где ей предстояло сдавать экзамены. Она захватила с собой законченные копии фресок, чтобы они действительно оказались в надежном месте. Позже Клод рассказал мне, что часть пути Ирен сопровождали, по туарегскому обычаю, все участники экспедиции. При прощании они не могли сдержать волнения. У старого Джебрин, частенько болтавшего с девушкой на языке туарегов - тамашек и привыкшего к ее обществу, на глазах навернулись слезы.

В жизни нашей экспедиции начинается новый этап. Столы для рисования, складные лестницы, ящики с кухонной утварью, запасы продовольствия - все это вновь взваливается на спины верблюдов. Под предводительством Джебрин караван медленно бредет по угрюмой равнине. Наконец, среди холмов возникает Джаббарен. Ансамбль куполов из песчаника удивительно напоминает гигантский поселок, застроенный круглыми хижинами. На первый взгляд - ничего привлекательного. Вскоре того, местность кажется даже невзрачной. Но как только мы очутились среди хаотического нагромождения куполообразных песчаников, все невольно замерло в восхищении перед величественным зрелищем. Каменные "хижкны", подточенные у основания, - самые красивые образования из песчаника, какие нам только довелось видеть на Тассили. Они создают впечатление города с переулками, перекрестками и площадями. Внутренняя поверхность углублений, которыми испещрены песчаники, покрыта сотнями фресок, написанных в самых разнообразных стилях.

Мы размещаемся, стараясь создать благоприятные условия для предстоящей огромной работы. Чтобы избежать лишней беготни, разделяемся на две группы: Джанни, Жак, Джо и Галигала устраиваются в верхней части массива; Клод, Филипп, Рисса, я, Джебрин и другие туареги обосновываемся в нижней. Здесь много небольших впадин, и это дает нам возможность разместиться со всеми удобствами. В недавно образовавшиеся гроты складываем запасы фруктовых соков, кино- и фотопленки. Первое время мы еще несколько теряемся в этом лабиринте. Научившись ориентироваться в нашем доисторическом

городе, даем улочкам названия. Здесь есть проход Крокодила, улица Жирафов, пещера Трубказуба, перекресток Гадюки (Галигала убил там в день нашего прибытия гадюку), скала Крольчат и т. д. Все эти названия даны в соответствии с найденными там рисунками. В столь долго пустовавшем и безмолвном городе внезапно начинается необычайное оживление.

На языке туарегов Джаббарен означает "гиганты". Так его называли из-за поистине гигантских изображений человеческих фигур, которые встречаются среди доисторических рисунков.

Одна из таких фигур, обнаруженных нами в глубокой пещере с неровным сводом, имеет в высоту около 6 м. Это, несомненно, одна из самых больших доисторических фресок, известных в наше время. Ее контуры становятся понятными только на большом расстоянии, да и то далеко не с первого взгляда. Само по себе изображение очень примитивно. В центре круглой головы фигуры - двойной овал. Мы наделяем обычно такой внешностью марсиан. Марсиане! Какое название для сенсационного репортажа! Если марсианин и побывал когда-либо в Сахаре, то это могло случиться лишь очень много веков назад: "круглоголовые" фигуры в Тассили- одни из самых древних фресок.

В Джаббарене много "марсиан", и мы "проявили" немало великолепных фресок, относящихся к этому слою. Бренан упоминал о некоторых из них. Однако самые интересные изображения он не заметил - они становятся видимыми только после тщательного промывания губкой. Этот способ снова позволил нам сделать важнейшие открытия. Я еще раз повторяю, что осторожное промывание в подобных случаях - наиболее эффективный метод. Оно не только снимает с фресок слой глинистой пыли, но и оживляет краски, возвращая рисункам былую яркость. Именно поэтому, по словам людей, повидавших наши работы, сделанные нами копии поражают свежестью тонов. Мы даже осмеливаемся утверждать, что рисунки охрой совершенно не стираются. Правда, белые тона несколько менее устойчивы.

Джаббарен - этой целый мир! Более пяти тысяч изображений размещены на территории, имеющей форму квадрата со стороной, равной приблизительно шестистам метрам. Здесь можно насчитать более двенадцати слоев изображений, причем одна культура сменяет другую. Это - беспримерно! Если принять во внимание площадь, занимаемую фресками, то можно считать Тассили самой богатой сокровищницей доисторического искусства. Каменистый пол наших жилищ усеян предметами, оставленными доисторическими художниками и их современниками. Тут тысячи черепков посуды, зернотерок, а также орудия для дробления и каменные молотки. Многие из них лежат так, как будто ими пользовались совсем недавно.

Самый значительный ансамбль наскальных рисунков относится к скотоводческому периоду. Повсюду изображения быков - больших и маленьких, в разных положениях. Выполнены они с исключительным

мастерством и в самых разнообразных стилях. Поражает тонкость штрихов этих изображений. Именно в Джаббарене я отметил, что художники скотоводческого периода, прежде чем приступить к выполнению рисунка, высекают его на скале. К той же школе следует отнести великолепные изображения жирафов, слонов, антилоп, диких ослов, коз и домашних баранов. На основной фреске воспроизведена чрезвычайно реалистичная сцена охоты. Там можно насчитать около ста тридцати пяти отдельных сцен. Вооруженные луками охотники преследуют газелей и антилоп. Центр фрески занимает изображение готового к нападению раненого носорога, из ноздрей которого бьет кровь. В углу - группа лучников, пытающихся отбить стадо быков у пастухов, приготовившихся к отражению нападения. Эта фреска занимает площадь 20 кв. м. Она, несомненно, принадлежит к числу наилучших образцов наскального доисторического искусства.

Разбившись на две бригады по пять человек и пользуясь всеми имеющимися складными лестницами, мы принимаемся за работу. Она не из легких - некоторые рисунки расположены на высоте около 4 м.

В слое "круглоголовых" людей ("марсианского" типа) мы тоже обнаружили удивительные фигуры, например изображение антилопы с туловищем слона. Высота фрески - около двух метров. Возможно, это некое божество того времени. Каждый день приносит нам новые сюрпризы, ведь все стены углублений в Джаббарене покрыты рисунками, причем наблюдаются многочисленные наслоения. Это позволяет классифицировать слои по времени и по отношению друг к другу. Благодаря установлению подобной, хотя и не очень точной, хронологии можно будет когда-нибудь определить происхождение различных слоев и влияний, которым они подвергались. Тогда мы узнаем, что представляли собой древние народности Сахары, какую роль сыграли они при заселении Африки - все то, что осталось бы навсегда неизвестным, не будь открыты эти наскальные росписи.

В Джаббарене мы сделали еще одну удивительную находку. Промывая стену, Клод обнаружил изображение четырех женских фигур с птичьими головами. Они как две капли воды походили на изображения, встречающиеся на многих египетских гробницах. Эти фигурки настолько типичны, что мы стали искать следы иероглифов, поясняющих рисунок. Однако все было напрасно, несмотря на неоднократные промывания.

В этот вечер в лагере ведутся оживленные разговоры. Мои товарищи осаждают меня вопросами. Неужели возможно, что набеги воинов фараонов распространились вплоть до Тассили?

Я полагаю, что при наличии в Сахаре большого числа подобных изображений это предположение имело бы под собой почву. С этими фигурками дело, по-видимому, обстоит иначе. Наши маленькие богини с птичьими головами относятся, вероятно, к эпохе XVIII или XIX династии, что приблизительно соответствует 1200 г. до н. э. Мы знаем, что в то время ливийцы, населявшие Феццан - район, прилегающий к

Тассили, - находились в состоянии непрерывной войны с Египтом, который они пытались захватить. Может быть, египтяне пришли в Ливию как каратели и, преследуя врага, достигли их убежищ в Тассили? Подобная вероятность не исключена, хотя сомнительно, чтобы египтяне действовали во вражеской стране столь далеко от родины. Во всяком случае об этом не упоминается ни в одном египетском источнике.

Так как же объяснить возникновение этих фресок? Более правдоподобными представляются две другие гипотезы. Либо авторами рисунков были египетские пленники или путешественники, которых вдохновила окружающая их живопись, либо - ливийцы, побывавшие в Египте по торговым делам или угнанные туда в плен. Они приобщились к египетской культуре и по возвращении внесли в свое творчество элементы искусства долины Нила. Во всяком случае объяснение следует искать только в непрерывной, длившейся веками борьбе между ливийцами и египтянами. Быть может, наши будущие исследования предоставят в распоряжение египтологов более определенные данные, которые позволят итг заняться изучением этого вопроса.

Итак, благодаря Клоду наша коллекция обогатилась прелестными маленькими богинями с птичьими головами. В это время бригада Ле Пуатевена обшаривала стенки пещеры Ориктероп. Они обратили внимание на какое-то темное пятно. Его неясные очертания заставили предположить вначале, что перед ними одна из почти полностью погибших фресок, разобрать которую было невозможно. Но мокрая губка еще раз совершает чудо. При третьем промывании на стене возникает во всей своей красоте изображение коленопреклоненной женщины высотой около 2 м. Согнутой рукой она поддерживает свою голову. Исполненные чистоты классические линии ее лица с удлинненным разрезом глаз напоминают греческую живопись. Диадема, поддерживающая прическу, указывает, по-видимому, на ее знатное происхождение. Быть может, она - какая-нибудь ливийская богиня? Во всяком случае черты ее лица типичны для женщины Средиземноморья.

При взгляде на нее мне вспоминается известная ливийская богиня Антинея, вдохновившая Пьера Бенуа (*Пьер Бенуа (род. 1886) - французский писатель, автор романа "Атлантида", в котором описывается экспедиция, обнаружившая в Сахаре мифическое государство уцелевших атлантов, управляемое королевой Антинеей*). Древние греки называли ее Афиной. Любопытно, что рука ее обвита покрывалом, конец которого завязан так, как это делают женщины у туарегов во время хорового пения на свадьбах. Совпадение? Однако связь между туарегами и ливийцами слишком очевидна, чтобы отрицать ее в данном случае.

В течение трех месяцев Джаббарен - немой свидетель наших бесконечных хождений, переносок столов для рисования от одного углубления к другому, беготни туарегов, поисков воды и топлива. Тем временем верблюды Джебрина спокойно пасутся на соседних пастбищах, а маленькие ослики отправляются за почтой к ущелью Арум. Живущие с нами по соседству туареги часто навещают нас в надежде отведать

какого-нибудь вкусного мучного блюда или кус-куса (*Кус-кус (араб.) - национальное арабское блюдо из зерен маиса, сорго или других злаков, сваренных с мясом*). Их детишки нередко прибегают полакомиться ложкой варенья или сухим печеньем. Это доставляет им такое удовольствие! Разве можно осудить их, когда они проводят целые дни в погоне за ящерицами и мелкими грызунами, чтобы прокормиться.

В Джаббарене они не упускают случая выскрести котелки или подзаработать на продаже одетых в тряпочки куколок, изготовленных ими из высушенного верблюжьего помета. Как только они узнали, что за каждый отполированный каменный топор я вручаю какой-нибудь небольшой подарок, самые ловкие стали сами их изготовлять с помощью кусков кремня или гальки, найденной в вади. И, честное слово, получалось очень неплохо. Весь этот народ наводняет наш лагерь, угрожая - увы! - окончательно опустошить наши скудные запасы.

Дважды мы оказываемся перед необходимостью прервать нашу работу из-за отсутствия воды. Большой водоем, найденный по приезду, иссяк после нашего длительного пребывания в этом месте. Но бог археологов за нас. Когда я уже был готов с болью в сердце отдать приказ свертываться, над лагерем сгустились темные тучи, поднялся страшный ветер, и спустя полчаса на Джаббарен обрушился настоящий водопад. Он превратил наш лагерь в болото, переполнив русло вади. Теперь мы начинаем ощущать нехватку топлива. В течение трех месяцев нам служили топливом старые мертвые стволы тарута, запасы которого в окрестностях в конце концов истощились. После непродолжительной отсрочки отсутствие воды все же заставляет нас тронуться в путь. Все водоемы в радиусе 20 км совершенно опустошены. Вот уже несколько дней нам приходится пить вонючую грязь, которую удается наскрести со дна ям.

Нужно возвращаться в Джанет. И снова укладка багажа, укладка столов и лестниц, навьючивание животных, крики погонщиков. Божества Джаббарена, скотоводы со своими стадами, маленькие египетские богини отправляются отныне в путь - в Музей Человека. На улочках тысячелетней давности, на три месяца очнувшихся от своей летаргии, вновь воцаряется мертвое безмолвие, которое еще нескоро будет нарушено.

Глава VII. Святилище Ауанрхета

Когда мы покидали Джаббарен, я вспомнил о Бренане и о произнесенной им фразе. Мы, разумеется, были потрясены при виде всех этих чудес. Но он тоже немало бы изумился, узнав, что совсем близко, на противоположном берегу вади на склонах Ауанрхета, имеется немало других шедевров.

Упиваясь нашими находками в Джаббарене, мы, возможно, никогда бы и не дошли до святилища "Белой Дамы". На новые поиски нас толкнуло наступление плохой погоды, любовь Гишара к перемене места, а также мое критическое отношение к исключительно субъективным суждениям нашего друга Джебрина.

Джаббарен, возвышающийся под всей восточной частью Тассили, подобен обзорной вышке. С него открывается необычная панорама далеко простирающейся впадины. Эта широкая впадина, сложенная песчаниками, прорезается глубоким руслом вади Амацтар. Профиль русла вади очень своеобразен - он образует латинскую букву V. Обычно же вади Тассили имеют каньоны с вертикальными стенами. Никакой растительности, за исключением нескольких кустов акаций и группы деревьев чеброка (*Чеброк, или теборак, - низкорослое дерево из семейства мимозовых. Широко распространено в Судане, встречается также в районах Адрар-Ифорас и Тассили-Аджер*). Однако стоит взглянуть сверху на всю панораму в целом, как местность перестает казаться однообразной и поражает величием пейзажа. По обе стороны вади тянутся нагромождения величественных скал, образующих плотные массивы. Они напоминают длинные казематы, построенные руками гигантов.

Я обследовал весь вади Амацтар и массивы, расположенные уступами вдоль его берегов, вплоть до Уан-Абу. Лишь группа скал, находящаяся на другом берегу вади прямо напротив Джаббарена, осталась не осмотренной мною. Там побывал Джебрин и сообщил мне, что видел только какие-то малоинтересные рисунки. Все же я предложил Гишару, пожелавшему размять ноги и расстаться на некоторое время с кистью, проверить на месте заключения Джебрина, а сам тем временем решил продолжить поиски, пройдя вместе с Летелье несколько дальше по направлению к Тамриту.

Какое счастье, что я был осмотрителен! Возвратившись в лагерь, Гишар доложил мне о найденных там интересных фресках. По его мнению, с них следовало снять копии. Поскольку работа в Джаббарене приближается к концу, я оставляю Джо и Виоле заканчивать копии фресок в верхней части массива, а сам отправляюсь вместе с Гишаром, Летелье и Джебрином на другую сторону вади.

Массив Ауанрхет напоминает настоящее орлиное гнездо. Он нависает прямо над Джаббареном. Высота его около 2000 м. Добраться до него нелегко. Два верблюда и два осла, которые тащат на себе наш небольшой багаж, невыносимо страдают. Они с трудом поднимаются по склонам, покрытым острыми осыпающимися камнями. Джебрин, служивший проводником всем, кто посетил Тассили, утверждает, что мы - первые европейцы, чья нога ступила на эти скалы.

Наспех устроившись, мы приступаем к методическому обследованию окрестности. В глубокой и довольно темной впадине я прежде всего замечаю две большие "круглоголовые" фигуры, выполненные белой

краской. Их стиль тотчас напомнил мне нарисованное охрой изображение женщин в Тан-Зумаитак.

Одна из фигур сохранилась лучше другой. Ее высота около 1,4 м. Я различаю намеченный профиль, небольшие конусообразные груди. Мое внимание привлекает любопытный рисунок, расположенный слева вверху. На этой фреске, выполненной в основном охрой кирпичного цвета, изображен человек. Его тело заштриховано, лицо закрыто маской, напоминающей стилизованную голову антилопы. Под рогами - большой закругленный колпак, две параллельные черточки по бокам обозначают уши. Мне вспоминается, что подобные маски существуют в Западной Африке. И действительно, когда позднее в Париже я занялся изучением коллекций Музея Человека, то, к моему изумлению, оказалось, что ваши дни масками такого типа пользуются во время обрядов инициации племени сенуфо, живущие на Берегу Слоновой Кости.

В этой оригинальной фигуре особенно поразили меня детали. Ногам фигуры придано положение, характерное для человека, сидящего верхом на лошади. Не менее удивительны большие, похожие на тюльпаны цветы, стебли которых как бы исходят из рук и бедер фигуры. В большой впадине в Джаббарене я видел подобный орнамент на фигуре, окрещенной мною "Пузатым богом". Я полагаю, что эти изображения цветов присущи негритянскому искусству. Мне помнится, что при виде цветов, как бы растущих из тела нарисованной фигуры, я подумал о примитивном божестве, боге земли, повелителе или творце растительности, которое нередко встречается в фольклоре и верованиях населения суданской саванны (сельвы).

Итак, моя интуиция не обманула меня. Эта столь типичная маска неожиданно, но определенно подтвердила гипотезу о том, что и в столь отдаленные времена Африку, несомненно, населяли негроидные народы, а маска в эпоху неолита играла при исполнении обрядов анимистического культа ту же роль, что и в наши дни у некоторых народов Западной Африки.

Это очень важное открытие, опрокидывающее все наши представления об истории негроидных народов и их искусства, должно, безусловно, очень заинтересовать африканистов. В тот вечер я возвратился в лагерь радостно возбужденный своим открытием. Мои товарищи тоже не сидели сложа руки. Они решили благоустроить наш лагерь и обнесли "столовую" и занятые каждым из нас "позиции" каменными заслонами, которые должны были служить защитой от ветра.

Впрочем, пребывание в Ауанрхете доставило нам большое удовольствие: несмотря на разгар лета - июнь, стоит совершенно весенняя погода. Воздух - легкий, температура - очень умеренная. Все это чертовски отличается от Джаббарена, где почти ежедневно свирепствовали песчаные бури. К несчастью, здесь нет ни воды, ни топлива. Приходится тратить много времени и сил, чтобы обеспечить себя и тем и другим. Массив полностью лишен всякой растительности

(мы нашли там, чтобы не соврать, одно несчастное, малорослое оливковое дерево), и туареги здесь не устраивают стоянок. На это отваживаются лишь отдельные охотники за муфлонами. Я нашел свежие следы двух муфлонов, живших до нашего появления в скалах и покинувших их, как только они почуяли наше присутствие. Следы вели в сторону Иджефана.

Неподалеку от лагеря я обнаружил прекрасные фрески скотоводческого периода, изображающие жирафов. В это время Гишар решил произвести осмотр другого конца массива. Вскоре он возвратился и сообщил, что нашел любопытнейшую, по его словам, фигуру. Его рассказ настолько заинтересовал меня, что я тотчас же отправился с ним в путь, захватив с собой губку и флягу с водой.

Фреска находится в углублении отдельно возвышающейся скалы. Опять вода оказывает свое магическое воздействие. Клод, искоса наблюдая за мной, энергично смачивает стену губкой. "Великолепно!" - говорю я, хлопая его по плечу. И это - правда.

На смоченной поверхности скалы возникает изящный силуэт бегущей женщины. Одна нога слегка согнута - она только что коснулась земли; другая приподнята над землей в характерном для бега движении. От колен, пояса и расprostертых рук спадает длинная тонкая бахрома. По обе стороны головы, над двумя горизонтально вытянутыми рогами - множество точек, напоминающих зерна с осыпающихся созревших хлебов. Композиция ансамбля строга, но во всей фигуре много свободы и легкости. Это впечатление усиливается развевающимися по ветру прядями волокон, прикрепленных к нарукавным повязкам. Динамика основной фигуры подчеркивается изображенными тут же маленькими, гуськом идущими фигурками. Они разбиты на две группы, расположенные одна над другой. Поражает контраст между скованностью их движений и естественной грацией основной фигуры, от которой они отделяются. Впрочем, эти фигурки мало заметны. Они нарисованы красной охрой, которая настолько поблекла, что изображения вначале показались мне прозрачными.

Большая фигура нарисована желтой охрой и обведена белой глиной. Любопытно, что плечи, живот, нижняя часть спины и даже, груди женщины покрыты декоративной росписью в виде параллельных линий из белых точек, оттененных красным цветом. Это прекрасное изображение, безусловно, следует отнести к стилю "круглоголовых". Выпуклый живот, сильно вогнутая поясница, остrokонечные груди - элементы, характерные для древнего негроидного искусства. Мы уже сталкивались с ними на многих фресках в Тан-Зумаитак и других местах. Белые точки соответствуют, должно быть, татуировке, практикуемой до сих пор некоторыми племенами Западной Африки. Однако, мне кажется, здесь сказалось другое влияние, о котором я пока умолчу.

Гишар уверен, что на фреске изображена богиня. Во всяком случае это самая прекрасная, законченная и наиболее оригинальная из всех

"круглоголовых" фигур, виденных нами до сих пор. Вначале мы дали ей имя Рогатой богини, но потом, по аналогии со знаменитой "Белой дамой из Брандберга" (*"Белая дама из Брандберга" - изображение бегущей женщины на одной из наскальных фресок, открытых и скопированных Брейлем в районе Брандберга в Юго-Западной Африке*), столь любимой аббатом Брейлем (аналогия, разумеется, в чисто художественном смысле), назвали ее "Белой дамой" Ауанрхета.

Богиня ли? Это не исключено, потому что просто красивая девушка того времени не могла иметь столько украшений. Быть может, это жрица, посвятившая себя служению какому-нибудь богу земледелия. Такое предположение возникает при взгляде на хлебное поле, изображенное над рогами фигуры.

В других рисунках, найденных на том же массиве несколько дней спустя, я установил по некоторым характерным признакам несомненное влияние египетской культуры. У нашей "Белой дамы" эти черты выражены не столь очевидно, но тем не менее контур груди заставляет предполагать, что фреска появилась во времена, когда начало сказываться влияние Египта. При взгляде на фреску невольно вспоминается Исида, которая, по преданиям, считалась в долине Нила вместе с Осирисом основоположницей земледелия. Однако предоставим более глубокое изучение этой проблемы египтологам.

А таких проблем немало. На той же стене имеются другие изображения: стоящая на коленях женщина, мужчина, трубящий в рог, много маленьких фигурок, проворно взбирающихся на дерево и, наконец, что особенно интересно, большая стилизованная рыба с орнаментом, подобным орнаменту на египетской вазе эпохи Среднего царства, найденной в Аль-Амарне.

Но это еще не все. В окрестностях лагеря мы нашли странные фрески, значение которых можно, по-видимому, истолковать только на основании религиозных культов Египта-. На первой изображена женщина с непропорционально удлиненными конечностями, словно куда-то плывущая. Своими длинными, вытянутыми назад руками она тянет скорченное, очевидно безжизненное тело мужчины. Ниже - две человеческие фигуры, которые, по всей вероятности, не имеют отношения к изображенной выше сцене. Одна из них стоит на коленях, а другая идет, наклонившись вперед. Однако четвертая фреска, нарисованная белой глиной в том же стиле, что и первая, имеет безусловную связь с нею. На этой фреске изображена фигура в момент ее появления из какого-то странного овала, напоминающего по цвету и строению кокарду, улитку или яйцо. Быть может, древние египтяне изобразили в аллегорической форме свои представления о жизни и смерти? Как бы то ни было, совершенно такие же красные головные уборы, увенчивающие все фигуры на этих фресках, встречались на других рисунках, где египетское влияние несомненно.

Проникновение элементов египетской и негроидной культур в искусство скотоводческого периода - вот возможное объяснение сложности и оригинальности стилей наскальной живописи Ауанрхета.

Там же, где изображены "пловчиха с грудями на спине" и "человек с улиткой", нарисована женщина с татуированной грудью и круглой прической. Рисунок татуировки такой же, как у "Белой дамы", а форма прически напоминает прическу у фигур ранее найденного ансамбля. Между прочим, мой сотрудник Андре Вила, член второй группы, показал мне в Париже фотографию, где засняты современные лоби (*Лоби* (самоназвание - лобер) - группа племен Западного Судана, родственных по языку и культуре. Живут главным образом в республиках Верхняя Вольта и Берег Слоновой Кости). У них такая же татуировка, что и у фигур на наших фресках. Неужели традиции африканских племен не изменились за шестьдесят веков?

Наши находки этим не ограничились. Я перечислю лишь некоторые из них, не соблюдая очередности, чтобы подчеркнуть разнообразие сюжетов: группа хижин, огромное животное, напоминающее какую-то водяную личинку, битва лучников, "круглоголовые" фигуры со слоном, изображение дерева, похожего на баобаб, сцена охоты на гиппопотама, быки и т. д.

Общее количество рисунков, обработанных нами в Ауанрхете, конечно, меньше, чем в Джаббарене или даже в Тимензузине. Но большинство их высокохудожественны и представляют исключительный интерес.

Любопытно, что столько прекрасных произведений искусства мы обнаружили на труднодоступном и малопригодном для жилья массиве. Художники скотоводческого периода были пастухами, поэтому они селились в основном в долинах и на удобных для скота массивах. Здесь же они, по-видимому, бывали изредка, и их рисунки немногочисленны. Только несколько впадин, где, кстати говоря, найдено много глиняной посуды, можно считать пригодными для жилья.

При изучении росписей, сделанных племенами доскотоводческого периода, невольно возникает вопрос: не был ли Ауанрхет местом, где совершались тайные религиозные обряды. Во всяком случае некоторые углубления, покрытые фресками, создают именно такое впечатление. И мы позднее, при воспоминании об Ауанрхете, называли его святилищем.

Глава VIII. Лето в Сахаре

Несмотря на тяжелый труд и несколько тревожных часов, пережитых в последние дни пребывания в Джаббарене, мы с восхищением вспоминаем о нем - чудесной цитадели древней истории Сахары. Это мнение разделяют все, кроме, пожалуй, самого младшего из нас - Филиппа. Его злоключения - яркий пример того, насколько важна в

пустыне строгая дисциплина. Стоит рассказать о них, чтобы стало ясно, как безобидная, на взгляд неопытного путешественника, Сахара неожиданно карает за любую неосторожность.

Мы только что обосновались в Джаббарене. Требовалось установить связь с Джанетом. Перевал Арум был от нас всего лишь в двух километрах, и выполнение этой задачи казалось совсем несложным делом. Тем не менее перевал считался труднодоступным. Желая узнать, каковы же в действительности условия перехода через перевал Арум и сколько для этого потребуется времени, я решил послать туда на разведку кого-нибудь из наших. В то время Филипп освободился от своих обязанностей фотографа. Он был крепкий парень и всегда был готов помочь там, где требовалась физическая сила.

Обычно говорят, что Сахара принадлежит тем, кто встает чуть свет, и потому я посоветовал Филиппу отправляться пораньше. Но он слишком любил утром понежиться. Кроме того, в последний момент Серми, ссылаясь на усталость, отказался его сопровождать, и Филипп пустился в путь один довольно поздно. Ему предстояло пройти 4 км, причем половина пути - это крутой склон, усеянный острыми осыпающимися камнями. Филипп должен был вернуться в полдень, но в два часа пополудни его все еще не было. Вначале я подумал, что он на пару часов укрылся где-нибудь от зноя, и потому не очень волновался. Но около 3 часов к моей стоянке прибежал страшно взволнованный Жак: в 500 м от впадины, где работали Жак и Джо, только что найден умирающий Филипп.

- Ранен?

- Нет, нет!..

- Что же там такое?

Быть при смерти, пройдя 4 км, хотя бы даже и в самую жару! В это просто трудно поверить! Я иду туда и застаю Джо, который по-матерински и довольно успешно ухаживает за Филиппом, обкладывая его голову и тело мокрыми полотенцами и заставляя пить воду маленькими глотками. Филипп лежит, раскинув руки в полуобморочном состоянии, но пульс его совершенно ритмичен. Постепенно он приходит в себя и рассказывает нам, что с ним случилось. Спуск прошел благополучно, но жара становилась все нестерпимее, и он не смог устоять перед искушением выпить содержимое своей фляги. Это было его основной ошибкой (всегда нужно сохранять небольшой запас воды). К моменту его возвращения через перевал день был в разгаре. Солнце поднялось над самым ущельем, и стало жарко, как в пекле. В подобных случаях нужно укрыться в тени скал и переждать, пока не спадет самый сильный зной. Однако Филиппу хотелось во что бы то ни стало вернуться обратно, и он предпочел продолжать путь. В 500 м от стоянки силы оставили его, и он потерял сознание, успев все же лозвать на

помощь. Внешне здоровый парень, он очень страдал от жары. Кончилось все это тем, что я вынужден был расстаться с ним.

Спустя некоторое время в Джаббарене произошло еще одно неприятное приключение. На этот раз на грани гибели была целая группа. Из Джанета вернулся Джанни. Он был утомлен и не оправился полностью от синовиального воспаления коленного сустава, обострившегося после падения. У него пропал аппетит, и силы его таяли с каждым днем. Решив отправить его обратно в Джанет, я послал капитану Росси письмо с просьбой выслать за Джанни машину к перевалу. Мы все пошли провожать Джанни. Филипп и Галигала с бурдюком на плечах должны были помочь ему при переходе через перевал и вместе с ним дождаться прихода машины. Однако вместо того чтобы взять с собой только самое необходимое, Джанни решил забрать весь свой багаж, и поэтому с ним должны были пойти также Джо, Жак и Клод. Джебрин и я возвратились в лагерь. Вечером никто не вернулся. Вначале я подумал, что ребята, воспользовавшись случаем, решили покутить в Джанете и вернуться только к утру. Наутро я действительно увидел Клода и Джо, которые спали мертвым сном. Проснувшись, они рассказали мне о том, что с ними произошло.

Спуск был очень труден. Жара - нестерпима. Джанни от слабости трижды падал и снова повредил колено. Это их сильно задержало. В довершение они, несмотря на предостережения Клода, выпили всю воду из единственного бурдюка на шестерых (в последний момент к ним присоединился брат слуги Рисса). Таким образом, спустившись с перевала, они остались без капли воды. Дойдя до условленного места, где их должна была поджидать машина, они устроились позавтракать в тени скалы. Их мучила жажда, и все напряженно прислушивались в надежде услышать шум мотора. Один раз они было уже возликовали, но это оказался почтовый самолет, ежедневно курсирующий между Джанетом и Ратом. В 6 часов машины еще не было. А ведь была договоренность на четыре! Что делать? Джанни решил во что бы то ни стало добраться до Джанета. Филипп и Жак предложили всем отправиться вместе с ним. Жажда - плохой советчик. Каждый выдвигал свои предложения, но ни одно из них не было принято единогласно. Солнце скрылось за дюнами эрга Адмер, а машины еще не было. Неужели капитан забыл о них? Или мы перепутали день? Положение осложнялось. Хотя вечерняя прохлада и облегчала положение, вряд ли можно было надеяться пройти пешком 30 км, не сделав ни глотка воды в течение 6 часов, когда организм уже в значительной степени обезвожен. Наконец Джо и Клод решили возвратиться в лагерь и поставить меня обо всем в известность. Они двинулись в путь вместе с Галигала, а Филипп и Жак, поддерживая Джанни, направились в сторону Джанета.

Три километра до перевала Клод и Джо преодолели без особого напряжения. Но их страшно мучила жажда; идти становилось все труднее и труднее. Наступила ночь. С трудом поднявшись на несколько сот метров, они решили переждать на маленькой площадке до

появления луны. Целый день они страдали от жары, теперь же их мучил холод: они были очень легко одеты. Прижавшись друг к другу, они не могли уснуть от жажды и переутомления. Казалось, язык настолько увеличился, что не помещался во рту. Они с беспокойством ощущали на губах крепкий вкус соли - предвестник наступающего полного обезвоживания организма, которому обычно предшествует обморок. Мне это состояние знакомо по Хоггару, где я спасся только благодаря неожиданному появлению охотника-туарега... Еще несколько часов, и он наткнулся бы на труп со ртом, полным песка, и судорожно вцепившимися в землю руками - свидетельство последней попытки человека в состоянии галлюцинации утолить жажду.

Как только взошла луна, Джо, Клод и Галигала снова начали восхождение. Язык распух и, казалось, прилип к небу. Они двигались молча, цепляясь за выступы скал и беспрестанно натываясь на огромные камни. К счастью, луна освещала теперь возникавшие перед ними препятствия, но нужно было продолжать карабкаться все выше и выше. Ноги подкашивались. Порвались сандалии. Пришлось их наспех чинить. А кругом - огромные ущелья, резко вырисовывавшиеся в холодном лунном свете. Все это напоминало грандиозную театральную декорацию. Был момент, когда игра теней среди этого неопишемого нагромождения скал произвела на них, как на художников, такое сильное впечатление, что они забыли обо всем на свете.

Сколько времени они взбирались на перевал? На этот вопрос никто из них ответить не смог. Близость лагеря (оставалось пройти не более 2 км) придавала им некоторое мужество. В 5 часов утра они смогли, наконец, утолить жажду. На этот раз вода из нашей лужи показалась им превосходной. По крайней мере для них это приключение закончилось. Однако жажда и вкус соли во рту преследовали их еще несколько дней.

Но что же стало с остальными? Они тоже были измучены, но у них было преимущество: они шли по равнине между перевалом Арум и Джанетом, пересекаемой всего лишь одним длинным регом с выступающими кое-где огромными выходами гранита. К 8 часам вечера темноту прорезали лучи автомобильных фар, и они услышали шум мотора. Через час, живые и невредимые, все трое уже сидели в офицерской столовой. Тут они смогли, наконец, подкрепиться и прийти в себя после всех мытарств.

Что же произошло? Все объяснилось очень просто. Приказ выслать машину оказался невыполненным. Капитан Росси, не видя никого из наших, отправился выяснять, в чем дело, и узнал, что машина и не выезжала из Джанета!

Джанни был отправлен в госпиталь, где обнаружилось, что он потерял в весе 18 кг! Не могло быть и речи о том, чтобы поставить его на ноги в Джанете. Неделью спустя он вылетел самолетом в Алжир, а затем - в Париж.

Восемь месяцев назад перед отъездом из столицы я предупредил членов экспедиции, что нам предстоит испытать немало трудностей. Все они были добровольцами, исполненными энтузиазма. Их влекли предстоящие приключения. Но что станет с энтузиазмом, рожденным на улицах Парижа, после нескольких месяцев испытаний и лишений в пустыне? "Прежде всего, - говорил я им, - это - слаженность в работе. В стране, где каждый день придется сталкиваться с трудностями, совместная жизнь не обойдется без трений и столкновений, это неизбежно. Но мы должны преодолеть все, никогда не забывая, что основное - успех нашей работы. В конце экспедиции мы должны быть более сплоченными, чем в начале, потому что испытания закалят нас".

Каков был наш образ жизни в пустыне? Он немногим отличался от образа жизни людей, чьи фрески мы снимали на кальку. Не нужно забывать, что основное свойство жителя Сахары - умение довольствоваться малым. Достаточно вспомнить случившиеся с нами происшествия. Опыт показал, что успеха можно достичь, только уподобив свою жизнь образу жизни туарегов, то есть ограничить затраты энергии до минимума. Разве мыслимо поступать иначе в этих местах, практически лишенных самых необходимых вещей, доставить которые если не неразрешимая, то очень тяжелая проблема.

Я уже рассказывал о трудностях, возникавших при переправке снаряжения, дорожных происшествиях, утомительных перетаскиваниях грузов через перевалы, где в любую минуту можно сломать шею. Все это - одна из причин унылого однообразия нашего меню.

Приготовлением пищи занимались слуги Рисса и Галигала. Нужно сказать, что ни тот, ни другой не кончали кулинарной школы. Часто нам приходилось готовить трапезу самим, что, впрочем, было совсем несложно. Несколько горстей лапши или макарон, брошенных в кипяток, несколько сушеных помидоров, предварительно растертых между камнями, ложка маргарина, две коробки мясных консервов - вот и все. Это - классическая шерба обитателей Сахары. Иногда макароны заменялись густой манной кашей, сваренной наподобие кус-куса, иногда рисом или пюре из картофельной муки. Время от времени мы ели сардины, а на десерт - сухое печенье с вареньем (последнее ценилось особенно высоко). Кофе и чай пили сколько душе угодно. Недостаток естественных витаминов восполняли запасы витаминизированных бисквитов, миндального пата, некоторое количество меда и в особенности чудесные фруктовые соки. Галигала и Рисса пекли хлеб из муки или растертых зерен, добавляя туда сухих дрожжей. Хлебцы выпекались прямо на золе, под старым перевернутым чугуном. Некоторое время - пока Ирен следила за правильной пропорцией муки и дрожжей и за выпечкой хлеба - он был превосходен. Но после ее отъезда наши хлебопеки стали гораздо менее старательны, и нам не раз приходилось жевать густую и безвкусную клейкую массу. Нашим обычным напитком была мутная, а иногда и просто грязная вода, где

бойко плавали многочисленные твари; нередко она к тому же издавала тошнотворный запах прогорклого жира, присущий новым бурдюкам.

Работа начиналась с восходом солнца и заканчивалась с его заходом. Время было слишком дорого, чтобы предаваться развлечениям. У нас был только один день отдыха - пасха. По этому случаю, к всеобщему удовольствию, был заколот принесенный туарегами ягненок.

Единственная передышка наступала вечером, в час, когда мы пили вместе с туарегами чай. Каждый вытаскивал трубку и начинал дымить. За долгие месяцы совместной жизни все уже исчерпали свои запасы всяких интересных историй, и теперь единственной темой разговоров могла быть, гюжалуй, только наша работа. Впрочем, иногда по вечерам Рисса и Галигала танцевали под звуки алюминиевой флейты, в которую усердно - и, нужно сказать, не без успеха - дул Джебрин.

Кажется просто невероятным, с какой легкостью и быстротой можно приобщиться к примитивному образу жизни. Вначале мы соорудили какое-то подобие столовой и сохраняли кое-какие привычки цивилизованных людей, пользуясь столовыми приборами, тарелками и т. д. Но после отъезда Ирен все это было заброшено: в один прекрасный день наши вилки и ножи исчезли, и мы стали есть по-туарегски, черпая деревянными ложками местного изготовления из одной общей миски. Пили мы из любых сосудов. Когда тряпки для вытирания посуды совершенно поизносились, мы начали пользоваться песком. Что же касается земли, на которой мы ели, то никто не обращал внимания, есть там козий помет или нет.

Когда кончились холода, большинство из нас покинули палатки и стали ночевать в убежище под скалами. Очень скоро мы приняли ужасный вид: всклокоченные длинные волосы, неровно подстриженные бороды. Наши фигуры, вырисовывавшиеся вечерами, как китайские тени, на стенах гротов, напоминали персонажей из сказки о пещере Али-Бабы и сорока разбойниках. Солидная борода Джо придавала ему вид старого морского волка, причем ее черные, седые и рыжие волосы представляли довольно забавное зрелище. Филипп тоже попытался отпустить себе бороду, но юношеский пушок сделал его скорее похожим на бородатую женщину.

Со временем мы совершенно пообносились: наши штаны и сандалии совсем изорвались. За неимением штанов Клоду пришлось около месяца ходить в пижаме, пока и она не разлезлась по всем швам. Джо вынужден был отпороть задние карманы, чтобы поставить на свои шорты заплаты. Мы хорошо узнали, что такое иголка и нитки, и вполне могли считать себя экспертами по вопросам штопки и починки. Привезенная нами обувь тоже развалилась. Пришлось ее заменить сшитыми из кусков кожи туарегскими сандалиями, которые завязывались вокруг ноги. Они очень удобны и превосходно приспособлены для ходьбы по скалам, но за неимением кожи нам трудно было удовлетворить свои потребности в этой обуви, и иногда мы вынуждены были ходить босиком.

Что же касается гигиены, то она была сведена до минимума. В местах, где вода не представляла слишком большую редкость, можно было совершать туалет приблизительно один раз в три дня. Но в таких местах, как, например, массив Ауанрхет, где вода находилась в дне ходьбы от лагеря, мы не мылись полтора месяца. Однажды двое наших товарищей, ощутившие совершенно болезненную потребность в чистоте, вдруг вымылись с головы до ног. Это заметили проводники-туареги. Один из них прибежал, запыхавшись, ко мне и сообщил:

- Ты знаешь, эти двое, там, внизу, сошли с ума!
- Сошли с ума? - спросил я. - Но что случилось?
- Они моются! - ответил он мне с негодованием.

И туарег был прав. На следующий день все бурдюки действительно оказались пусты, а обоз с водой ожидался лишь через два дня! Нам пришлось строго распределить оставшиеся запасы воды и отказаться от кофе. Но в общем мы быстро привыкли к постоянному недостатку воды для гигиенических целей и стали брать пример с туарегов, которые вообще никогда не моются. Больше того, они считают, что мыться каждый день вредно. Нужно сказать, что ежедневное умывание водой в столь засушливом климате вызывает шелушение кожи. Это - одна из причин того, что местные жители при каждом удобном случае натирают тело жиром.

Окружающая обстановка вынуждала нас вести хозяйство примерно так же, как это делали древние обитатели тассилийских скал. Когда запасы муки стали подходить к концу, мы могли бы оказаться в очень тяжелом положении, если бы у нас не было немного зерна, привезенного из Джанета. По мере надобности мы растирали его на каменной зернотерке с помощью найденного тут же дробильного орудия неолитической эпохи. В общем это было довольно жалкое существование. За первый период экспедиции мы, шестеро, потеряли в весе более сорока килограммов - дань усталости и лишениям. Но зато у нас была свобода, поразительное чувство свободы, ощущаемое среди этих необъятных горизонтов, среди просторов чистого воздуха, под почти всегда безоблачным небом.

Глава IX. Из одной экспедиции в другую

Итак, восемь месяцев упорной работы позволили нам сделать открытия, перевернувшие все существовавшие до сих пор представления об искусстве доисторического периода Сахары. Нам удалось собрать огромную коллекцию копий великолепных фресок. Казалось, этот неожиданный успех должен был удовлетворить наше тщеславие, тем более что мы уже давно перевыполнили установленную программу. Но мы не могли остановиться на полпути.

Я хорошо помнил наш отъезд из Джанета, трудности, которые мы испытали при доставке на Тассили громоздкого и тяжелого снаряжения, и особенно изнурительное восхождение на перевал Ассакао. Не могло быть и речи о том, чтобы спускаться вниз столы, лестницы и прочие вещи - ведь через шесть месяцев все пришлось бы втаскивать снова наверх. Нужно было во что бы то ни стало возвратиться сюда, возвратиться как можно скорее, чтобы продолжить так удачно начатую, но далеко не законченную работу, о которой еще рано было судить: ведь оставалось так много других впадин с фресками! Когда целиком отдаешься какому-либо делу, доставляющему подлинное удовлетворение и полностью тебя поглотившему, то сознание этого плена настолько радостно, что чувствуешь себя обязанным довести дело до конца, даже если от тебя требуются усилия, превышающие человеческие возможности.

Поскольку Филипп и Жак возвращались в Париж, где их вскоре должны были призвать на военную службу, я решил через некоторое время последовать за ними во Францию для пополнения нашей группы. Из прежней группы, обследовавшей высокое плато Джанета, теперь оставались только Гишар и Ле Пуатевен. Они-то и стали ядром новой экспедиции. К несчастью, Ле Пуатевен, проспав ночь в Джанете под открытым окном, подхватил бронхит, который надолго уложил его в госпиталь. Мужественный Гишар взобрался на плато с проводником Джебрином и слугой Мухаммедом. Втроем они отправились по направлению к массиву Тин-Тазарифт, где я раньше обнаружил множество фресок. Здесь предстояла большая работа. Столы, лестницы, ящики со снаряжением опять были водружены на спины верблюдов, которым вновь предстояло испытать на себе все превратности передвижения в этой стране камней.

В первой половине октября в экспедицию прибыло пополнение. Жак Шамбрэн и Робер Мартен были хорошими художниками, уже известными своими оригинальными произведениями. Воодушевленные нашими открытиями и желанием узнать Сахару, они решили предложить свои услуги и поучиться у своих доисторических коллег. В этом отношении их не постигло разочарование, но лагерная жизнь и однообразная пища слишком мало походили на их прежнюю жизнь. Кроме того, температура падала с каждым днем, поэтому им, рассчитывавшим жить в тропической стране, показалось, что за несколько недель они перенесли на Северный полюс. В декабре в Сахаре далеко не жарко, а на высоте 1600 м, где разместился наш лагерь, холодный, иногда ледяной ветер врывается во все закоулки. Он пронизывает насквозь, и у всех, в том числе и верблюдов, на кончике озябшего носа появляется капля.

Пришлось работать лишь в те часы, когда солнце согревало воздух; дни же стали короче. 15 декабря поверхность воды в гелте покрылась льдом. Каждое утро его приходилось разбивать, чтобы наполнить водой бурдюки, которые ночью от мороза лопались один за другим.

Гуашь настолько сгустилась, что ее с трудом удавалось развести. Да и как можно замерзшими пальцами рисовать и писать красками? С

консервами произошло то же самое: зеленые бобы превратились в бруски льда, а мясные консервы выглядели, как мороженая говядина. Члены экспедиции надели подбитые пухом блузы и теплую обувь, встретив холода без особого энтузиазма. Что же касается туарегов, то им пришлось еще хуже: бедняги не знали, как спастись от холода.

Первым заболел сын Джебрина Матал, которого отец привел с собой из Тин-Тазарифта. Этот пятнадцатилетний мальчуган был очень болезненным - он страдал костным туберкулезом. Пришлось переправить его в Джанет и поместить в госпиталь. Затем наступила очередь самого Джебрина - острый приступ ревматизма лишил его возможности двигаться. Он решил, что настал конец, и кричал, что его скоро похоронят. Но и в таком состоянии он не утратил полностью жизнерадостности и шутил, показывая свои исхудалые, ни на что сейчас не годившиеся ноги, тощее тело, узловатые пальцы. В конце концов такова жизнь. Он ведь сам говорил, что неплохо ею воспользовался, и если аллах призывал его к себе на небеса, то ведь этого следовало ожидать. Днем раньше, днем позже - какая разница? Правда, он не сможет больше бегать за женщинами Тассили, а ведь это была основная забота в его жизни!

Когда Джебрин оседлал верблюда, чтобы отправиться в Джанет, все были уверены, что он не доедет до места и мы видим его в последний раз. Однако он добрался не только до Джанета, но и до больницы, где лежал его сын.

День ото дня работа становилась тяжелее, а условия жизни - все более невыносимыми. Мы потеряли бодрость духа. Виной тому были очень утомительная работа и постоянная, многомесячная борьба с суровыми условиями жизни в пустыне. Нужно было укладывать багаж и отправляться в Джанет. Шамбрэн отбыл 20 декабря в Алжир. Остальные члены экспедиции приехали в Джанет верхом на осликах как раз вовремя, чтобы осушить в новогоднюю ночь бокал шампанского. Ле Пуатевен вылетел во Францию.

Отдохнув несколько дней, Гишар и Мартен снова возвратились на плато, чтобы закончить прерванную работу. Но жить и работать в тех условиях оказалось почти невозможно. Было так холодно, что им оставалось только укрыться в своих палатках, забравшись в теплые спальные мешки, откуда потом совсем не хотелось вылезать.

Все снаряжение спрятали в маленьком гроте, поместив копии фресок в ящики с бумагой. Запеленутые, как младенцы, Гишар и Мартен подталкивали своих двух осликов, мечтая лишь о столовой в Джанете. - Эх, винца бы! - вздыхал Мартен. - Тогда бы дело пошло!

Вода с верблюжьим пометом мало походила на напиток, о котором он мечтал. В дальнейшем он вспоминал об этих двух месяцах в Тассили с откровенным отвращением, и не раз в столовой Джанета слышались его проклятия по адресу экспедиции Лота.

Мартен и Гишар устроились на ночь под большой скалой на перевале Тафилалет. На жалкий костер поставили чайник с водой, чтобы приготовить чай, причем более горячий, чем обычно нам подавал слуга Мухаммед. Как хорошо выпить чаю в такую стужу! Затем каждый поглубже забился в свой спальный мешок, и скоро луна осветила два темных бугорка, откуда доносился звучный храп.

Крохотные, сверкающие в лунном свете блески падали с неба, как звездный дождь. В ту ночь никто не осмелился высунуть нос наружу. Даже шакал предпочел сидеть в своем скалистом логове, а зябкая рогатая гадюка, заснувшая в норе какого-то грызуна, - и подавно.

Проснувшись утром, ребята увидели пасмурное небо и покрытую белым нарядом землю. Сами они тоже оказались под ослепительно чистым снежным покрывалом.

"Белые простыни!" - подумал Гишар. Он мог только мечтать о такой роскоши - уже десять месяцев ему приходилось спать в одном и том же, изрядно загрязнившемся спальном мешке.

Это было 6 января. Всю ночь шел снег.хлопоты о реорганизации экспедиции были позади. Несколько недель назад я покинул Тассили и отправился в Париж за новыми сотрудниками и снаряжением. И вот, в январе 1957 года по обрывистым склонам перевала Тафилалет уже шла гуськом группа молодых людей.

Гишар, единственный участник прошлой экспедиции, ждал нас в Джанете. Рядом со своими четырьмя молодыми коллегами он выглядел бывалым жителем Сахары. Среди новых участников экспедиции нет ни одного художника с именем - это люди без претензий, но владеющие кистью.

Мишель Брезийон, 33 лет. Уроженец Юры. Говорит, что его предки - монголы, от которых он действительно унаследовал некоторые антропологические особенности. Он утверждает, что с радостью расстался с очень комфортабельными условиями, чтобы следовать за мной. Недавно он услышал рассказ моих товарищей по сахарской экспедиции, и с тех пор его неотступно преследовала мечта о настоящем приключении. По профессии он книготорговец и заведовал в течение нескольких лет большим книжным магазином в Сайгоне. Ему была свойственна совершенно удивительная способность приспосабливаться к любым условиям. Кроме того, он был человеком разносторонне образованным. Казалось, он не был создан для того, чтобы карабкаться по тассилийским скалам и копировать там фрески. Тем не менее, еще находясь в Индокитае, он нарисовал несколько полотен, которые нашли себе покупателей среди библиофилов - клиентов его магазина.

Мишель оказался превосходным сотрудником и, что особенно ценно в экспедиции такого рода, малым с головой. Он шел в этот январский день первым в цепочке людей, поднимавшихся на перевал Тафилалет. За ним

следовал высокий парень, навьюченный многочисленными сумками, с необыкновенной матерчатой шляпой на голове. Подобный головной убор можно скорее встретить на Каннебьер (*Каннебьер - наиболее популярная улица г. Марселя*), чем в этих скалах.

Владелец шляпы - Андре Вила, по профессии зубной техник, любитель-фотограф. Он уроженец провинции Дордонь, вскормлен гусиным жиром, чему и обязан своим здоровым видом. Наша экспедиция совершенно не нуждалась в зубной технике, и он интересовал меня только как фотограф. Не сможет ли он также дублировать кинооператора? Мне очень хотелось оставить его в Париже, но он так настойчиво и в то же время так мило меня упрашивал, что я, наконец, сдался. Он был предупрежден о том, что ему придется заниматься самыми разнообразными делами, и потому заранее охотно согласился на любые условия.

Ж. Д. Лажу уже имел опыт: он служил раньше кинооператором в армии и снимал фильм из жизни племени мои (*Мои - общее наименование племен Индокитая, населяющих горные районы Вьетнама, Камбоджи и Лаоса*), который был показан на антропологическом конгрессе в Вене. Он сложен, как турок, смугл и черноволос, как мулат, хотя родом из Вогезов. Кроме того, его череп тверже скал Тассили. Я ничуть не преувеличиваю, приписывая его голове твердость кварца. Его голова оказалась настолько твердой, что однажды Гишар во время какого-то инцидента (кажется, из-за упавшего ящика) сильно повредил о нее свою руку! Обычный пищевой рацион Лажу состоит в основном из молока, фруктовых соков, минеральной воды и сладостей.

Что касается четвертого, то он был профессиональным художником, его манера писать состояла, по его объяснению, в том, что он наносил на полотно маленькие разноцветные точки. Несколько позднее он понял, что подобный стиль не имеет ничего общего с сахарскими фресками. К сожалению, этот художник (назовем его И. К.), товарищ Лажу по колледжу, не смог вынести Тассили более трех недель. Пришлось его срочно эвакуировать в Джанет, а оттуда - в Париж. Я здесь только упоминаю о нем. Этот далеко не единичный случай свидетельствует о том, что Сахара - не пустыня Эрменонвиля (*Эрменонвиль - замок и великолепный парк, где жил знаменитый французский писатель и философ Ж. -Ж. Руссо, наслаждавшийся здесь полным уединением*) и что далеко не всем удается к ней приспособиться.

Это досадное недоразумение лишило нас художника и грозило помешать ходу работы. Мне срочно пришлось вызывать кандидата, находившегося до сих пор в резерве, - после появившихся в прессе статей о наших первых открытиях мне предложили свои услуги более двадцати художников не только из Франции, но также из Голландии, Бельгии, Швейцарии; из Германии заявления почему-то поступали в основном от женщин.

Новичок Жан Лесаж был по специальности книготорговец из Тарба (можно подумать, что я набирал сотрудников в основном в книжных лавках), любил малевать картины, занимался изучением пещер и имел диплом летчика-спортсмена, что служит в конце концов неплохой подготовкой к участию в сахарской экспедиции.

Было решено, что "додж" доставит весь этот народ к подножию Тафилалета. Джебрин, заботясь о поддержании моего престижа среди туарегов, привел мне верблюда: начальник может ездить только верхом на благородном животном. Однако Джебрину не удалось набрать шесть верблюдов, необходимых для доставки продовольствия на Тин-Тазарифт. Мы приложили немало труда, прежде чем удалось достать вьючных животных. Это стоило много времени и денег.

Не могло быть и речи о том, чтобы нагруженные верблюды переправились через перевал Тафилалет. Джебрин отправился через перевал Ассакао с Агауэдом, одним из своих друзей из племени кельмедак. Он пошел в Тин-Тазарифт, где его сын Матал оставался охранять наш лагерь и снаряжение, тем же путем, что и первая экспедиция, сделав таким образом большой крюк.

Я назначил встречу с Агауэдом близ Тафилалета. Первое недоразумение. Опоздав, Агауэд решил, что нас еще нет, и остался у подъема на перевал. В 10 часов вечера, окоченев от холода, без одеял, продовольствия и топлива для костра мы настолько продрогли среди высоких скал, где гулял ледяной ветер, что Гишар, Брезийон и Лажу решили спуститься вниз и отправиться на поиски остальных членов экспедиции. Спуск с перевала нелегко даже среди бела дня, а темной ночью идти совсем неприятно, тем более что совсем недавно мы с трудом преодолели подъем. Для новичков эта ситуация была серьезным испытанием, тем не менее они мужественно преодолевали усталость. Новые слуги, напротив, восприняли создавшееся положение менее оптимистично. Когда же Гишар предложил им тащить наши спальные мешки, бурдюк с водой и небольшой запас продовольствия, то один из них испугался испытания, не предвещавшего ничего доброго в будущем, и улизнул ночью, не сказав никому ни слова (*Постоянно возраставшие трудности при наборе обслуживающего персонала - следствие геологических разведок, которые ведутся в Сахаре. Бурение нефтяных скважин в Эджеле производится всего лишь в нескольких сотнях километров от Тассили, и нефтяники набирают рабочую силу в оазисах, и в частности в Джанете, где однажды было завербовано сразу пятьсот рабочих. - Прим. авт*).

На следующее утро Агауэд со своими осликами, наконец, присоединился к нам, и началось нескончаемое восхождение на перевал. Наш путь лежал между двумя высокими отвесными скалами, угрожающе нависшими над тропой, по которой тысячелетия назад проходили охотники за гиппопотами и слонами, обитавшими на берегах громадной, ныне безводной реки Тафассасет, к пастухи, гнавшие стада быков на пастбища долины Адмер. Перевал, пересекая плато, соединяет два оазиса - Рат и Джанет.

Голоса погонщиков, понукавших ослов, гулко, как в соборе, отдавались под каменными сводами. Каждый сорвавшийся из-под ног камень рождал таинственные звуки, и наши новые товарищи, еще не привыкшие к подобной обстановке, шли молча, охваченные тревожным волнением. Мы добрались без всяких приключений до подножия третьей акбы, которая достаточно ясно дала всем понять, что тассилийская экспедиция - не игра в куклы. И действительно, эта крутая тропа - одна из самых тяжелых в Тассили. Наши ослы, по-видимому, это почуяли: они сразу же остановились и украдкой переглянулись - глаза их выражали тревогу и страх. Вопреки своей репутации ослы совсем не глупы; во всяком случае они достаточно хитры и понимают, чего от них ждут. Когда эти животные чувствуют, что на их долю выпадает какая-то тяжелая работа, они тоже умеют вовремя куда-то скрыться. Но наши ослы часто ходили этим путем, дорога была им хорошо знакома, и они не пошли на свои уловки. Они стали нехотя взбираться наверх, однако, пройдя 10 м, вожак остановился, преградив путь своим собратям, обрадовавшимся передышке. По этой тропе не могут пройти рядом два человека, и потому нам приходилось, как акробатам, карабкаться по скалам, добираясь до виновника задержки. Получив несколько добрых пинков, он рысцой потрусил дальше, прыгая, как газель, по камням.

Подобная карусель повторялась до двадцати раз. Наконец измученные животные стали сдавать. Многие падали, вызывая опасные обвалы камней. Нужно было во что бы то ни стало найти выход из положения. Один тянул осла вперед, другой подталкивал сзади, однако животные продолжали падать, а хвост одного осла остался в руке Вила! В узких проходах между скалами было невозможно водрузить упавшие грузы на животных, и, как уже не раз случалось, поклажа взваливалась на спины людей.

Я до сих пор не могу забыть осла, наблюдавшего за Гишаром и Агауэдом, изнемогавшими под тяжестью груза. Казалось, он, подмигивая, говорил: "Хорошую шутку сыграли с этими двумя! А они-то не давали нам житья с самого начала пути!" Тут мой ослик, весело пошевеливая ушами, без всяких уговоров живо взобрался на последние уступы. Добравшись до вершины, он помочился от радости прямо на ноги Агауэда, возмущенного подобной неучтивостью.

Да, тассилийские склоны доставили нам немало хлопот! Проблема обеспечения продовольствием всего многочисленного каравана внушала мне серьезные опасения, тем более что туареги все неохотнее ссужали нужных нам вьючных животных. Я подумал, что идеальным решением вопроса снабжения в столь труднодоступных местах была бы доставка продовольствия на вертолете. Но о вертолете не могло быть и речи - в Сахаре им пользуются слишком редко. Оставалась еще одна возможность: сбрасывать груз на парашютах.

Ночной отдых вернул нам силы. Наши ослики повеселели и на утреннем сборе покорно дали себя навьючить. Маленький караван тронулся в путь; я сел верхом на своего верблюда - он на Тассили уже

не впервые и потому совершенно спокойно взбирался по акбам Тафилалета. Правда, он был не нагружен.

Наш караван на плато Тамрит смахивал на поистине библейскую сцену: впереди - верблюд, за ним - вереница ослов и людей с палками в руках. Эта картина напоминала исход из Египта или группу бедуинов на пути в Вифлеем. После восьми часов пути и остановки у гелты, где все совершили туалет, мы прибыли в Тин-Тазарифт, где уже несколько часов нас поджидал Джебрин со своими верблюдами.

Глава X. Новая экспедиция в Тин-Тазарифте

Окрестности Тин-Тазарифта, пожалуй, красивее всех прочих мест, где мы побывали ранее. Никогда еще название "город" не подходило так удачно для определения этого массива песчаников. В его центре - обширный цирк диаметром более 500 м, напоминающий огромную окруженную домами городскую площадь с отходящими от нее улицами, переулками и даже тупиками. Рисунки мы обнаружили (как и в других местностях) во впадинах, которыми изрыты основания скал. Принесенный ветром песок заполнил многочисленные проходы между скалами. Некоторые из них совершенно забиты громадными дюнами, отливающими золотом под солнечными лучами. Дюны придают местности еще большую живописность. Однако это очарование скоро исчезнет: нам еще долго предстоит ими любоваться и месяцами придется бродить по осыпающемуся под ногами песку. Лучи солнца отражаются в кварцевых кристаллах, ослепляя и создавая невыносимую духоту. Мы разбили лагерь на скалистом выступе, в сотне метров от гелты, которая будет снабжать нас водой. Наши туареги нашли поблизости хорошо защищенное от ветра убежище. Глубокую тишину Тин-Тазарифта нарушают теперь только звуки, доносящиеся при доставке воды или заготовке топлива. Ведь далеко вокруг нет ни одной души, и мы - наедине со скалами.

Перед отъездом в Париж я совершил обход всех наших владений и, осмотрев один закоулок за другим, составил опись всех имевшихся там рисунков. Особенно поразило меня отсутствие в покрытых росписями гротах осколков посуды, каменных жерновов и зернодробилок, как это имело место в Джаббарене. Зато повсюду были разбросаны грубо отесанные каменные топоры и большие граненые камни со следами ручной обработки. Мы не нашли здесь изображений быков, встречавшихся повсюду в Джаббарене. В Тин-Тазарифте большинство наскальных рисунков относится к наиболее древней эпохе, для которой характерны изображения "круглоголовых" людей ("марсианского" типа). Одна из наиболее любопытных фресок изображает лежащую на спине безногую женщину с туловищем цилиндрической формы и поднятыми руками. Рядом с ней - два огромных муфлона. Это, конечно, не бог весть

как красиво, но чрезвычайно интересно. Среди других фигур, исполненных в том же стиле, внимание привлекает гигантский лучник и, по-видимому, плывущий человек. Познакомившись со всеми изображениями "круглоголовых" людей, я пришел к заключению, что людям той эпохи не были знакомы ни посуда, ни жернова. Они пользовались этими давно интересовавшими меня грубо отесанными топорами.

Стена одного убежища была покрыта оттисками рук, причем они наслаиваются на рисунок скотоводческого периода. Аналогичные изображения находили в Европе во многих гротах палеолитической эпохи. Их считают наиболее древними: люди создавали эти рисунки, опуская свою руку в краску и прикладывая ее затем к стене. Найдено довольно много таких изображений. Полагают, что они имели магическое значение, обозначая или право на владение, или обрядовый символ изгнания злых духов. Возможно, что назначением такого ритуала было оградить человека от злых духов.

В Тассили мы отметили два типа наскальных изображений руки. В первом случае очертания руки рисуются, во втором - ее контур воспроизводится методом обрызгивания. Первый тип следует считать наиболее древним - он встречается наряду с "круглоголовыми" фигурами, выполненными лиловой охрой. Изображенная до локтя рука покрыта какими-то украшениями геометрической формы и как бы отделяет часть фрески от других ее участков, смысл которых остается для нас непонятным. Изображение руки не представляет точной копии оригинала. Неправильные пропорции пальцев вызывают предположение о том, что это - набросок с натуры. Иначе обстоит дело со вторым типом изображений, найденных в Тин-Тазарифте. Ранее я встречал их уже в Джаббарене и Сефаре. Здесь речь идет о руках-"негативах". Руку прикладывали к стене и обрызгивали сверху белой охрой. Краска покрывала участок, окружающий контур руки, а прикрытое ею место оставалось неокрашенным. На этот раз рисунок абсолютно точен. Поразительная тонкость пальцев рук заставляет иногда предполагать, что они принадлежали женщине. Значение изображения, полученного вторым способом, понятнее рисунков первого типа.

Современные этнографические данные свидетельствуют о том, что в те времена существовал двойной обряд. Вначале участок стены обдавали жарким дыханием, что должно было изгнать злых духов. Затем к нему прикладывали руку, что могло соответствовать символическому обозначению права на владение. До сих пор еще в деревнях Северной Африки женщина прикладывает руку к свежей глине над входом только что построенного дома. "Это приносит счастье!" - говорят люди из народа. Украшение, называемое "рукой Фатимы", - тоже не что иное, как остаток эволюционировавшего ритуала. Все эти обычаи, несомненно, сохранились как пережитки древних магических обрядов доисторического периода.

Руки, изображенные на стенах впадин, производят странное впечатление. Они создают атмосферу мест, посещаемых привидениями, или древних капищ - святилищ, где наши далекие предки, бессильные понять истинный смысл явлений и чувствуя свою беспомощность в борьбе с ними, верили в злые силы природы и пытались отворотить их удары посредством религиозных обрядов.

Подобное впечатление усиливается благодаря тому, что окружающие нас туареги до сих пор верят в духов пещер, ветра, воды. Они считают, что перевал Ассакао, который мы преодолели на пути к Тассили, очень часто посещает "дженун" (*Дженун, джинн (араб.) - злой дух*). Поэтому наши проводники и погонщики верблюдов водрузили камень на большую скалу, возвышающуюся у входа в ущелье. Это было как бы приношением, чтобы задобрить духа скал. В туарегской Сахаре существуют тысячи подобных мест.

Большое место в магии занимает также изображение ноги или сандалии. Во многих районах Сахары, в частности неподалеку от опасных участков горных троп, можно найти множество нарисованных на плитах контуров ноги. Цель этих изображений - отвлечь внимание злого духа в тот момент, когда человек переходит через перевал. Тассили - страна колдунов и волшебных чар. Женщины Рата известны своим умением изготавливать любовный напиток для привораживания мужчин. Это - знаменитый "борбор". Его действие состоит в том, что он физически ослабляет мужчину, уменьшая тем самым его моральное сопротивление, после чего женщине легче его покорить. Если человек заболевает без видимой для его близких причины, скажут, что он "борборизован". Именно так объясняли болезнь и кончину геолога Ц. Килиана, которому приписывается открытие сахарской нефти. И хотя Килиан, конечно, не был "борборизован" туарегскими женщинами, легенда тем не менее упорно держится.

В стране людей с покрывалами (*У туарегов голова всегда закутана покрывалом, литамом, оставляющим лишь узкую щель для глаз*) в большой чести пророчества. Никто не начинает какого-либо дела и не отправляется в путешествие, не посоветовавшись с "гадюкой, идущей по песку": она предскажет, что вас ожидает. Джебрин, задав вопрос "гадюке", пообещал всем нам немислимые блага: любовь и деньги. Но что меня больше всего интересует в настоящее время, так это его предсказание благополучного завершения экспедиции. Хм, посмотрим!..

Как указывалось выше, группа Гишар - Ле Пуатевен - Мартен - Шамбрэн не закончила снятия копий с рисунков в Тин-Тазарифте, оказавшись вынужденной сдаться при наступлении холодов. Оставалось обработать добрый десяток фресок - великолепный случай для введения новичков в курс нашей работы в условиях жизни Сахары.

После того как были разбиты палатки и лагерь принял свой обычный вид, все пошло на лад. Температура воздуха - весенняя. Совсем, не то, что было в прошлом году.

Впервые за наше пребывание на Тассили мы наблюдаем перелет саранчи. Первые отряды не велики, но достаточны для того, чтобы порадовать наших туарегов. Уже с рассвета они занялись ловлей рассеявшихся по деревьям насекомых. Саранча для кочевников, будь то арабы или туареги, - манна небесная. Они считают ее лакомством.

Утром Матал и Агауэд, возвратившись с пастбища, куда они ходили проведать осликов, притащили целый мешок саранчи. Они тут же вывалили живых насекомых прямо на раскаленные угли. Нельзя сказать, чтобы саранча была деликатесом, по крайней мере для француза. Но для постоянно голодных людей, привыкших есть ящериц и грызунов, она - лакомое блюдо. После того как саранча поджаривается, у нее отрывают покрытые колючками задние лапки и остатки необгоревших крыльев. Затем отделяют голову, извлекая одновременно кишечник, совершенно несъедобный из-за содержащейся в нем какой-то зеленой жидкости, после чего саранчу начинают есть, похрустывая, как если бы у вас во рту были маленькие креветки. Иногда туареги после обжаривания размалывают саранчу в порошок, сыпают в кожаные мешки и употребляют в пищу при переездах, разбавляя водой или молоком.

Что касается меня, то я люблю саранчу; я иногда питался ею на протяжении нескольких недель. Но мне вполне понятно, что это блюдо не каждому придется по вкусу. Однако в посещаемых нефтяниками барах Уарглы считается сейчас большим шиком подавать саранчу (по пять франков за штуку!) с аперитивом. Это несколько экстравагантно и отдает снобизмом, но зато какой местный колорит!

Все члены экспедиции, разумеется, пожелали отведать это блюдо. Затем обменялись мнениями. Мишелю Брезийон вкус саранчи напомнил папье-маше, Вила - лесной орех, Лажу - траву, а мне - креветок. Гишар тщетно пытался проглотить насекомое, но потом с отвращением его выплюнул.

Как известно, на вкус и цвет товарищей нет. К счастью, по вопросам цвета наши мнения совпадают значительно больше...

Пока в Тин-Тазарифте идет в быстром темпе работа, я отправляюсь на разведку в Сефар - массив, расположенный в двух часах ходьбы от нас. Ранее мы отыскивали там много рисунков, и теперь я намечаю участки, удобные для размещения нашего будущего лагеря. Джебрину удалось, наконец, набрать с полдюжины верблюдов и столько же ослов. И снова нудные, тяжелые сборы, перетаскивание снаряжения и устройство на новом месте.

Глава XI. Великий бог Сефара

Хотя считается, что Сахара достаточно хорошо изучена и там уже нечего больше открывать, до нас на Сефаре не побывал еще ни один европеец. Этот массив гораздо живописнее Тин-Тазарифта: он разделен пополам очень глубоким каньоном, изрезан узкими ущельями, вьющимися среди гигантских песчаниковых глыб и колонн. Чрезвычайно неровная поверхность Сефара доставила нам при перемещении немало хлопот. Многочисленные цирки образуют "города" с площадями, улицами и переулками. Некоторые группы скал удивительно похожи на развалины храма Ангкор (*Хоам Ангкор - замечательный памятник кхмерской культуры XII в Камбодже*), другие напоминают разрушенный бомбардировкой Рейм-ский собор. Рядом с каменными громадами мы вновь ощутили себя смешными карликами. Это грандиозное зрелище привело нас в восторг, и лишь один из наших товарищей был настолько подавлен торжественным величием пустыни, что нервы у него сдали и пришлось подумать о его возвращении во Францию. Гишару полагалось несколько недель отпуска, и они уехали вместе. Ритм работы нарушился, и я не раз тревожно задавал себе вопрос: успеем ли мы выполнить нашу программу до наступления знойных летних дней? Ведь в Сефаре предстояло снять копии всех фресок!

Мы сразу лишились двух сотрудников. Это было очень ощутимо, но каждый старался сделать все, что было в его силах. Новые члены экспедиции, получив возможность судить о работе своих предшественников, сочли долгом быть их достойными преемниками и с первых дней сумели это доказать. Брезийон, работавший раньше вместе с Гишаром, получил теперь полную самостоятельность. За несколько недель он достиг такого совершенства в технике копирования, что для него стали доступны самые сложные фрески.

Однажды утром Вила, занимавшийся до сих пор одной только фотографией, пришел ко мне и предложил свои услуги в качестве художника. Нам действительно не хватало рук для копирования фресок, и я охотно принял его смелое предложение. Вначале ему поручалась работа над несложными рисунками, а я помогал советом и делом. Вила быстро преуспел на новом поприще и оказал экспедиции большую услугу.

Наш кинооператор Лажу лучше владел карандашом, чем киноаппаратом, и я взял его к себе в помощники. В Сефаре мы вдвоем пересняли на кальку много фресок; это намного облегчило работу художников.

Нашей молодежью овладел дух соревнования, и я могу решительно утверждать, что она полностью оправдала мои надежды.

В Сефаре всех ожидали радостные открытия. Фрески в этой местности уступают по численности фрескам Джаббарена - непревзойденного

памятника доисторического искусства в Сахаре, однако техника выполнения сефарских рисунков и их разнообразие исключительно интересны.

Мы вновь очутились среди странных фигур, резко отличающихся от образцов классического доисторического искусства, и почувствовали себя в каком-то своеобразном мире. Я говорю так потому, что сефарские фрески открывают совершенно новые перспективы в изучении прошлого Африки, и свидетельствуют о большой самобытности ее культуры. Однако многочисленные находки, доказывающие справедливость этого утверждения, нередко порождают новые, требующие разрешения проблемы. Выясняются неожиданные связи, и из отдельных фактов образуется некая сеть: некоторые ее нити еще нужно найти, восстановить, а для этого потребуется немало долгих и упорных поисков.

Открытие - вещь приятная, но, увы, это далеко не все. Ведь нужно еще проникнуть в тайны многочисленных культур, памятники которых дошли до нас в виде фресок, нужно ограничить их во времени и пространстве, попытаться истолковать. Во всем этом нелегко разобраться, а обилие рисунков и наслоений еще более усложняет задачу. Каждый вновь открытый нами ансамбль фресок дает новую пищу для дискуссий и при сопоставлении уже имеющихся данных - дополнительные сведения, неожиданно проливающие свет на толкование той или иной группы фресок. Иногда то в одной, то в другой фреске обнаруживается какая-нибудь деталь, раскрывающая технические секреты наскальной живописи или особенности религиозной обрядности доисторических людей. В таких случаях археология играет лишь роль первооткрывателя предметов далекого прошлого.

В Тамрите и Джаббарене мы скопировали так много сцен, относящихся к скотоводческому периоду, что наши художники в конце концов просто смотреть не могли на этих быков! Для художника копировать все время одни и те же сюжеты неинтересно и утомительно, хотя изображения настолько отличаются друг от друга, что среди десятков тысяч быков, попавших к нам в папки, нет и двух одинаковых.

В Сефаре мы обнаружили новые, неизвестные до сих пор подробности из жизни пастухов-скотоводов: рисунки, изображающие женщин, занятых обработкой земли, и домашних собак. До сих пор время появления в Сахаре домашней собаки не было установлено. Известно, что кочевые племена имели собак, но благодаря сефарским фрескам мы теперь знаем, что у пастухов-скотоводов Сахары тоже были собаки, только иной породы. Быть может, это и мелочь, однако археология восстанавливает картину прошлого при помощи именно таких небольших штрихов.

Большое число найденных нами жерновов и зернотерок и ранее могло вызвать предположение, что пастухи занимались земледелием, хотя они

могли пользоваться этими примитивными орудиями и для размельчения зерен диких злаков; но с открытием фрески, изображающей работающих в поле женщин, отпадают все сомнения.

В Сефаре мы скопировали сцены плясок, где одни женщины держат в руках некое подобие трещоток, а другие - палки с круглыми набалдашниками, по-видимому пастушеские посохи. Так по крупницам возникают детали доныне неизвестной нам жизни пастухов того периода.

Нужно сказать, что в конечном счете в Сефаре пастушеских сцен гораздо меньше, чем в других местах, и это не удивительно. Массив настолько труднодоступен, что стада могли передвигаться лишь по двум-трем долинам, где мы и нашли рисунки. Это позволяет утверждать, что пастухи не искали уединения, а рисовали с натуры именно в тех местах, где находились вместе со своим скотом.

Однако наиболее замечательны в Сефаре изображения, относящиеся к типу "марсиан" - "круглоголовых" человеческих фигур, в изобилии встречавшихся уже в Джаббарене, где одна из них - высотой 6 м поразила нас своими колоссальными размерами. В Сефаре рисунки несколько меньше, но они размещены настолько продуманно и в столь странных позах, что невольно производят сильное впечатление. В первом же гроте мы просто оцепенели при виде одной из таких фигур, высотой около 3 м. В руке, вздетой кверху, она держит какой-то предмет яйцевидной формы. Эта фигура как бы господствует над сотнями других изображений различных эпох. Многие из них были частично размыты водой, тем не менее нам удалось различить нарисованных в том же стиле женщин небольшого роста, протягивающих руки по направлению к гиганту, как бы моля его о чем-то. Слева - огромный бык длиной около 3 м.

Трудно представить себе более величественное зрелище. Грандиозное обрамление - нависшая над нами скала - еще более усиливает чувство замешательства перед неведомой тайной. Рядом с возвышающейся во весь рост фигурой мы кажемся себе чужаками, осквернившими вторжением священное место, храм, воздвигнутый в честь примитивного божества. Во всем облике фигуры есть что-то чудовищное и нечеловеческое, побудившее нас окрестить новую находку "песчаным чудищем".

Однако Джебрин, сопровождавший нас в этом невероятно запутанном каменном лабиринте, увлекает всех к углублению в соседнем цирке. На этот раз грандиозность изображения превзошла все наши ожидания. В центре грота - тоже фигура "песчаного чудища" высотой три с четвертью метра. Она нарисована в том же стиле, что и ранее найденное изображение, но лучше сохранилась. Слева от нее пять женщин, вереницейдвигающихся по направлению к основной фигуре, простирая с мольбой к ней руки. Справа на нее наслаиваются изображения большой антилопы, нарисованной красной охрой, и женщины, лежащей

на спине с раздвинутыми коленями и очень большим животом; она, по-видимому, приготовилась рожать. Несомненно, эта сцена имеет магическое значение, связанное с культом плодородия или материнства. В ^позах женщин - страх и почтение к центральной фигуре. Они умоляют ее ниспослать им материнство и легкие роды. Позднее, столкнувшись с орантами (*Оранта - фигура с воздетыми руками*) и на других сефарских фресках, мы убедились в том, что рядом с этими фигурами почти всегда изображается крупное животное. Так, например, на одном из участков стены оранты нарисованы поверх какого-то зверя из семейства кошачьих, быть может льва, длиной более 4 м.

Но как копировать подобные фрески? Одна лишь сцена поклонения занимает площадь около 30 кв. м! Мы должны во что бы то ни стало сделать общим достоянием это уникальное волнующее свидетельство наивной веры женщины той эпохи. Сила и убежденность ее веры настолько велика, что она до сих пор проявляется в некоторых религиозных обрядах в Бретани и других французских провинциях. Наша фреска была сфотографирована, заснята на киноплёнку, переведена на кальку и, несмотря на свои 30 кв. м, полностью воспроизведена в Музее Человека. Она не единственная в своем роде. В Сефаре встречается много других изображений той же школы: человеческие фигуры, среди которых много безголовых, рисунки слона, больших антилоп, жирафы, муфлона, кабана и т. д.

По-видимому, муфлон играл очень важную роль в верованиях древних народов Сахары. Его многочисленные изображения встречаются на рисунках Тассили как в самых древних, так и в наиболее поздних наслоениях. Колдун с ногами муфлона, найденный нами в Тимензузине, был одет в костюм для пляски, а плечи его покрывала шкура муфлона.

Позднее мы видели рисунки, изображавшие рога этого животного, которое, несомненно, занимало в духовной жизни тассилийских художников большое место. Муфлон до сих пор встречается в горах Тассили, Хог-тара и других массивах Сахары. Он ловок, смел, обладает удивительно тонким чутьем, и потому приблизиться к нему очень трудно. У туарегов охотник за газелями не пользуется большим авторитетом, зато к охотнику за муфлонами относятся с особым уважением. Весь туарегский фольклор связан с этими животными, их повадками и особенностями. Считают даже, что есть муфлоны-дженуны, способные совратить не только коз, но и женщин!

Охота на муфлона связана с определенным ритуалом. В прежние времена она происходила с собаками, причем оружием служило копье. Ныне чаще пользуются ружьем. Однако, каково бы ни было оружие, туарег, собираясь на охоту, никогда никого об этом не предупреждает из боязни навлечь на себя порчу. Некоторые охотники, отправляясь в путь, кладут себе на голову камень и двигаются вперед, подпрыгивая, очень быстро произнося при этом повторяемые по нескольку раз заклинания.

Глава XII. Древний путь через Сахару

Наш проводник Джебрин - непосед по натуре. Длительные стоянки его тяготят, а окружающая обстановка быстро надоедает. Впрочем, эта черта характера свойственна всем сахарским туарегам, привыкшим постоянно перемещаться в поисках новых пастбищ. Несомненно, что потребность в передвижении продиктована не только кочевым образом жизни - она просто органически им присуща. Поэтому Джебрин все чаще справляется у меня о ходе наших работ и с нескрываемым нетерпением ожидает их окончания, чтобы снова двинуться в путь. Несколько раз он даже пускался на уловки, пытаясь скрыть от нас совсем близко расположенные впадины с фресками. Но скоро Джебрин убедился, что хитрил напрасно: мы очень хорошо изучили весь массив, и лишь редкие рисунки могли ускользнуть из нашего поля зрения.

Чтобы убить время, он под разными предлогами старается исчезнуть на несколько дней: то ему нужно отправиться на поиски источника воды, то необходимо сходить за верблюдами или ослами. Я легко угадываю замыслы Джебрин и поручаю ему осмотреть соседние массивы: нет ли там рисунков?

За время совместной работы он приобрел большой опыт по части поисков впадин с фресками. Несмотря на преклонный возраст и ревматизм, он ловок как обезьяна. Он никогда не увиливает от поручений подобного рода и взбирается на самые труднодоступные массивы, методически и неутомимо осматривая поверхность скал вплоть до самых потаенных уголков каменных лабиринтов.

Не раз я убеждался в том, что Джебрин опередил меня - многочисленные следы его сандалий на песке свидетельствовали о тщательности произведенной им разведки. Однако в Ауаирхете он, по-видимому, не заметил несколько очень красивых фресок. Правда, они были едва видны и для оживления их красок понадобилось тщательное промывание каменной поверхности. Тем не менее я подозреваю, что Джебрин умышленно умолчал об этих рисунках; его пугала одна мысль о том, чтобы привести нас в это орлиное гнездо, без воды, без топлива и р^стительности...

Иногда работа позволяла мне ненадолго покинуть лагерь. Тогда я приказывал Джебрину седлать наших верблюдов - нужно было видеть его счастье! - и мы вдвоем отправлялись на пять или шесть дней куда глаза глядят.

Однажды во время одной из таких прогулок, при обследовании крутой отвесной скалы Аджифу, я наткнулся на большую естественную стену, покрытую фигурками, нарисованными красной охрой в совершенно необычном стиле. Их туловища состоят как бы из двух треугольников, конечности удлинены, а головы изображены в виде простых палочек. Они одеты в стянутую на талии тунику, в одной руке у них копье, а в

другой - предмет, напоминающий четырехугольную корзину. Фрески такого типа были мне уже знакомы. Они имеются во впадинах вади Джерат, в Тамажерте и Тироре, которые я посетил в 1934 году; их находили также в Хоггаре, неподалеку от селения Тит, и даже в Танезруфте, рядом с колодцами Тин-Миссао.

Первые фрески, открытые в Тассили, были написаны именно в таком "битреугольном" стиле. Их нельзя назвать просто доисторическими: они свидетельствуют о появлении в Сахаре какой-то новой группы людей, пользовавшихся боевыми колесницами и до того времени неизвестной там домашней лошадью. Я обнаружил на скалах Аджефу два довольно хорошо сохранившихся изображения этих знаменитых колесниц, в которых Джебрин так ничего и не понял, несмотря на все мои разъяснения. Правда, сами колесницы не были для нас новостью - во время наших первых странствований по Тассили мы нашли восемь подобных фресок: пять - в Тин-Беджедже и три - в Тамрите.

У наскальных изображений в Аджефу есть особое достоинство: они находятся наиболее далеко к востоку из всех нарисованных колесниц, которые нам до сих пор удалось скопировать. Я подчеркиваю слово "нарисованных", потому, что в Феццане итальянские археологи в 1933 году открыли таких фресок гораздо больше, но все они были высечены на камне.

Немного позднее, при разведке в области Ала-н-Эдумент, мне довелось обнаружить еще одну колесницу, написанную красной охрой и белой глиной, причем на этот раз она изображалась не в батальной сцене, а в сцене псовой охоты на антилопу. Мы встречали подобные фрески и в Тироре, и в Тин Абу Тека, и в Ин-Итинен, на пути из Медака в Ихерир. Тем не менее новые фрески с изображениями боевых колесниц представляют, несомненно, очень большой интерес.

Открытие первых колесниц вызвало среди археологов много шума и бурных дискуссий. Кто нарисовал эти колесницы, что обозначали эти приспособления? Могли ли они передвигаться по Сахаре? Извлекли на свет древний текст Геродота, где автор упоминает о гарамантах - народе, жившем в Ливии. По свидетельству Геродота, они обитали на месте современного Феццана и в войнах с другим сахарским народом - троглодитами, селившись в пещерах или в углублениях скал, пользовались двухколесными повозками, запряженными двумя или четырьмя конями. Геродот умер около 425 г. до н. э., следовательно, сообщения его относятся к V в. до н. э.

Вначале эти колесницы приписывались гарамантам, но при более внимательном анализе ученые Дюссо и Соломон Рейнак пришли к выводу, что очень своеобразный стиль изображения несущихся коней совершенно аналогичен стилю "летающего галопа", свойственному микенскому искусству на Крите. Кроме того, известно, что около 1200 г. до н. э. племена с острова Крит, намеревавшиеся напасть на Египет, высадились в Киренаике и постепенно смешались там с ливийцами.

Таким образом, наши колесницы гораздо древнее, чем можно было предполагать вначале. Они еще раз подтверждают факт вторжения народов Моря, известного историкам по упоминаниям в египетских рукописях. Можно предположить, что после неудачных походов против Египта воинственные племена критского происхождения (они, по-видимому, пришли из гораздо более дальних мест, быть может с севера Европы, потому что египтяне изображали их с синими глазами, характерными для народов севера) двинулись по направлению к Сахаре, где впоследствии ассимилировались среди своих ливийских союзников.

Эта проблема меня чрезвычайно заинтересовала. Во время странствования по пустыне я неоднократно наталкивался на фрески с изображением колесниц. В 1935 году, возвращаясь из Гао и пересекая массив Адрар-Ифорас, я обнаружил вблизи колодцев Арли, на пути от Хоггара к Эс-Сук, древней Тадемекке суданских берберов, высеченное на камне изображение колесницы. Подобная находка совершенно необычна для этих широт, и мне невольно подумалось: а не пересекали ли люди с колесницами Сахару? Правдоподобно ли это? Было бы слишком смело отстаивать подобное предположение на основании одного изображения.

Я вновь поднялся к северу, пересек Танезруфт и отправился утолить жажду к колодцам Тим-Миссао, расположенным приблизительно на полдороге между Адрар-Ифорасом и Хоггаром. Через этот пункт обязательно проходят все караваны, идущие на север; создается впечатление, что так было и в очень далекие времена, потому что подступы к колодцам покрыты высеченными на кагльнях или просто нарисованными изображениями и надписями, сделанными на протяжении веков от Скотоводческого периода до наших дней. Под слоем туарегских надписей я обнаружил пять изображений колесниц. Кони на рисунках в основном стерлись, но очертания колес и возниц сохранились довольно хорошо. Колесницы были нарисованы в том же стиле, что и в Тассили. Сомнений не оставалось: я, несомненно, оказался на древнем пути от залива Сирта к Нигеру. И действительно, появление людей с колесницами в Тим-Миссао нельзя считать случайным. Из Хоггара туда нужно добираться через пу^ стынный рег шесть дней, а это отнюдь не располагало к прогулкам без определенной цели. Путь колесниц мог лежать только к Адрар-Ифорасу, единственному городу в тех краях, который находится всего в шести днях ходьбы от Нигера. Однако оставался пробел: в Хоггаре не было обнаружено ни одной колесницы. Между Тассили и Тим-Миссао оставалось "белое пятно", мешавшее воссозданию древнего пути. На восполнение этого пробела мне понадобилось пятнадцать лет.

В 1950 году в Ин-Даладж, в самом центре Кудиа, в важном пункте пути, пересекающего Хоггар с севера на юг, я обнаружил на отдельных плитах три изображения колесниц. Несколько дней спустя в Хирафоке, небольшом населенном пункте на северном склоне Хоггара, где обнаружено много высеченных на скалах рисунков, мной были открыты

еще две колесницы. Позже, производя разведку в южной части массива, я нашел изображения колесниц в Тите и Агеннаре. Всего я обнаружил десять подобных изображений. Все стало ясным. Теперь можно было восстановить путь тысячелетней давности из Сирта к Нигеру на всем его протяжении. Эта трасса была, несомненно, наиболее целесообразной. Она проходила по твердому грунту, пересекая или огибая гористые массивы в самых удобных местах и минуя нагромождения песка. Кроме того, на ее пути располагались основные источники воды, которые можно считать постоянными (*Изображения были найдены и в Западной Сахаре, где тоже, по-видимому, проходил путь через пустыню. В 1955 году около вади Дермель, на юге Орана, мне удалось снять копии с изображений ста десяти колесниц, высеченных на каменных плитах крутых склонов гор. - Прим. авт).*

Нарисованные колесницы (которые в общем следует отнести к более древним изображениям, чем высеченные на камне) доказывают, что кочевые племена народов Моря и ливийцев достигли Нигера за тысячу лет до нашей эры. Это открытие опрокинуло все существовавшие доньше точки зрения, в том числе утверждение, что ливийские племена заняли Сахару лишь в позднюю эпоху. Опираясь на тексты Плиния и Птолемея, специалисты по древней географии Африки считали (а многие считают до сих пор), что "страна черных", упоминаемая этими двумя авторами, располагалась не в районе Нигера, а начиналась на границе полезных земель Северной Африки, то есть, грубо говоря, у подножия Сахарского Атласа и гор Орес. Подобную гипотезу следовало бы подкрепить точными археологическими данными. Но в упомянутых районах никогда не было обнаружено ни одного разрушенного селения, ни одного некрополя, ни одного скелета негроида - современника древних авторов фресок.

Изображения колесниц и всадников на скалах Тассили, Хоггара и Адрар-Ифораса позволяют проследить направления их экспансии не только к югу, но и с востока на запад, по обе стороны от знаменитой дороги Сирт - Нигер, бывшей, по-видимому, в ту пору основной артерией Сахары.

Одно открытие влечет за собой другое и часто позволяет приподнять завесу над загадками, которые, казалось, не имеют к нему никакого отношения. Я подразумеваю проникновение римлян в Сахару. Подобная тема может показаться мало связанной с нашими тассилийскими странствованиями, поскольку здесь идет речь уже об историческом периоде. Но почему мы должны ограничиваться исследованиями в Тассили? Напротив, следовало воспользоваться случаем, и мы им воспользовались, не отвлекаясь при этом от стоявших перед нами археологических проблем. Во время наших экспедиций я обследовал подступы и внутренние дороги плато Тассили - ведь совершенно очевидно, что по многим из них проходили римляне в те времена (и даже ранее), когда они разместили гарнизон III легиона Августа в Цидамусе (Гадамесе) и захватили город Гат (Рапса), расположенный в 80 км на запад-северо-запад от Джа-нета. Из текстов достоверно известно, что во время походов Септимия Флакка в 70 году и Юлия

Матерна в 86 году римляне довольно далеко углубились в пустыню, но границы их распространения неизвестны. Этим походам предшествовал поход в 19 г. до н. э., во время которого была впервые захвачена Киренаика, затем Феццан, после чего римляне заняли часть территории Алжира южнее Бискры. Речь идет о походе легата Корнелия Бальба, принесшем ему по возвращении в Рим триумф, которого так добивались все римские полководцы. По традиции триумфатор восседал на колеснице, а за ней следовали побежденные враги и воины со знаменами, на которых были начертаны имена побежденных народов и названия захваченных городов.

Иногда, как, например, в случае с Бальбом, названия городов, известных из описания триумфа Бальба, частично совпадали с наименованиями современных городов: Тубен (современная Тобна), Векера (современная Бискра), Табудеос (современная Тоуда), Кидамус (современный Гадамес) и т. д. Названия же народов мы до сих пор не в состоянии установить либо потому, что они давались по исчезнувшим и оставшимся нам неизвестными городам, либо потому, что эти названия менялись и дошли до нас в сильно деформированном виде вследствие различных написаний и часто возникавших искажений.

Открытие дороги для колесниц стало новым вкладом в решение этого вопроса, и мне вдруг пришло в голову проверить, не окажутся*ли на этом пути пункты с нерасшифрованными до сих пор наименованиями городов и стран, захваченных Бальбом. Огромная трасса, пересекающая Сахару от Фазаний до Нигера, была, по-видимому, в эпоху римских завоеваний караванным путем, по которому из Судана везли золото, слоновую кость, страусовые перья и рабов. Все эти товары отправлялись на север и имели большой спрос у римлян. Но не служил ли этот путь так же, как и когда-то, во времена гарамантов, для военных целей?

Я начал перечитывать знаменитый текст Плиния, где говорится о триумфе Бальба. Каково же было мое изумление, когда в географических перечнях я наткнулся на два названия, звучание которых мне показалось знакомым: Алази и Бальза. Место, где сооружен французский пост Форт-Полиньяк, действительно называется на языке туарегов Илези и находится на пути Сирт - Нигер, прямо на юг от Гадамеса, и соединяется с этим оазисом путем, проходящим по району, знаменитому отныне своими нефтяными источниками в Эджеле. Если римляне, придя в Гадамес, отправились дальше на юг, то они обязательно должны были прийти в Илези. Небольшое различие в орфографии этих двух названий может броситься в глаза только французу, но не туарегу, потому что на языке тамашек записываются только согласные. Что же касается другого названия - Бальза, то фонетически оно настолько близко к Абалесса, что я больше не сомневался в их однозначности, тем более что эта последняя - маленький населенный пункт в Хоггаре, расположенный на пути колесниц, и в нем сохранились развалины небольшой крепости, где

нашли оттиски римских монет с изображением императора Константина, а также стеклянную вазу и римские лампы.

Эти находки, несомненно, следует отнести к эпохе до III в., и их открытие свидетельствует, как я уже говорил, о существовании торговых связей местных жителей с римлянами. Однако возникла новая гипотеза, подтверждавшая правдоподобие тождества наименований Бальза - Абалесса: не исключено, что римляне сами проходили по караванному пути. Я был в этом убежден и не находил ничего невозможного в том, что римляне построили крепость Абалесса, архитектура которой не имеет аналогии нигде в Сахаре и совершенно не похожа на очень характерные развалины арабских или берберских строений.

Занимаясь расшифровкой и сопоставлением данных, я пришел к еще более удивительному заключению. Плиний упоминает о том, что Корнелий Бальб встретил на своем пути несколько рек, одна из которых называлась Дазибари. Из древних рукописей греческих и римских авторов известно, что в описываемую ими эпоху Сахара уже имела явно выраженный пустынный характер. Вади (как их называют в настоящее время) часто прерывали свое течение, то исчезая, то вновь возникая. Уже в то время они перестали быть реками и постепенно превращались в сухие русла. Но это не была современная пустыня Сахара - там еще могли передвигаться лошади. Тем не менее ливийцы при переездах из предосторожности подвязывали бурдюки с водой под брюхом своих вьючных животных.

Где же находились встретившиеся Корнелию Бальбу реки? К югу от Абалессы, то есть от Хоггара? Быть может, ливийцы повели его по дороге колесниц? Это возможно, если его целью было пересечь страну гарамантов и ознакомиться с большим караванным путем. В этом случае он обязательно шел к югу. Однако к югу от Хоггара я не обнаружил ни одной долины, которая когда-то могла быть руслом большой реки. Я еще раз тщательно просмотрел карты, хотя при моем знании тех мест это было излишним; единственной долиной, в которой можно было предположить русло древней реки, была долина Тилемси, идущая от Адрар-Ифорас, а это название не имеет ничего общего с Дазибари. Оставался Нигер. Вначале трудно было допустить мысль о том, что Корнелий Бальб дошел до этой реки. Я приступил к разбору волновавшего меня вопроса в восемь часов вечера. Занимаясь сопоставлениями, я чувствовал, что у меня в руках ниточка, которая позволит распутать этот сложный клубок. Я лег спать в полночь, но не мог сомкнуть глаз, мне казалось, что я лежу на раскаленных угольях, а в голове назойливо вертелись названия из текста Плиния. Пришлось снова зажечь лампу. Проверив в своих записных книжках название одного места, я продолжал работать. Внезапно (уже, видимо, глубокой ночью) я вспомнил, что местные жители - сонгаи - называли Нигер "Изабари": "иза" - река, "бари" - большая, другими словами - большая река.

Сходство с Дазибари становилось несомненным. Текст Плиния мог претерпеть неоднократные изменения, не исключена возможность

неясного написания этого слова. Подобных вероятностей - множество, но вправе ли я считать решенной проблему? Я продолжал поиски, тщательно просматривая страницы своего старого сонгайского словаря, который я "долбил" во время пребывания в районе Тимбукту и Гао среди рыбаков Нигера. Память снова пришла мне на помощь. Одна деталь из сонгайского фольклора помогла мне напасть на след: среди племен, проживающих на берегах Нигера, до сих пор распространена легенда о том, что хозяевами реки были племена да, которых до сих пор называют "хозяевами воды" или "хозяевами реки". В наши дни Нигер иногда называют "Да Иза Бари", то есть "большая река людей да". Таким образом, Дазибари - не что иное, как Да Иза Бари, и, следовательно, речь шла о Нигере. Итак, вопреки всякому ожиданию, оказывалось, что римляне в 19 г. до н. э. пересекли Сахару с севера на юг и дошли до большой суданской реки. В 6 часов утра, когда уже забрезжил рассвет, я крепко уснул, чувствуя себя победителем в эпическом сражении.

Проснувшись, я вначале было подумал, что все это сон. Но мои карты валялись на полу, на доске, служившей мне столом, лежали записи, пестревшие пометками, сделанными синим и красным карандашами, - все свидетельствовало о том, что это не сон.

Таким образом, маленькие жалкие рисунки, высеченные или нарисованные, быть может, в часы досуга неизвестными нам людьми на скалах Тассили, Хоггара, Адрар-Ифораса и т. д., раскрывали перед нами секрет, над которым ученые безрезультатно бились целыми годами.

Разумеется; далеко не все согласны с моими заключениями. Обычно соглашаются с выводами, не требующими серьезного обсуждения, в противном случае они оспариваются. Несомненно, что какая-нибудь надпись III легиона Августа, найденная в Хоггаре или на Адраре, или скелет римлянина в доспехах послужили бы доказательствами моей правоты. К сожалению, несмотря на все поиски, я до сих пор не обнаружил ни того, ни другого. Но это не исключает возможности таких находок в будущем. Однажды я нашел в скалистой впадине в Сефаре прекрасную греческую плиту с надписью, сделанной красной охрой: "III Legio Augusta. Iter Praeter Caput Saxi", но "автора" не пришлось долго искать: это был Мишель Брезийон, убивавший таким способом свое свободное время.

Археологические исследования в этой громадной стране только начинаются - до сих пор они носили лишь поверхностный характер. Через несколько лет исследователям предоставят транспортные средства, которые заменят древнего верблюда (впрочем, оказанные им услуги недооценивают), а это сделает возможным длительное пребывание в малодоступных районах пустыни. Тогда будут производиться планомерные раскопки тысяч доисторических гробниц, покрывающих пустыню от отрогов Атласских гор до берегов Нигера, и еще многое, многое станет нам известно.

Глава XIII. Вымирающее плеш: туареги Тассили

Джебрии без конца выискивает предлоги для отлучки из лагеря и все чаще исчезает из моего поля зрения. Круг его обязанностей в связи с нашим длительным пребыванием в Сефаре значительно сократился. Весь массив был обследован, и практически теперь у Джебрин была всего лишь одна забота - присматривать за несколькими осликами, которых мы на всякий случай держали поблизости. Я больше не посылаю его с поручениями в Джанет: его возраст дает себя чувствовать и с каждым разом ему все тяжелее карабкаться через перевалы. Когда Джебрин живет с нами, он обеспечен продовольствием и приличным денежным вознаграждением. Ведь туарегу довольно редко удастся иметь постоянный заработок в течение четырнадцати месяцев подряд. Но для этого человека, влюбленного в свободу и противящегося всякому принуждению, подобная жизнь очень скучна и утомительна. Деньги мало интересовали Джебрин. Его сбережения, которые могли бы быть довольно значительными, растаяли, потому что бережливость совершенно чужда туарегам, издавна привыкшим жить сегодняшним днем. Как только они вступают в обладание некоторой суммой денег, им уже не устоять перед соблазнами лавок в Джанете. Туареги покупают прежде всего так называемую мальтийскую хлопчатобумажную ткань, блестящую и ярко раскрашенную индиго. Затем он передает ее своей жене, чтобы она смастерила ему широкую гандуру (*Гандура (араб.) - полотняный халат в виде туники, у арабов - с рукавами, у туарегов - без рукавов*) и саруаль (*Саруаль (араб.) - очень широкие штаны с напуском внизу*), в которых он красуется в кругу своей семьи. Независимо от достатка туареги любят похвастать своей одеждой. И мужчины и женщины страшно любят духи, и в особенности болгарскую розовую эссенцию, которой они буквально поливают себя, распространяя вокруг одуряющий аромат.

Туарегские женщины весьма способствуют, опустошению карманов мужчин; такие же кокетливые, как и мужчины, они обожают глянцевитые гандуры и ярко расцвеченные шали из искусственного шелка с длинными кистями. На этих шалях производства лионских текстильных фабрик изображена гробница пророка в Мекке, что придает им в глазах туарегов значение некоего талисмана.

Джебрин - один из тех туарегов Тассили, кому особенно везло в течение тридцати лет при французах. Пользуясь славой лучшего проводника, он сопровождал все экспедиции, занимавшиеся исследованиями плато, а также туристов - любителей пустыни и миражей. Поскольку Джебрин служил проводником наших отрядов мехаристов, итальянцы, когда они еще были хозяевами в Рате (*Рат - ливийский город на границе с Алжиром*), назначили за его голову высокую награду, но ловкость помогла ему от них ускользнуть.

Как это ни удивительно, Джебрин, заработавший за свою жизнь сравнительно много денег, был сейчас беден. Основная причина его бедности в том, что люди племени кель-медак широко пользовались его доходами. Когда он приносил чай, сахар, зерно, финики, все приходили к нему в шатер. Он считался самым состоятельным человеком своего племени и пользовался всеобщим уважением. Это, кстати, немало помогало ему столь легко ускользать от итальянских полицейских агентов, пытавшихся заманить его в западню в Рате.

Как и все туареги, Джебрин верит в привидения. Не раз я заставлял его в то время, когда он жег на углях зерна какого-то небольшого растения с отвратительным запахом, стремясь как можно быстрее прогнать злых духов, населяющих здешние места. Он совершенно серьезно мне все это объяснял и даже чуть ли не готов утверждать, что сам вцел и слышал джиннов!

Три с половиной тысячи туарегов Тассили, живущие на территории, почти равной Франции, - самые бедные из всех остальных племен Сахары. Никогда во время поездок по Хоггару и Судану я не сталкивался среди местных племен с такой нуждой. Редко можно встретить семью с хорошей палаткой. В то время как в кочевьях Хоггара считается вопросом чести иметь хороший, из тщательно подобранных шкур муфлонов шатер, украшенный подвесками с узорами строгого рисунка и прорезями, что, безусловно, свидетельствует о тонком вкусе местных туарегов, у племени кель-аджер шатры в дырах и заплатках, а шатер для новой супружеской четы страшно мал и мастерится из плохо выдубленных шкур. Нынешние жители Тассили - троглодиты; этому способствует рельеф страны и многочисленные естественные убежища в песчаниках. Они только следуют традициям доисторических племен, в частности пастухов неолитической эпохи, которые наряду с соломенными хижинами, изображенными на многих фресках, использовали пещеры и гроты в скалах, размещая там свои очаги и скот. Мы встретили несколько семей туарегов, устроившихся в этих тысячелетних пещерах за двумя маленькими каменными заслонами, и трудно установить, кем эти заслоны были возведены - нашими ли современниками или жителями доисторической эпохи. На наш вопрос обитатели убежищ ответили, что заслоны всегда находились здесь. Иногда туареги все же предпочитают сооружать новое убежище, что при обилии камней не составляет большого труда - это делается быстро и не требует издержек. Что же заставляет туарегов искать или сооружать новые жилища? Некоторые старые пещеры пользуются дурной репутацией: по преданию, в них живут джинны.

Обстановка пещер, служащих туарегам жилищами и представляющих довольно относительное укрытие от суровых зимних холодов и летнего зноя - мы испытали это на себе в течение шестнадцати месяцев, - чрезвычайно примитивна. Все имущество семьи туарегов сводится к одному или двум глиняным горшкам (иногда их заменяет купленный в лавке эмалированный котелок), одной или двум деревянным мискам,

кое-как скрепленным обрывком проволоки, деревянным ступке и пестиком, изменившим свою форму от долгого употребления, двум или трем старым ложкам, котлу для воды, двум закупленным эмалированным чайникам, небольшому деревянному сосуду, выдолбленному из куска тамариска (они используют его вместо ведра при дойке коз), деревянной воронке, одному КАИ двум бурдюкам для воды и маленькому бурдюку для сбивания масла.

Женщины здесь менее искусны, чем в иных местностях, и если некоторые из них и занимаются кожевенным ремеслом, то дубление кожи производится плохо, и изготовленные вьючные мешки очень низкого качества в противоположность высокохудожественным кожаным изделиям племен Хоггара и Адрар-Ифораса. За время многократных посещений Тассили я очень редко встречал прилично сделанные вьючные мешки.

В Хоггаре все женщины умеют смастерить за несколько часов из двух старых кусков кожи пару удобных сандалий. Женщины Тассили настолько забыли эту технику, что все поголовно ходят зимой и летом босиком, несмотря на обилие острых камней.

Единственный доход людей племени кель-аджер составляет ничтожная сумма, получаемая ими от продажи в Джанете продуктов скотоводства да нескольких вязанок дров. Это очень немного, особенно если учесть, что одной семье в лучшем случае удается за год продать два десятка коз, несколько фунтов масла, несколько бурдюков для воды, вязанок двадцать дров - в переводе на деньги от 70 до 80 тысяч франков (*В старых франках*) в год на семью из пяти-шести человек, в том числе и детей.

У кель-аджер слишком мало верблюдов для того, чтобы ходить караванами в Судан и принимать, как кель-хоггар, участие в разработках солончака Амадрор.

Здесь все недоедают, и многим семьям приходится ограничиваться в день одним приемом пищи, состоящей либо из финиковой кашицы, либо из таджела (нечто вроде пресных галет, изготовленных из раздавленных хлебных зерен, испеченных в золе), к которым добавляется немного кислого молока и одна-две ложки масла.

Старшие дети, пасущие коз, стараются сами найти себе пропитание. Они охотятся за ящерицами и мелкими, удивительно ловкими грызунами под названием гунди. Взрослые тоже не брезгают мелкой дичью, но они заботятся прежде всего о детях, зная, что молодые желудки требуют особенно много пищи. Ящерица и гунди - великолепный бифштекс для подростка, но как часто зимой мы видели этих ребят, возвращавшихся несолоно хлебавши - ведь все животные попрятались в свои норы! Тогда они старались нанести нам визит в часы обеда и усердно скребли дно котелков. Желудки этих людей походят на желудки их верблюдов. Они способны переваривать любые необычные растения, в частности

лжеспаржу (очень горькую), зерна мрокбы (*Мрокба (араб.) - растение из семейства злаков, часто встречающееся в Центральной и Южной Сахаре*) ягоды терновника, листья дикого щавеля. Иногда им удается поймать в капкан зайца или шакала - такой день превращается в праздник. Лучшим охотникам время от времени случается убить муфлона или газель, но это бывает очень редко.

Несмотря на внешне здоровый вид и исключительную выносливость в ходьбе, большинство туарегов страдает рахитом - следствие постоянного недоедания. Естественный отбор здесь суров, и детская смертность достигает примерно 50%. У Джебрина, имевшего от двух жен двенадцать детей, осталось всего шесть, причем один из них долго не протянет. Дети растут, не имея понятия о гигиене. Живя среди домашнего скота, они сосут козий помет и мокнут в козьей моче. На слезящиеся глаза садятся мухи, что ведет к конъюнктивитам, всякого рода воспалениям и трахоме, оставляющей последствия на всю жизнь. Мы встречали многих людей с искривлением ступни, врожденной деформацией ног и рук, многочисленны случаи косоглазия. Почти у всех нарушения в строении челюсти, что, по-видимому, вызывается авитаминозом и недостатком кальция.

Нехватка продовольствия наиболее пагубно сказывается зимой, когда редко можно найти стоянку туарегов, где бы не было больных. Кочевники очень плохо защищены от холода и в большинстве случаев имеют лишь тонкое хлопчатобумажное покрывало, у них нет никакой одежды из шерсти. Все жалуются на "холод в костях" - проявление суставного ревматизма. Туареги Тассили больше всего боятся зимы - в этот период болезнь безжалостна и уносит с собой самых слабых. При мне за одну зиму умерли одна из жен Джебрина и его тетка. Сам Джебрин и его сын Матал, скелетоподобный юноша шестнадцати лет, чуть было не отправились вслед за ними. Нам было известно о многочисленных случаях смерти в соседних кочевьях. Тем не менее туареги ни за что на свете не желали спуститься в Джанет и воспользоваться построенной для них лечебницей. Они предпочитали, как и муфлоны в их стране, умирать среди своих скал. Если Джебрин иногда и обращался в лечебницу, то причина тому - несколько более высокий культурный уровень, чем у его соплеменников. Правда, во многом он так же отстал, как все остальные. Однажды, возвратившись в кочевье, Джебрин нашел своего сына, только что укушенного гадюкой, в тяжелом состоянии. Вместо того чтобы отправиться в наш лагерь за сывороткой, о существовании которой ему было известно, - я не раз рассказывал ему о ней - он предпочел надрезать место укуса и затем выдавить кровь. Это очень рискованно, особенно в тех случаях, когда укус глубок и туда проникло много яда. Состояние больного ухудшалось, но, на счастье, через кочевье проезжал командир взвода мехаристов, и ему удалось спасти юношу.

Джебрин верит, пожалуй, больше в варенье, чем в силу действия сыворотки, и это убеждение - плод его личного опыта. Несколько лет

назад его укусила змея, и в течение трех месяцев он находился между жизнью и смертью. Почувствовав себя несколько лучше, он отправился за советом к врачу в Джанет. Врач осмотрел его ногу и установил, что опасность миновала. Желая выразить Джебрину свою радость по поводу удачного исхода его болезни, врач подарил ему банку варенья. Джебрин не понял смысла этого знака дружеского расположения, проглотил содержимое банки, как если бы это было лекарство, почувствовал себя лучше и стал утверждать, что с того дня его недуг исчез совершенно бесследно.

Предрассудки туарегов касаются не только медицины, но и школы. Они отказываются посылать своих детей в Джанет. "Нет!-говорил мне Джебрин. - Мы не созданы для того, чтобы жить в глиняных домах и учиться считать, как торговцы. Мы, туареги Тассили, созданы для того, чтобы жить среди наших камней, с нашими козами, верблюдами - и только для этого. Эта жизнь нам нравится. Такую жизнь вели наши отцы и деды. Мы ни на что не годимся, это мы знаем, но мы не кель-джанет и не будем посылать наших детей в школу".

Кель-джанет - название, данное жителям оазиса Джанет, которые выращивают пальмы, возделывают землю, посылают своих детей в школу, нанимаются на стройки, служат поварами и проводниками у французов и т. д. Туареги глубоко их презирают, признавая в то же время гораздо более высокий уровень жизни в оазисах.

Что же ожидает в подобных условиях туарегов Тассили в ближайшем будущем? Желание жить среди скал, сопротивление любому нововведению, физическое истощение вследствие недоедания, многочисленные браки между родственниками - все это предвещает их полное вымирание в довольно скором времени. Можно, конечно, возразить: пятьдесят лет назад то же самое предсказывали в отношении туарегов Хоггара, а они здравствуют и поныне. Больше того, их численность возросла, но значительно улучшились и их условия существования. В то же время положение их тассилийских собратьев не улучшилось ни на йоту. Есть ли против этого лекарство? Основная проблема - увеличение местных ресурсов. Вот, пожалуй, единственный способ возрождения жизненных сил этой пришедшей сейчас в упадок группы населения, пережившей в прошлом период расцвета.

Туареги Тассили действительно сыграли большую роль в истории, Они веками были неограниченными владыками Феццана, их вожди управляли Хоггаром, они осуществляли контроль над большим караванным путем из Триполи в Судан и извлекали из этого крупные прибыли. По имени их главного города Гарамы все люди их племени стали называться гарамантами. Когда же они под предводительством Ганнибала приняли участие вместе с нашими предками-галлами в битвах при Требии, Каннах и Тразименском озере, где они составляли большой кавалерийский корпус, слава о них прокатилась за пределами Средиземного моря. Их упадок начинается со времени нашествия арабов, изгнавших их из Феццана. Признанию чужеземных господ и

принятию ислама они предпочли бегство в скалистые горы Тассили, где арабы никогда не осмелились бы их преследовать. Но вскоре оказалось, что всех прибывших туда людей прокормить невозможно, наступил голод; между племенами возникли распри, многие были вынуждены удалиться в более богатые и менее населенные земли. Большие группы туарегов обосновались в Аире; затем ранее прибывшие кочевники, теснимые вновь прибывавшими волнами эмигрантов, отправлялись на поиски новых земель. Так они дошли до Чада, где смешались с негроидами. В наши дни они сохранили лишь смутное воспоминание о своем туарегском происхождении. С тех времен в Тассили происходил естественный отбор. Выжили лишь те, кто в этих суровых условиях мог обеспечить себя пропитанием.

Позднее, перед приходом французов, туареги Сахары, населявшие Хоггар и Аджер, вели хищнический образ жизни за счет людей, живших в оазисах, занимались торговлей рабами, захваченными в Судане, - все это позволяло им поддерживать свое благосостояние. С оружием в руках они захватывали у других то, чего им недоставало в своей стране. Те времена канули в прошлое, и желательно, чтобы они не повторились. Современным же туарегам Тассили остается лишь влачить жалкое существование на своих бесплодных каменистых плато.

Конечно, местные ресурсы можно было бы увеличить, если учесть, что в настоящее время хозяйственные занятия туарегов сводятся в основном к скотоводству, а для разведения скота необходимы пастбища, для которых в свою очередь требуется вода. Если бы удалось вернуть Тассили его былую растительность, когда там находили пищу слоны, носороги, жирафы и огромные стада быков! Возможно ли это? Да, возможно, если когда-нибудь удастся при помощи науки вызывать дожди. В настоящее время мы бессильны что-либо предпринять в этом направлении, хотя по этому поводу написано немало. Тем не менее проблема возрождения Тассили может быть разрешена только таким путем, поскольку трудно предположить, что в один прекрасный день туареги отправятся на нефтяные, скважины Эджеле.

В противном случае я считаю неизбежным исчезновение на Тассили людей под покрывалами, этих гордых и симпатичных разбойников с большой дороги, веками властвовавших в Сахаре; некогда их имя приводило в трепет не только негров, живших в оазисах и Судане, но и их соседей-арабов.

Глава XIV. Двенадцатислойная фреска

Работа в Сефаре продолжается. Мишель Брезийон и Андре Вила, не отрываясь, рисуют с утра до вечера. Качество их прорисовок на кальке теперь безупречно. Мы с Мишелем штурмуем удивительную фреску, которая оказалась сложнее всех виденных нами. Расположена она в низкой пещере с занесенным песком полом. Длина фрески более 9 м.

Тщательно изучив ее, мы обнаруживаем, что она состоит из двенадцати слоев рисунков, которые соответствуют такому же числу эпсх, предшествующих скотоводческому периоду. Следовательно, рисунки относятся к очень древней эпохе.

Даже с помощью Лажу мне понадобилось восемь дней, чтобы снять кальки, но их раскрашивание оказалось делом еще более сложным: ведь калькирование воспроизводит только контуры! Многие рисунки частично наслаиваются друг на друга и некоторые из них серьезно попорчены; это еще более усложняет работу.

Мы столкнулись с уникальным образцом наскального искусства. Право, никогда еще ни одному археологу не доводилось иметь дело с фресками, состоящими из множества самых запутанных наслоений. Порой мы с Мишелем расходимся в мнениях: он утверждает, что тот или иной рисунок появился раньше другого, а я уверен в обратном.

Мы смачиваем стену водой, чтобы оживить краски, и задумываемся над проблемой освещения. Дело в том, что боковой свет справа подчеркивает красный и желтый тона охры, а такое же освещение слева выявляет скорее белые или зеленоватые тона; поэтому мы в разное время дня по десять раз возвращаемся к одному и тому же участку фрески. После многочисленных сверок приходим, наконец, к единому мнению. Эта процедура иногда приводит к ошибкам, не говоря уже о том, что она всегда изнурительна - работать зачастую приходится в самых неудобных положениях. Но какое это имеет значение, если именно таким образом мы лучше всего сможем ознакомиться с каждым стилем! Впоследствии это поможет нам разрешить археологические проблемы исключительной важности.

Система раскрашивания копий на месте вынуждает нас производить расшифровку фрески по частям. Подобная система несравненно лучше любого иного способа, будь то прорисовывание кальки или фотографирование даже с применением инфракрасных лучей: эти методы могут быть использованы лишь дополнительно для контроля, а сами по себе они недостаточны для полного воспроизведения фрески.

На нашей фреске мы снова встречаем маленькие фигурки, нарисованные лиловатой охрой: по-видимому, они принадлежат к самому древнему слою. Но в основном здесь изображены белые, обведенные красной охрой муфлоны, проходящие вереницей вдоль всей фрески. Есть здесь и слоны, и жирафы, и похожая на лошадь антилопа, а также муфлоны, относящиеся к какому-то другому периоду. Написанные желтой охрой и обведенные красной, они отличаются от белых муфлонов длинной шерстью на шее и ногах. Изображения муфлонов принадлежат той же художественной школе, что и "круглоголовые" фигуры "марсианского" типа, и выдержаны в тех же красках. На фреске имеется два "марсианина". Одна из таких тонких и стройных фигур, нарисованных белой краской, шокировала Мишеля: он

обвинил меня в том, что я заставляю его копировать... "безнравственные" сцены!

Наконец, наверху была военная сцена, изображающая вооруженных луками людей. Она относится к слою рисунков скотоводческого периода. К моему великому изумлению, воины оказались женщинами и к тому же с одной грудью! Мы еще нигде не встречали женщин-лучников, и это открытие обогатило наши сведения об удивительных людях скотоводческого периода. Но почему одна грудь? Что это, условность изображения или результат ампутации? Невольно приходят на ум амазонки Беханзена (*Беханзен (1844-1906) - последний король Дагомеи, захваченный в плен французами в 1894 г*) - кровожадные женщины, составлявшие охрану царя чернокожих, которые шли на удаление правой груди, мешавшей им при натягивании тетивы. Неужели у пастухов того периода тоже были свои амазонки?

Фреска "Маленькие муфлоны", как мы в конце концов ее окрестили, дала нам ценные сведения. Благодаря ей, удалось установить относительную хронологию всех двенадцати слоев. Сопоставляя наши данные с более ранними наблюдениями, мы сможем уточнить прежние представления об эволюции доисторического искусства в Тассили.

Я подчеркиваю, что речь идет именно об искусстве. Что же касается вклада нашей хронологии в историю человечества, то это совсем другой вопрос.

Мы установили, что стили меняются, но у нас нет оснований утверждать, что то или иное изменение стиля всегда совпадает с изменениями этнического характера. Тем более нельзя настаивать на соответствии слоев и этнических групп. Можно только предполагать, что до прихода скотоводческих племен Сахару населяли племена негроидов. Что касается Фауны, то при смене эпох мы не заметили в ней каких-либо явных изменений, свидетельствующих о перемене климата. Напротив, в течение очень долгого времени фауна, по-видимому, оставалась прежней, так как на древних слоях изображены те же животные, что и на фресках скотоводческого периода. Только в период лошади, отмеченный появлением военных колесниц, наблюдается заметная перемена. С фресок исчезают такие крупные животные, как гиппопотам, носорог и слон (жирафа, антилопа и страус остаются). Это, вероятно, относится к периоду между IV и II тысячелетиями до н. э., когда началось высыхание Сахары. Не вызывает сомнений и то, что животные, изображенные тассилийскими художниками, совсем не обязательно должны полностью соответствовать фауне того времени.

В другом гроте, названном нами "Большой цирк", мы тоже собрали ряд интереснейших сведений об эволюции стилей. Здесь в наслоениях встречаются в основном фигуры с круглыми головами. По-видимому, этот стиль, существовавший в течение очень длительного периода, претерпел много изменений, и важно изучить все его разновидности.

Работа оказалась нелегкой. Некоторые рисунки находятся на высоте 4 м и, чтобы добраться до них, нужно быть настоящим акробатом. Мы кое-как связали обрывками веревки нашу разболтавшуюся за последние месяцы складную железную лестницу. Но она все равно угрожающе шатается под нами, особенно когда мы воюем с ветром, который срывает листы бумаги и вздымает клубы пыли. Приходится прибегать к другим средствам - ставим друг на друга столы. Наконец, спустя несколько часов нам удается общими усилиями снять копию всего ансамбля фресок размером более 10 кв. м. Лишь несколько фигур оказались расположенными так высоко и настолько стерлись, что с ними мы ничего не смогли поделаться. Зато мы лишней раз убедились, что художники доисторического периода должны были пользоваться лесами. Уровень почвы с того времени не изменился, и без лесов они просто не смогли бы писать свои фрески на такой высоте.

Мы уповаем, что когда-нибудь наш труд будет вознагражден. А пока приходится довольствоваться смертельно надоевшей лапшой - одно и то же блюдо днем и вечером... Не слишком роскошно! К тому же отшельничество начинает нас угнетать.

Но мы не совсем забыты среди скал - каждое воскресенье над нашими головами пролетает самолет из Алжира. Летчики нам знакомы: с одними мы летали, с другими встречались в столовой в Джанете. Им известно наше местонахождение, и каждый раз они приветствуют нас покачиванием крыльев, а мы в ответ машем им руками.

Однажды над нами с громовым гулом проносится самолет; он летит так низко, что от шума у нас чуть не лопаются барабанные перепонки. Это совсем не в правилах наших друзей-пилотов! Лажу, забравшийся на вершину ближайшего утеса, чтобы снять план окрестностей, инстинктивно поднимает руки для приветствия. Немного озадаченный, он присоединяется к нам, и мы вместе смеемся над шуткой, которую с нами сыграл пилот.

Но спустя два дня в нашем лагере появляется мой бывший проводник Серми в сопровождении второго туарега - оба в полном изнеможении. Серми передает мне письмо, и я по почерку узнаю руку нашего друга Росси, начальника поста Джанет:

"Дорогой Лот, пилот ДЦЗ, прибывший в Джанет, сообщил мне, что видел на Тассили европейца, который отчаянно махал руками и, по-видимому, просил о помощи. Я посылаю к вам двух туарегов с поручением добраться до вас по возможности быстрее. Если эти сигналы имеют какое-либо значение, то пусть Серми немедленно возвращается. Если же это приветствие летчикам, то я прошу передать вашим молодым людям, чтобы они бросили эти шуточки. С дружеским приветом Р."

Я прочел письмо вслух членам экспедиции. По их физиономиям было видно, что прибытие двух вооруженных до зубов туарегов их

встревожило и они ждали неприятных известий. Но как только я кончил читать, беспокойство разрядилось взрывом общего хохота.

Серми и его товарищ искали нас двое суток, день и ночь, так как не знали, где точно расположен наш лагерь. Сначала они отправились в Джаббарек, потом в Тин-Беджедж, наконец, в Тамрит, где обнаружили следы, оставленные нами месяц назад. Ей-богу, туареги превосходные следопыты, и их умение читать по следам говорит о незаурядной наблюдательности. Они ничего не ели в течение сорока восьми часов. Им выдается, как и нам, лапша, правда двойная порция, и чай сколько душе угодно.

В своем ответе я успокаиваю и сердечно благодарю Росси. Этот инцидент подтверждает, что в Джанете нас не теряют из вида и что у нас есть друзья, на которых мы можем вполне положиться в случае действительной опасности.

Сефар приберег для нас еще несколько интереснейших открытий. Прежде всего это большая фигура, которая едва видна, настолько тусклым, а местами и вовсе стерты ее краски. На ее голове шлем с гребнем, напоминающий древнегреческие шлемы. Фигура того же типа, что и "Антинея" из Джаббарена: тот же серый аспидный тон, та же прическа с красными лентами и белым ободком. Разгадать это совершенное по своему выполнению произведение, как и другие изображения той же школы, будет нелегкой задачей.

На противоположной стороне вадии находится рисунок высокой негрятки, написанный в стиле "круглоголовых". Лицо ее закрыто. На той же стене нарисовано много маленьких фигурок, относящихся к скотоводческому периоду. Как реалистично и темпераментно выполнены сцены сражающихся лучников! В них столько движения и пыла, что перед нами как бы оживают все страсти участников схватки.

Среди сотен сделанных нами открытий одно особенно заслуживает упоминания. Лажу и я изучали стены гротов. Располагая большим временем, чем его товарищи, наш кинооператор первым приступал к осмотру новых мест. Если он обнаруживал что-нибудь интересное, мы вместе отправлялись посмотреть на его находку. Так мы уже обошли несколько гротов и собирались возвращаться в лагерь, когда я заметил в расщелине скалы темное углубление.

- Ты туда заглядывал? - спросил я.

- Нет, - ответил Лажу. - Мне кажется, там не может быть рисунков.

- Пойдем посмотрим!

Довольно хорошо укрытый грот достаточно глубок, и не исключено что он служил когда-то жилищем. Мы осматриваем его внутреннюю поверхность и замечаем длинную красную полосу, прерывающуюся в

трех местах. Обычно мне почти всегда удавалось определить по целому ряду признаков, с каким слоем и с каким сюжетом я имею дело, даже если рисунок сильно стерт или покрыт плотным слоем глинистой пыли. Но из этот раз смутные штрихи мне абсолютно ничего не говорят: я не могу разобрать никаких подробностей.

- Просто какие-то линии, ничего интересного! - заключает Лажу, У нас с собой нет больше воды, чтобы смочить стену, а гелъта находится довольно далеко. Тем не менее я говорю Лажу:

- Сходи все-таки за водой, я думаю, что это стоящее дело. А если здесь ничего не окажется, у меня хоть совесть будет чиста.

Мы смачиваем стену водой из кожаной фляги, и еще не успевают стечь вода, как у нас вырываются возгласы восхищения. Промывка - в который раз! о- совершает чудо. Отчетливо выступают три предельно стилизованные негроидные маски. Они расположены в ряд на одном уровне. Их можно было бы принять за современную декоративную живопись: нос к рот схематичны, а вместо лица - овал.

Весь ансамбль достигает 2 м в длину. После внимательного изучения я обнаруживаю на прическах масок несколько разноцветных параллельных полос. Точно такие же полосы имеются у нашей фигуры со шлемом. Здесь те же тона: аспидно-серый фон, красная охра, белый ободок. Нет ничего общего ни в стилях, ни в сюжете, но техника выполнения, несомненно, одинаковая.

Видимо, художники одной и той же эпохи писали одновременно и в стиле натурализма и в стиле символизма. Не исключена возможность того, что эти произведения возникли при слиянии египетского и негроидного искусства и свидетельствуют о сосуществовании этнических групп. Это в свою очередь могло обусловить, с одной стороны, влияние греко-египетского искусства, а с другой - негроидного. Во всяком случае подобные предположения должны вызвать у ученых и искусствоведов огромный интерес к рисункам в Тассили.

На обратном пути мы натолкнулись в одной из пещер еще на две прекрасные фрески. На первой изображено странное животное величиной больше метра, похожее на тритона, нарисованное желтой охрой и обведенное красной линией, на второй - огромное свиноподобное существо с торчащими клыками, относящееся к эпохе "Великого божества".

И, наконец, последний результат наших исследований: мы обнаружили, что все выходы из долины загорожены каменными стенами и что мы находимся в своего рода небольшом укрепленном лагере. Я уже отмечал подобные факты в Джаббарене, в Уан-Абу, а поскольку рисунки скотоводческого периода встречаются в этих трех местах, я полагаю, что укрепления принадлежат скотоводческим племенам. Кроме того, в центре низменности сохранились основания трех древних хижин,

напоминающих по своей форме жилища, нарисованные на стенах гротов.

В лагере нас ожидают открытия совсем иного рода. С наступлением жарких дней повсюду появляются змеиные следы. Первую гадюку я убил у подножия дикой маслины, вокруг которой мы с Лажу долго бродили, надеясь найти ее цветок, поскольку его нет ни в одной гербарии. Вторую змею я обнаружил в двух шагах от наших палаток: обследовав нашу кухню, она свилась кольцом под камнем. На третью я наткнулся под кустом арты, когда показывал Мишелю дорогу к только что обнаруженной гелте. Целое нашествие! Никогда мы не встречали места, подобного Сефару: он так и кишел змеями. Этот уголок особенно благоприятен для размножения пресмыкающихся, потому что туареги очень редко устраивают здесь стоянки.

Лесажа сразу же, по прибытии едва не укусила змея: он поставил ногу в нескольких сантиметрах от нее. Вила увидел ее первым и предупредил Аесажа. Тот отскочил назад, побелев как полотно. Он не скоро пришел в себя и еще несколько дней говорил о случившемся. Встреча, действительно, могла произвести впечатление: это была большая самка с головой больше монеты в сто су (*Размер монеты в 100 су равен примерно нашей трехкопеечной монете*), но от страха змея показалась Лесажу еще крупнее. Чудесным образом избежав опасности, он дал обет сразу же по возвращении в Марсель поставить в Нотр-Дам де ла Гард свечу длиной с эту змею.

Возвратившись во Францию, Лесаж действительно выполнил свое обещание. Однако, по его мнению, расходы на свечу должна была взять на себя экспедиция. Казной экспедиции ведал Мишель, которому хорошо было известно ее довольно плачевное состояние. При общем одобрении он отказал Лесажу: ведь это не экспедиция давала обет, следовательно, она и не обязана брать на себя расходы. Тем не менее все отправились в церковь. Тут длина змеи сократилась до размеров маленького змееныша, и свеча, высота которой предполагалась 3,5 м, превратилась в обычную церковную свечку.

Наш лагерь за лето превратился в настоящий зверинец. Вила коллекционирует добов (*Доб (араб.) - шилохвост обыкновенный*), больших ящериц с колючим хвостом и миролюбивым характером. Вила устроил их всех, больших и маленьких, возле кухни, обвязав веревочкой за живот, чтобы они не удрали. Ему удалось доставить их живыми в Париж, где они и сейчас занимают одно из отделений вивария. У нас есть также два зайчонка; мы нашли их в зарослях вади. Сефара, близ которых их родители резвились у нас на глазах. Мы кормили зайчат разведенным сухим молоком, но один из них через несколько дней сдох. Второй зато стал совершенно ручным и вскоре начал есть побеги одуванчиков, которые мы ему приносили. К несчастью, он погиб на обратном пути в Джанет - его ящик слишком долго стоял на солнце.

Другим питомцем нашего лагеря был пойманный туарегскими мальчишками молодой гунди (*Гунди - тип байбака из семейства грызунов*), с которым мы тоже очень подружились. Все эти зверьки составляли чудесную семью, совсем как во времена Ноева ковчега. Но какая засуха вместо потопа!

Глава XV. Парашюты

Проблема снабжения экспедиции продовольствием становится все более острой. Большинство наших продуктов кончилось, сахар уже на исходе, три четверти мешков с мукой пусты. Каждый раз, когда я прошу у Джебрина раздобыть верблюдов или ослов для доставки продовольствия, он что-то бубнит под своим литамом, а затем пускается в разглагольствования, что, мол, здесь нет пастбищ, и верблюды теперь спустились на выгоны эрга Адмер. Капитан Росси в Джанете также лишен возможности предоставить мне вьючных животных. Неужели нам придется прекратить работу?

Я еще раз вызываю Джебрина, показываю ему опустевшие мешки из-под муки и спрашиваю, не желает ли он отныне питаться камнями, именно такая перспектива ожидает нас в самом недалеком будущем.

- Нет, - отвечает он невозмутимо. - Я за свою жизнь достаточно насмотрелся на камни. Если бы их можно было есть, люди племени кель-медак не были бы такими тощими. Чего-чего, а уж камней-то в нашей стране хватает!

Наконец однажды утром наш второй проводник Агауэд появляется с четырьмя осликами, и маленький караван поспешно направляется в Джанет. Среди почты, доставленной Агауэдом через два дня, я нахожу следующее сообщение: получено разрешение сбрасывать нам продукты на парашютах. Я давно этого добивался, и теперь, наконец, доставка по воздуху начнется по первому нашему требованию.

Готовлюсь к поездке в Джанет. Намереваюсь воспользоваться ею для более подробного обследования окрестностей, чтобы найти участок, годный для выброски грузов. Нельзя же сбрасывать парашюты на сплошной лес остроконечных утесов, среди которых мы живем! В 4 км от лагеря, в месте слияния вадии Сефар и Ин-Итинен, я обнаружил плато. Правда, оно довольно скалистое, но другой, более подходящей площадки нет.

По прибытии в Джанет я узнал, что самолет, команда которого вызвалась провести операцию, только что разбился при неудачном взлете. В результате - девять убитых, двое тяжелораненых и разбитая вдребезги машина. Эта катастрофа поставила все снова под вопрос и вынудила меня отправиться в город Алжир. Впрочем, я все равно должен

был встретиться там с вернувшимся из Франции Гишаром и вместе с ним подготовить первую выставку наших фресок.

В Алжире я добился решения о доставке грузов на парашютах. Было предусмотрено, что самолет "Норд 2500", предоставленный в наше распоряжение, сначала сделает посадку в Форт-Флаттере, где "бензовозы" тоже ожидали груза.

С первым почтовым самолетом, вылетавшим в Джанет, я отправил в лагерь нового члена экспедиции, художника Лесажа. Передаю с ним точные инструкции Брезийону, которому поручено координировать наземные операции. В частности, напоминаю:

1) площадкой для приземления парашютов будет служить участок (5X5 м), найденный мной в 4 км к югу от нашего лагеря;

2) по углам площадки в качестве опознавательных знаков должны быть выложены придерживаемые камнями полосы белой бумаги; это следует сделать за три или четыре дня до операции, чтобы мы могли определить площадку с воздуха на пути в Джанет;

3) необходимо приготовить дымовые шашки, небольшой запас которых имеется в нашем лагере. В нужный момент они укажут направление ветра у земли;

4) Лажу и Вила должны подготовиться для кино- и фотосъемки этой операции, первой в своем роде в горах Центральной Сахары;

5) по окончании операции Лажу должен немедленно вернуться в Джанет: на следующий же день ему предстоит вместе со мной принять участие в воздушных киносъемках;

6) и, наконец, я прошу принять все меры к доставке продовольствия в лагерь и возврату контейнеров и парашютов в Джанет.

5 мая в 5.30 утра мы встречаемся на аэродроме Мэзон Бланш с летчиками, назначенными для проведения операции. К экипажу прикомандированы парашютист - специалист по сбрасыванию контейнеров и фотограф с аппаратом для воздушных съемок.

Несколько минут веселой и взволнованной дружеской беседы. За этим следует быстрая проверка, и самолет отрывается от земли. Мы летим на юг.

Первая посадка в Уаргле, где мы разгружаемся и сразу же берем новый груз. Затем следует Форт-Флаттере, вновь разгрузка и заправка самолета горючим. Мы берем курс на Джанет. С приближением к Тассили я занимаю место второго пилота, чтобы помочь командиру экипажа при предварительном осмотре местности. Боясь сбиться с курса и потерять время в поисках нашего лагеря в каменном лабиринте, мы

долетаем до Джанета. Пролетев над оазисом, берем курс на Сефар, пользуясь моей картой. Приблизительный маршрут на ней был нанесен еще на земле по указаниям Джебрина.

Первый полет не дает никаких результатов, и я задаю себе вопрос, успели ли мои товарищи разместить опознавательные знаки. Однако я прихожу к выводу, что если бы им не удалось этого сделать, они обязательно зажгли бы дымовые шашки.

Круто повернув, вновь направляемся к Джанету. На этот раз летим несколько восточнее. Я быстро отмечаю Тамрит, затем нахожу путь из Джанета в Рат, и мы пролетаем над остроконечным каменным лесом, охватывающим массивы Тин Абу Тека, Тин-Тазарифт, Сефар. Но я ничего не вижу. Мы делаем левый вираж, и Гпшар, занимавший более выгодное для обозрения место, первым замечает белые бумажные полосы, четко обозначающие площадку.

Вскоре мы обнаруживаем на земле большой очерченный круг, внутри которого можно прочесть: Сефар. Круг расположен в самой середине нашего лагеря и виден очень четко. Мои коллеги хорошо поработали. Штурман устанавливает точный угол поворота, и парашютист бросает прямо над кругом сообщение с вымпелом. В нем я пишу Брезийону, что сбрасывание парашютов с грузом состоится послезавтра, 7 мая, в 7 часов утра.

Спустя несколько минут мы спокойно приземляемся на аэродроме в Джанете, где меня встречают офицеры поста и Лесаж.

Следующий день посвящается подготовке контейнеров. Специалист по сбрасыванию парашютов усердно занимается своим делом. Он размещает груз в плетенных из ивовых прутьев контейнерах, связывает их, тщательно укрепляет парашюты. Все это не так просто, как могло бы казаться, и требует большой сноровки. Но вдруг он останавливается: на четырнадцать тюков имеется только восемь парашютов! Тогда решаем сбросить шесть тюков без парашюта. Приходится вновь перевязывать тюки, вынув оттуда съестные припасы, которые могут пострадать при свободном падении. Откладываем в сторону муку, мыло, затем упаковываем все это в большие мешки, туго набитые соломой. Тюки погружаем в самолет. В назначенный день, в 7 часов, мы пролетаем над Сефаром и видим наших товарищей, зажигающих в районе приземления дымовые шашки. Я бросаю им вымпел с сообщением, что вопреки программе шесть тюков будут сброшены без парашютов. Это потребует эвакуации людей с площадки для приземления грузов.

После крутого виража над Сефаром мы подлетаем к нашей площадке. Каждый на своем месте. Дверца самолета открыта. Грузы, предназначенные для сбрасывания на парашютах, прицеплены карабинами за трос, протянутый вдоль кабины самолета. Остается только столкнуть их вниз. Второй пилот, устроившись сзади, держит по телефону связь с кабиной первого пилота, где находимся мы с

командиром, капитаном Флашаром и сообщает обо всем, что происходит внизу.

К началу сбрасывания обнаруживаем, что участники экспедиции находятся еще на площадке, и капитан из предосторожности приказывает выждать. Снова делаем разворот. Летим на высоте 100 м, как полагается при подобных операциях.

Есть особая пьянящая прелесть в виражах над залитыми солнцем скалами Сефара. Но какое это должно быть фантастическое зрелище, когда с еще большей высоты откроется весь гигантский каменный лес, простирающийся за линию горизонта!

Возвращаемся к площадке и с облегчением видим, как члены экспедиции отбегают в сторону. Проверив угол сбрасывания и сделав обычное предупреждение, капитан нажимает на педаль, соединенную с сиреной. Это - сигнал: самолет слегка кренится на крыло, и парашютист сбрасывает груз. Сильный поток воздуха поднимает в самолете облако пыли. Если бы наш парашютист не был привязан ремнями к стальному тросу, его наверняка тоже выбросило бы из самолета.

Груз падает на землю у восточной границы площадки. Мы видим поднимающееся снизу огромное облако и перепуганных мальчишек, удирающих со всех ног.

Второй пилот кричит в микрофон:

- Мешок с мукой лопнул!

- О черт! - говорит капитан. - Веревки были слишком туго затянуты. Я немного снижусь.

Под нами длинная белая дорожка. Теперь площадка видна очень четко! Но как могло случиться, что Брезийон со своими товарищами не очистили территорию? На этот раз, я полагаю, они, наконец, поняли!

Пять раз повторяются заходы, и каждый раз успешно. Это потому, что Гитар и Лесаж помогают теперь парашютисту. Как только сбрасывается груз, самолет снова возвращается к площадке, и в кабине самолета снова начинает завывать сирена. Все тюки падают в пределах площадки.

Капитан предупреждает меня об окончании первой части операции и объявляет, что поднимается на 200 м для сбрасывания парашютов. На всякий случай еще раз пролетаем на высоте 150 м, чтобы сбросить третий выпел с сообщением о выброске восьми тюков на парашютах.

"Внимание! Готовы?" И снова позади гудит сирена, и самолет слегка накреняется. Чуть заметный толчок, и в воздухе распускается великолепный красный цветок, медленно плывущий к земле. Довольно

сильный ветер отхрсит парашют в сторону. Это можно определить по дымовым шашкам, так как на сей раз Брезийон хорошо выполнил поручение. Внизу полотнище парашюта продолжает трепетать, и мальчишки, видимо, с трудом гасят его.

Мы сбрасываем второй, затем третий контейнер: теперь парашюты белые. Вдруг сзади слышится шум. Второй пилот передает:

- Стропы парашюта порвались при выброске, контейнер разбился о землю.

- С такой высоты, - говорит мне капитан, - все разобьется вдребезги!

Я бросаю взгляд на список содержимого контейнеров и вижу, что в пятом были сахар, мука, соль, макаронные изделия. На земле большое белое звездообразное пятно. По его величине можно судить о силе удара и о размерах убытков.

Следующие три контейнера благополучно прибывают на место. Раскрывается последний, зеленый парашют, операция закончена. Я должен сказать, что она была проведена мастерски. Если два тюка и разбились, то в этом в какой-то мере повинна исключительно твердая поверхность Тассили. В конце концов при подобных операциях убытки неизбежны.

Зато общий баланс, несомненно, к нашей выгоде: отныне экспедиция обеспечена продовольствием на два с половиной месяца. Впервые у нас такое изобилие картошки, апельсинов, лука, лярда, трески и прочих продуктов, не считая сливок, варенья, сухого печенья, которые украсят наш стол, давно уже ставший слишком однообразным.

Последний взгляд на проносящееся под нами плато, и капитан дает полный газ. Сделав великолепный вираж над каменным лесом, самолет, освобожденный от груза, вдруг круто взмывает ввысь!

Это произошло совершенно внезапно. Никто не ожидал такой шутки от нашего славного капитана, обрадованного возможностью взяться наконец по-настоящему за ручки управления, и все повалились друг на друга, сбившись в кучу у заднего отсека кабины пилота. Гишар чуть не проглотил свою трубку, а Лесаж набил на лбу огромную шишку. Я уже не помню, кто из них вздумал сообщить нам о случившемся, знаю только, что он принял прикрепленную к стенке резиновую воронку с трубкой за микрофон. Лишь открыв рот, он понял, что этот аппарат служит для отправления некоторых естественных надобностей! На военных самолетах все устроено с таким расчетом, чтобы не занимать полезную площадь.

Мы спокойно закусываем, болтаем, и наши "сбрасыватели", оправившись после пережитого волнения, со смехом вспоминают о своем приключении.

По пути отмечаем маршрут для завтрашних аэросъемок. Я направляю самолет к великолепному каньону Тамрит, затем к склонам Арума. Мы узнаем массивы Ауанрхета и Джаббарена. Каким невзрачным кажется нам Тассили с такой высоты! Долетев до Ихерира, мы, наконец, направляемся по прямой на Джанет.

Тем временем Лажу бежит рысью на своих мускулистых ногах к Тафилалету с камерой и катушками пленки, заснятой во время парашютных операций. Он хочет по возможности быстрее послать их для проявления. Встреча назначена на 8 часов вечера, у подножия перевала, откуда джип доставит его в Джанет.

К 10 часам он появляется в столовой и подробно рассказывает нам о том, как на земле воспринималось сбрасывание грузов. Похоже, что весь лагерь охвачен восторгом: выброска парашютов прошла удачно, и все с нетерпением ожидают роскошных пиршеств. Что касается туарегов, то они были ошеломлены видом падающих с неба парашютов. В Тассили об этом будет еще немало толков.

На следующий день, в 7 часов утра, снова поднимаемся в воздух. Лажу, навьюченный камерами, тоже здесь. Накануне мы попытались сделать вертикальную аэросъемку через нижний люк самолета. Фотографу Шерле пришлось лечь на живот, высунув голову наружу. Гишар и Лесаж держали его при этом за ноги, чтобы он не вывалился или не был вытянут из самолета мощной воздушной струей. Однако поза оказалась слишком неудобной и Шерле не смог справиться с привязанным к его шее тяжелым аппаратом для аэросъемки. Я понял, что от работы в столь пикантном положении, когда треть туловища фактически висит в воздухе, не будет никакого толка, и велел прекратить съемку. Помимо всего прочего, это было слишком рискованно.

На сей раз мы ограничиваемся боковой съемкой через отвинченное стекло в двери. Лажу производит киносъемку всех массивов, где были найдены фрески, но работа часто прерывается - ему становится дурно, когда самолет ложится на крыло или попадает в воздушные ямы над каньонами. Тем не менее нам удается сделать более двухсот фотоснимков различных участков Тассили. Они составляют большую панораму и удачно дополняют заснятые на земле кадры.

Мы долетаем до Ихерира, чтобы сфотографировать этот маленький центр земледелия и множество окружающих его озер. Некоторые из них, самые крупные в Сахаре, достигают более километра в длину. Капитан Росси как-то сообщил мне о существовании между Ихериром и Ахараром огромного памятника доисламского периода. Мы без труда находим его. Он расположен на склоне хребта, и его необычайные размеры - более 100 м в диаметре - производят на нас большое впечатление. Памятник имеет форму большого овала, внутри которого выложен из камней контур, напоминающий своими очертаниями замочную скважину. Туареги считают, что это древняя гробница одной из их цариц. Нам

удалось сделать снимки. С самолета я вижу вокруг памятника много других гробниц, правда несколько меньших размеров. Все они расположены на открытых местах и сориентированы по оси на восток. До сих пор нам не доводилось видеть ничего подобного в районах, где имеются фрески. Возможно, что гробницы не имеют с ними никакой связи.

Наблюдение с воздуха позволило мне в несколько минут уяснить то, что невозможно было понять, находясь внизу, у подножия скал: рельеф Тассили. Я не раз задавал себе вопрос, как на плато, представляющем однородную геологическую формацию, могут одновременно встречаться плоские пространства, куполообразные образования, колоннады из песчаника и т. д. Вначале, по-видимому, вся масса тассилийских песчаников была раздроблена на четырехугольные участки как бы в шахматном порядке; по мнению некоторых геологов, это было вызвано боковыми сжатиями. Такие участки, сохранившиеся в своем первоначальном виде, особенно хорошо видны с самолета; с земли их трудно заметить. Расселины между отдельными квадратами представляли собой места наименьшего сопротивления, поэтому они подвергались наибольшему влиянию эрозии. Со временем расселины были в различной степени размыты и расширены таким образом, что все плато напоминает теперь рисовый пудинг, аккуратно разрезанный на равные части. В зависимости от степени эрозии поверхность песчаников приняла самые разнообразные формы: ровных четырехугольных площадок, участков с сильно закругленными вершинами, густого леса причудливо изрезанных камней и, наконец, местами встречающихся отдельных шпилей. Такие шпили представляют собой предпоследнюю фазу эрозии. Последняя - это разрушение шпилей и их постепенное превращение в бугорки. Наличие всех этих различных форм создает столь разнообразный характер рельефа, что мы ни разу не встретили двух одинаковых массивов в Тассили. В результате нам всегда казалось, что мы находимся среди разрушенных городов с площадями, главными магистралями и множеством переулков. Этим же объясняется и то обстоятельство, что мы обнаружили здесь столько наскальных рисунков: Тассили было удобно для поселений в доисторические времена.

Как ни парадоксально это звучит, но именно современное достижение людей - самолет - помогло нам разрешить загадку далекого прошлого.

Глава XVI. Конец экспедиции

Прибыло подкрепление - вернулись Гишар и Лесаж; теперь выполнение программы наших работ в Сефаре стало реальным. Составлена опись фресок массива, и после распределения обязанностей все трудятся над снятием копий. Это довольно невеселая, изнурительная работа, которую нередко приходится прерывать (иногда даже на несколько дней) из-за песчаных бурь. Они не дают возможности укрепить кальки и вынуждают откладывать кисти в сторону. За короткое

время над нами разразились две бури, после которых вода в вади закипела ключом, в один миг заполнив гельты. Мы начинали уже с тревогой поглядывать на них.

В периоды затишья Лажу отправляется снимать на киноплёнку и фотографировать наиболее живописные уголки массива. Однажды он отклонился от наших обычных маршрутов и направился к группе скал, где мы до сих пор ничего не обнаружили. Его внимание привлекло какое-то большое коричневое пятно или, скорее, наслоение; однако по контурам пятна невозможно было определить, фреска это или нет. Заинтересовавшись находкой, Лажу вернулся сюда с тремя товарищами и вместе с ними промыл поверхность стены. Как и в предыдущих случаях, под воздействием воды и губки проступили краски и контуры фрески, и все присутствующие замерли от изумления при виде того, что предстало перед их глазами. Они открыли великолепное произведение, которое, несомненно, войдет в число самых прекрасных произведений искусства всех времен. Что же там изображено? Мужчина и женщина - только и всего. Но какой мужчина и, в особенности, какая женщина! Женщина нарисована красной охрой в натуральную величину. Она сидит лицом к мужчине, сильно выпрямив спину и слегка наклонив голову. Одна нога вытянута, другая согнута в колене - его мягкий изгиб подчеркивает тонкость щиколоток к запястий. Стройный стан поражает правильностью пропорций. По тяжелой, несколько удлиненной форме груди видно, что эта женщина уже была матерью. Знание человеческого тела делает это поразительно совершенное произведение искусства достойным греков и самых прекрасных творений эпохи Возрождения. Внушительные размеры обеих фигур усиливают производимое впечатление, а мысль о том, что этот шедевр создан людьми каменного века, повергает нас в изумление и восхищение.

Кем же написана эта великолепная фреска? Людьми, жившими в скотоводческий период!

Я убежден, что позднее, когда наши копии будут собраны вместе и искусствоведы смогут свободно заняться их изучением, они, несомненно, признают художников скотоводческого периода первыми выдающимися представителями натуралистического искусства. Ведь они изображали не только животных, но зачастую выбирали сюжетами своих творений сцены из жизни людей. До сих пор нам не были известны подобные мотивы в творчестве людей, стоящих на столь низкой ступени исторического развития. Таким образом, тассилийские фрески - совершенно новый вклад в историю искусства, где их неизвестные авторы по праву займут почетное место среди великих художников мира.

Через несколько недель мы закончим работу и сможем с легким сердцем и чувством удовлетворения покинуть замечательные скалы этого великолепного доисторического "города". Мы сняли копии всех фресок, за исключением одной - "песчаного чудища"; она настолько велика, что выполнение ее копии оказалось технически невозможным.

В последние дни я решаю послать Гишара и Лажу в Тахилахи, чтобы они засняли обнаруженные там в 1950 году в одном из гротов фрески и заодно побывали в богатых водоемами местах, неподалеку от Ихерира. Джебрин идет с ними в качестве проводника. Взяв с собой месячный запас продовольствия, караван направился к Тин-Беджеджу и вади Иддо. Ему предстоит десятидневный путь по довольно мрачному плато.

Однако вскоре с нашими путешественниками случилось забавное происшествие. Как-то утром один плохо обученный верблюд внес смятение в ряды каравана и перепугал всех животных, тут же сбросивших свою поклажу на землю. Повсюду в страшном беспорядке, как после побоища, валялись фотоаппараты, стол, привезенный Гишаром из Алжира радиоприемник, мешки с продуктами, бурдюки с водой. В довершение ко всему виновник беспорядка пустился наутек, и Джебрин уверял, что он не в силах заставить животное вернуться. Тут-то и обнаружилось "случайное" совпадение: рядом находились туарегские стоянки, и через три дня там устраивалась свадьба, на которой должны были присутствовать все жившие в окрестностях люди племени кель-медак, всего около ста человек. И хотя Джебрин утверждал, что он не в состоянии найти замену сбежавшему верблюду, было совершенно очевидно, что все происшествие подстроено. Просто нашему проводнику захотелось провести праздничные дни со своими земляками, а Гишар и Лажу попались на эту удочку.

Нашим бедным ребятам пришлось принять участие в торжестве. В течение нескольких дней и ночей они набивали себе желудок вареной козлятиной и туарегскими лепешками и услаждали свой слух звуками там-тама. В результате маленький караван прибыл в Ихерир с опозданием на восемь дней...

Ихерир - очень своеобразный небольшой оазис. Там живут несколько десятков семей полутуарегского, полунегроидного происхождения. Каждая семья обрабатывает свой участок. В оазисе много пальм, фиговых деревьев и даже виноградников. Это самое богатое водой место во всей Центральной Сахаре. Впрочем, совершенно непонятно, почему тянущиеся цепочкой водоемы, некоторые из которых достигают километра в длину и 10-12 м в глубину, не исчезают в русле вади.

Местные водоемы очень богаты рыбой, и когда-то я не раз лакомылся свежей рыбой. Но на этот раз мои товарищи прибыли на берега озер Ихерира не с удочками и сетями, и местные жители в недоумении ломали головы, не понимая причины появления белых, которые зачем-то ходят вокруг таинственной кучи палок, привезенных на верблюде. Затем палки соединяются друг с другом и постепенно превращаются в предмет с заостренными концами, на который натягивают покрывку из холста и резины. Радостно возбужденные туареги, собравшиеся вокруг Джебрина, вдруг увидели плывущее по воде странное хрупкое сооружение. Оседланное Гишаром, оно стало весело разрезать водную поверхность и стрелой пересекло озеро.

Издавая восторженные крики, к берегу сбежались все жители селения. Эти французы, конечно, вступили в союз с дьяволом, откуда же иначе у них может быть столько хитроумных приспособлений? То им с неба падают тонны продуктов (все туареги присутствовали при парашютной операции), а теперь они плавают по воде, как утки, иногда спускающиеся в Ихерир во время перелетов. Когда же два руми (*Руми - так туареги называют европейцев*) погрузились в воду, которой они были лишены столь долго, и с наслаждением в ней забарахтались, веселье зрителей достигло апогея. Это было редкое зрелище для туарегов, не умеющих плавать; Джебрин, заливаясь хохотом, кричал: "Агару! Агару-куфар!" ("Лягушка! Христианин-лягушка!").

Но Гишар и Лажу не остановились на этом. Я поручил им проверить, водятся ли еще в Ихерире крокодилы. Моя маленькая походная байдарка, послужившая мне на Нигере и в некоторых водоемах Хоггара, позволила им обследовать все бухточки, все скалистые впадины в озерах Ихерира, куда невозможно добраться по суше. Ихерир - единственное место в Центральной Сахаре, где отмечено существование этих пресмыкающихся в наши дни. Капитан Тушар, первый француз, побывавший на Тассили, обнаружил в Ихерире их многочисленные следы, а два года спустя, во время посещения этих мест капитаном Ниже, один унтер-офицер убил крокодила, шкура которого до сих пор красуется в зоологической лаборатории Алжирского университета. Длина животного достигает 2 м. Другой экземпляр, убитый в 1924 году лейтенантом Бовалем, был приблизительно такой же величины. Несомненно, небольшие размеры крокодилов объясняются тем, что они не могли ежедневно удовлетворять свой аппетит.

Очень странно, что крокодилы, учитывая их плотоядность, веками жили здесь, несмотря на постоянное недоедание, и сохранились в озерах до наших дней. Однако это служит великолепным доказательством влажного климата древней Сахары в те времена, когда с севера на юг ее пересекала огромная сеть рек, на берегах которых фауна тунисских шоттов смешивалась с животным миром Нигера и Чада.

Сегодня в изолированных друг от друга озерах Ихерира единственным источником питания для крокодилов остались рыбы да случайно пришедшие на водопой коза или собака, хотя туареги зорко следят за своим скотом, не оставляя его без присмотра.

В 1934-1935 годах я побывал на многих водоемах, но нигде не обнаружил никаких следов этого пресмыкающегося. Местные жители подтвердили, что в озерах больше нет крокодилов и что последний был убит лейтенантом Бовалем в 1924 году. Гишар и Лажу также не смогли сообщить по этому вопросу ничего нового. У них сохранилось лишь приятное воспоминание о своем времяпрепровождении на воде и даже в воде, что в Сахаре далеко не всем доступно.

Но вот работа закончена, и все собираются в Сефаре. Вернулись Мишель Брезийон и Вила, которых я посылал в Ала-н-Эдумент, и

каждый участник экспедиции составляет перечень выполненных работ и заканчивает свои отчеты. Разобраны и сложены в ящики столы и лестницы; складывается оборудование, члены экспедиции начинают собирать свои пожитки. О, наш личный багаж невелик, но как упаковать собранные за все эти месяцы каменные орудия, черепки посуды, ботанические образцы и т. д. Выбрасываем то, что уже не годится, не без некоторой грусти расставаясь с парой сношенных сандалий, разорванной рубашкой, старым консервным ножом, зазубренным обломком зеркала, железной проволокой для прочистки трубки - все эти предметы не имеют больше цены, но во время нашего пребывания в этой заброшенной стране они нам оказали столько неоценимых услуг! Мы осматриваемся кругом, не забыли ли чего-нибудь, усаживаемся рядом с нашими убежищами, в последний раз вглядываемся, в фрески, вдыхая раскаленный воздух засыпанного песком ущелья, по которому столько раз таскались со столами за спиной! Еще раз отправляемся к вади, чтобы взглянуть на дикое оливковое дерево, которое охранялось всеми во время его цветения. - нежностью бросаем взгляд на распутившийся среди камней маленький цветок. Захотелось еще раз обойти наши бывшие владения. И хотя вполне понятная усталость вызвала желание расстаться с доисторическими пещерами и вернуться в цивилизованный мир, когда этот момент наступил, все загрустили.

Джебрин, Агауэд и Рисса тоже чувствуют приближение конца наших совместных приключений и исполняют свои обязанности серьезнее, чем обычно.

В последнее путешествие собираются и ослики. Смотрим на них с улыбкой и неожиданно чувствуем, что мы к ним очень привязались за эти долгие месяцы. Нам кажется, что в осликах тоже что-то изменилось. Бедные ослики, сколько ударов сыпалось на них, когда они недостаточно весело перебирали ногами! Теперь же мы с удовольствием глядим на их подвижные длинные уши, быстрые и умные глаза и испытываем к ним не только симпатию, но почти любовь.

И лагерный костер не таков, как всегда. Хотя мы и говорим о приготовлениях к отъезду, мысли у всех заняты не ими. В последний раз смотрим на огромные скалы: их черный кружевной узор четко вырисовывается в лунном сиянии июльской ночи и сливается с тысячами падающих звезд, которые непрерывно прорезают небосвод.

Дан сигнал к отправлению. Рисса собирает котелки, а Джебрин и Агауэд кончают навьючивать осликов. Маленькие копытца зацокали по песчаниковым плитам правого берега вади. Гишар идет рядом с Джебрином, посасывая, как всегда, трубку. Нагрузившись своими фотоаппаратами и опираясь на палку, идет Вила. Сейчас его походка легче, чем шесть месяцев назад: у него пропал живот. Рядом с ним с большой глубиной в р^ке шагает Мишель; повесив нос, он разглядывает камни у себя под ногами. Лажу забегает то вперед, то назад, непрерывно пребывая в движении, как бы стараясь запечатлеть мельчайшие подробности этой сцены для передачи потомству. Все

молчат, бросая прощальные взгляды на уходящие в даль каменные громады, среди которых протекала наша жизнь. Увидимся ли мы когда-нибудь с ними или обстоятельства превратят нас в мелких чиновников и добропорядочных отцов семейств в домашних туфлях?

Спуск с акбы Тафилалет вносит некоторое оживление. Со спин осликов то и дело соскальзывают тюки, и их приходится ежеминутно поправлять. Под их копытами градом осыпаются камни. Меланхолию как рукой сняло! Снова в ущельях раздается тысячеголосое эхо. Это Джебрин, или Рисса, или Гишар зовут на помощь.

Затем следует угрюмый перг Таразит. Гранитные скалы пышат сегодня страшным зноем, оставляя по себе одно из самых неприятных воспоминаний. Вот, наконец, и Джанет, где караван окончательно останавливается. Развьюченные ослики весело спускаются к водоему под присмотром Агауэда, призывающего криками и жестами к порядку самых недисциплинированных.

На этой сцене занавес падает: наши шестнадцатимесячные похождения закончились.

Итак, впечатления, сложившиеся у меня в первые же недели пребывания на Тассили, убедительно подтвердились: данная область - самая богатая в мире сокровищница доисторического искусства. Об этом красноречиво говорят итоги нашей работы. Скопировано восемьсот фресок; если их приложить друг к другу, то они займут площадь, равную 1500 кв. м. Приведенные цифры наглядно свидетельствуют об объеме наших работ, но они ни в коей мере не отображают вклада, внесенного фресками Тассили во всеобщую историю искусства и историю древних культур Африки. Во имя этого вклада и велась наша работа. Подвиг моих коллег по экспедиции тем более замечателен, что никто из них не был подготовлен к жизни в Сахаре. Они занимались сложной и непривычной для них работой, находясь в труднейших бытовых условиях, безропотно трудились дни и ночи, живя в стране с суровым климатом, о изолированной от всего мира и лишенной всего живого.

Конечно, подвиг членов нашей экспедиции нельзя сравнивать с опасным восхождением или изысканиями в подземных пещерах. И то и другое - эффектней и носит более спортивный характер. Наши похождения ее имеют такого блеска и кажутся даже несколько однообразными. Ежедневные перетаскивания столов и лестниц, подвижническая работа в каменных гротах, ежедневный обед из лапши не производят большого впечатления. Но все ли представляют, что означает шестнадцать месяцев непрерывной работы в сердце каменной пустыни, фактически отрезанной от остального мира? Я мог бы выразить свое мнение одним словом, но предпочитаю, чтобы оно было сказано другими. Иногда мелкие, ежедневно преодолеваемые трудности требуют от человека гораздо больше упорства, мужества, физических сил, чем самые большие спортивные победы. Мы счастливы (а для меня это, быть может, самая большая радость за все время моего пребывания в Сахаре)

и в то же время вознаграждены сознанием того, что подшили к делу Истории единственную в своем роде документацию - данные тысячелетней давности, оставленные неизвестными до сих пор народами, данные о жизни, творчестве и глубоко нас волнующей разносторонности натуры Человека.

Глава XVII. А не открыли ли мы Атлантиду?

Наши открытия стали повсюду широко известны. И это не удивительно - материальные следы исчезнувших культур Сахары, обнаруженные к тому же в период обостренного интереса к ее нефти, не могли не вызвать всеобщего любопытства.

Разве не поразительно, что почти одновременно были сделаны два открытия, из которых одно уводит в прошлое, а другое - в будущее? Это совпадение сыграло огромную роль в судьбе Сахары. Еще совсем недавно она считалась самым обездоленным местом на всей планете и могла интересовать лишь каких-нибудь одержимых ученых да ищущих острых ощущений туристов-миллионеров. Теперь же проблема Сахары приобрела подлинную актуальность.

Не скрою, наши открытия многих удивили. Любой цамятник доисторического прошлого - большое событие, но такого огромного ансамбля фресок, поражающих столь разнообразными и необычными сюжетами, нигде не удавалось обнаружить. Именно это обстоятельство и породило слухи о подделках, хотя говорили о них с осторожностью, втихомолку. Но попытки дискредитировать нашу работу ни к чему не привели за отсутствием улик. А ведь неплохо было бы иметь в Тассили свой Руфиньяк (*Автор намекает на то, что не все памятники, открытые в Руфиньяке, были подлинными*)! Немало людей, повидавших наши копии, несмотря на всю благожелательность, отнеслись к некоторым изображениям критически и осторожно. По их мнению, стиль изображений казался настолько современным, что невольно вызывал сомнения в подлинности.

Увы! Все же на нашу долю не выпадет громкой известности, которую приобрели открытия в Руфиньяке, Глозеле, Пилтдауне, Мулен-Киньоне (*Руфиньяк, Глозель, Пилтдаун, Мулен-Киньон - районы во Шранции и в Англии (Пилтдаун), где обнаружены пещеры с наскальными изображениями и стоянки палеолитического человека*). И все потому, что среди обнаруженных нами фресок не г ни одной подделки, ни умышленной, ни случайной.

И все-таки мы занимались подделками, рисуя красной охрой на песчаниковых плитах маленькие фигуры в стиле наших пастухов. Мы привезли их в Джанет и Париж, мистифицируя специалистов. Но пусть никто не волнуется! Мы никого не хотели обманывать или подводить: нам просто хотелось проверить, как ложится и держится краска на поверхности песчаника!

Все началось с того, что наши запасы гуаши истощились, и нам волей-неволей пришлось воспользоваться местной охрой, то есть найденными тут же охристыми сланцами, которыми рисовали художники доисторического Тассили. Мы установили, во-первых, что местные сланцы воспроизводят тона и стиль наскальных рисунков и, во-вторых, что рисовать на песчанике очень легко; больше того, песчаник впитывает краску лучше, чем бумага для рисования, и кисть не оставляет на нем следов наплывов. Этим-то и объясняется поразительная тонкость и четкость штриха, восхищающая нас в произведениях доисторических художников. Теперь тайна раскрыта, и Гишар доказал это, в шутку блестяще нарисовав на песчанике несколько фигур.

Сейчас все подозревают нас в фальсификации, и если какому-нибудь музею или коллекционеру произведений искусства случайно предложат за несколько миллионов франков песчаниковую плиту с фресками Тассили, пусть покупатель будет осторожен и прежде всего промоет плиту водой. Если краски не смоятся, можно платить, не раздумывая, хотя лучше воспользоваться микроскопом и убедиться в том, что рисунок не покрыт тонким слоем лака, который в ходу у некоторых хитроумных "китайских" мастеров. Если же вода окрасится и рисунок поблекнет, то перед вами подделка, или, точнее, лжеподделка. Ведь существуют настоящие и фальшивые подделки - их название зависит от того, какими намерениями руководствовался копировщик.

Из всего сказанного я хочу сделать следующее заключение: самый простой способ проверки подлинности тассилийской фрески - ее промывание. Красная охра доисторических рисунков настолько глубоко проникла в скалистую поверхность, что смыть ее невозможно; желтые охры, часто наложенные толстыми слоями, особенно на некоторых изображениях "марсианского" типа, менее устойчивы, но все же плохо поддаются воздействию воды; белые же непрочны, и с ними нужно обращаться осторожно. Но, поскольку в тассилийских фресках редко встречается только желтая охра или белая глина, всегда есть возможность проверить их подлинность. Во всяком случае, поместив осколок песчаника с лицевой поверхности плиты под микроскоп, можно обнаружить глубокое окисление. Поэтому никогда по поводу Тассили не будет происходить эпических сражений, вызванных открытиями в Руфиньяке.

Разумеется, помимо упомянутых мной откликов, было и много других. После возвращения из Тассили в наш адрес стала поступать обширная корреспонденция, немало развлекавшая нас в часы досуга. Приходили письма с разноцветными марками самых разных стран: одни - исключительно серьезного содержания - от научных учреждений или иностранных ученых, другие же были полны самых фантастических предположений и домыслов. Некоторые корреспонденты старались во что бы то ни стало убедить нас в том, что наши "марсиане" в действительности были "жителями Юпитера", а наши так называемые

открытия есть не что иное, как избитое подтверждение сведений, давно известных "посвященным" какой-то теософической секты.

Другие, самые ретивые, не задумываясь, писали о том, что мы открыли Атлантиду и пресекли таким образом всякие ученые споры, заставившие пролить столько чернил по поводу истории, изложенной древним философом Платоном в его знаменитых диалогах "Критий" и "Ти-мей". "Атлантида! Ведь вы нашли произведения Атлантов! Это - следы затопленного разгневанными богами замечательного острова, на который вы вступили, сами того не зная! Это подтверждение того, что повествование Платона - не миф!" Некоторые приписывали мне даже дар предвидения и считали, что, отправляясь в Тассили, я заранее прекрасно знал, где нужно искать, чем и объясняются мои находки.

Должен ли я давать объяснения по поводу того, что никогда ничего подобного мной не было ни сказано, ни написано как до, так и после открытия фресок Тассили? Если я и назвал красивую женщину, изображенную в одной из пещер Джаббарена, Антинеей, то нетрудно догадаться, что это всего лишь неизбежная дань романтике. И действительно, знаменитая героиня романа Пьера Бенуа навсегда связала в представлении потомков Атлантиду и Антинею с Хоггаром; Тассили же - не что иное, как дополнение к Хоггару. Кстати, нужно сказать, что Пьер Бенуа совершил двойное чудо. Об Атлантиде, правда, говорили и раньше. Но этот писатель, снискавший себе широкую известность, создал такое талантливое произведение, что, того не подозревая, породил пелую литературу об Атлантиде, которая в свою очередь повлекла за собой новые поиски мифической страны.

И все же атлантомания, если можно так выразиться, родилась не сегодня и не в последние тридцать лет, обогативших литературу об Атлантиде многочисленными произведениями. Со времени Платона фантазеры самого различного толка пытались возродить древний миф, проявляя избыток воображения и, осмелюсь сказать, невежества. И то и другое свидетельствовало лишь об их крайней наивности. Именно подобных фантазеров имел в виду ученый XIX в. Сусмель, сказав, что "каталог высказываний об Атлантиде мог бы послужить довольно хорошим пособием для изучения человеческого безумия".

Если отбросить некоторые, далеко не всегда только наивные, а порой даже просто лживые теории, то нужно признать, что в идее Платона есть немало положительного. Она побудила многих ученых к проведению серьезных исследований, обогативших океанографию, геологию, антропологию, этнологию, - ограничусь пока перечислением только этих наук. Вопрос об Атлантиде сложен, и наши энтузиасты-атлантифилы должны подходить к нему с осторожностью.

Самым одержимым из них, конечно, непонятны, а быть может, и неизвестны наиболее авторитетные научные работы об Атлантиде. В самом деле, гораздо приятнее ограничиться рамками легенды, чем просиживать над расшифровкой каких-то скучнейших текстов. Домыслы

подобных людей основаны на несостоятельных теориях, и, как писал Имбеллони, "философы и филантропы обрели в Атлантиде прекрасные климат и почву для того, чтобы поселить в этом утопическом, или, вернее, несуществующем месте детища своей фантазии".

Несуществующее место, которое находится повсюду! Было бы утомительно заниматься перечислением многочисленных авторов, занимавшихся этим вопросом и помещавших Атлантиду в следующих районах: в Азовском море, на месте озера Тритон, залива Сирт, острова Джерба, на Канарских островах, в Андалузии, Гренландии, в окрестностях Кадикса, в Марокко, на полуострове Бэтика (*Бэтика - древнее название южной части Пиренейского полуострова, нынешней испанской провинции Андалузии*), бывшем ирландо-армориканском континенте (*Ирландо-армориканский континент - Арморика - древнее название Бретани, население которой в этническом отношении близко к населению Ирландии*), Шпицбергене, Новой Земле, в Нигерии. Я остановлюсь на этом, поскольку находились люди, не ограничивавшиеся Старым светом и помещавшие Атлантиду даже в Америку.

О Сахаре как районе, где находилась Атлантида, первым в наш век заговорил профессор Лионского университета Берлиу. Он послужил Пьеру Бенуа прообразом персонажа из его романа - старого университетского профессора Ае Межа, нашедшего в библиотеке Антинеи исчезнувшие отрывки из "Крития". Роман Пьера Бенуа в свою очередь вдохновил немецкого геолога Борхардта, поместившего Атлантиду в район туниССких шоттов и Хоггара. Эта теория породила историю в духе Рокамболя. В 1925 году при раскопках древнего укрепления Абалессы, о котором я упоминал, говоря о римлянах в Центральной Сахаре, был найден скелет женщины, берберской королевы Тин-Хинан, которую туареги считают своей прародительницей. Американский миллионер, принимавший участие в раскопках, не задумываясь, сообщил всему миру, что найдены останки Антинеи, последней королевы атлантов. Однако, поскольку могила относится к IV в. н. э., Тин-Хинан должна была обладать необыкновенным долголетием, чтобы пережить на семь столетий божественного Платона, умершего в 347 году до н. э. Мало того, исчезновение Атлантиды произошло за девять тысяч лет до Платона. Надо полагать, что и сам автор этого экстравагантного сообщения был не очень уверен в истинности своего открытия - три или четыре года назад в широкой прессе появилось сообщение, что он отправился искать Атлантиду при помощи гидролокатора "Асдик" (*"Асдик" - условное наименование, принятое по названию Комитета по изучению борьбы с подводными лодками (Anti-Submarine detection investigation committee)*) о районе Азорских островов! О результатах поисков не было никаких упоминаний в печати, поскольку они, разумеется, ни к чему не привели.

Все это несерьезно. Сахара не могла быть местонахождением таинственного острова. Платон считает, что исчезновение Атлантиды - явление тектонического характера, а не дилювиального; в таком случае должно было произойти землетрясение, во время которого остров

опустился бы и затем покрывшись водой. Если дело происходило именно так, то обнаружались бы следы провала земной коры. Однако современные геологические данные о Сахаре свидетельствуют о совершенно противоположном явлении - о поднятии этой части суши, происшедшем задолго до появления на земле человека.

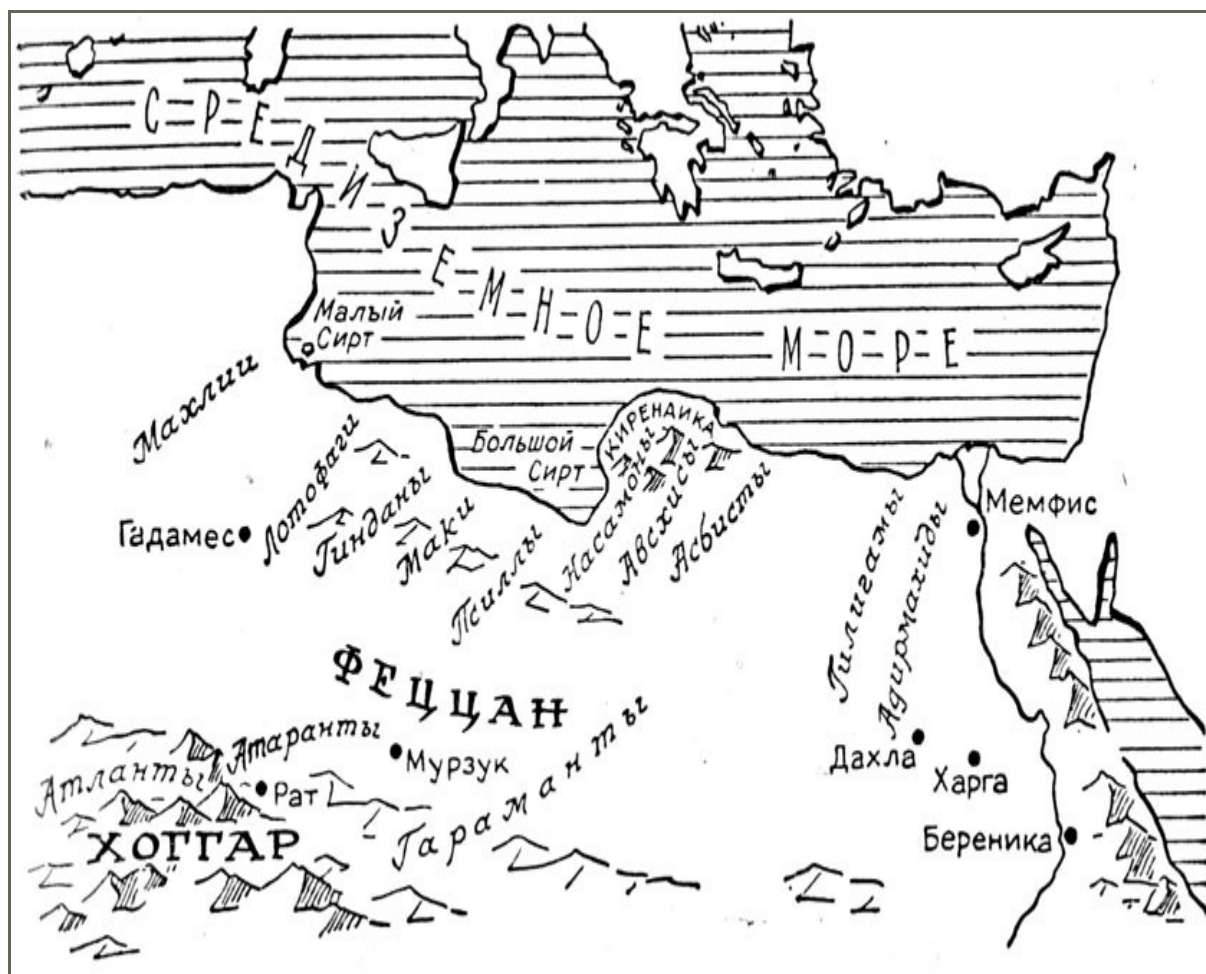
В последние годы успешные исследования по древнейшей истории подтвердили, что очертания Средиземноморского и Атлантического побережий Африки не претерпели существенных изменений с начала четвертичного периода, в отложениях которого найдены следы пребывания племен, живших морским промыслом. Кроме того, оказалось, что Канарские острова как бы окаймлены наносами раковин, имеющимися также у побережья Марокко. Это доказательство того, что за десятки тысячелетий контур Канарских островов и берегов африканского континента в общем не изменился. Вместе с тем в древнейших культурных слоях, обнаруженных на Африканском материке, и в частности в Сахаре, находят множество орудий разных эпох: шелльско-ашельской, мустьерской и леваллуа (*Эпохи шелльско-ашельская, мустьерская и леваллуа - археологические культуры древнего каменного века (палеолита)*), по которым мы читаем летопись о древней жизни Африки. Отсутствие верхнего палеолита восполняется таким обилием неолитических орудий, что напрашивается вывод: вряд ли в тот период существовал на земном шаре более населенный район.

Орудия были обнаружены как на побережье, так и в глубине континента, что указывает на стабильность сахарской платформы со времени появления первого человека. Это обстоятельство должны учитывать сахарские атлантофилы. Оно сводит на нет знаменитую нелепую гипотезу о "краснокожих": кое-кто относил к ним атлантов, приписывая последним культуру ацтеков и фараонов!

В действительности существуют две проблемы: проблема атлантов и проблема Атлантиды. Отправными точками в этих вопросах служат два текста: первый принадлежит Геродоту, второй - Платону.

Геродот упоминает об атлантах в главе, посвященной народам Ливии. Он перечисляет народы, жившие в районах, расположенных к западу от Нила в непосредственной близости от побережья (в юго-западном направлении), а также народы, жившие южнее, в глубине континента. Таким образом, он размещает гармантов в центре Феццана, где была их столица Гарама, которую отождествляют с современным городом Джерма. В десяти днях ходьбы от них, продолжает Геродот, живут атаранты, затем на таком же расстоянии - атланты, обитающие в горах Атласа. Текст Геродота вызвал много толкований, но в настоящее время Сахара известна настолько хорошо, что установить расселение народов, перечисленных Геродотом, не представляет больше неразрешимых трудностей; кроме того, греческий историк привел относительно точные данные об описываемых им районах. В частности, он говорит о соляных курганах, о домах из соляных блоков, замечая, что ливийцы должны

быть довольны отсутствием дождей, ибо в противном случае стены домов не устояли бы.

Население побережья Малый и Большой Сирт, Феццана и Хоггара в V в. до н. э., согласно Геродоту

Хорошо известно, что почвы сахарских котловин сильно насыщены солью, а все дома, построенные в оазисах Феццана, Ин-Салаха и т. д., при малейших осадках "тают" как снег. В Агорготте и Тауденни речь идет даже не о солончаках, а именно о соляных блоках. Подобные факты говорят о том, что Геродот, упоминая при описании стран Юга о столь типичных для пустыни соляных курганах, располагал очень точными сведениями. Откуда же ему были известны все эти подробности? Возможно, из рассказов проводников караванов, которые побывали в оазисах Феццана и измеряли в днях пути расстояние от одного места до другого.

В десяти днях пути от гарамантов была страна атарантов. Судя по указанному расстоянию, они должны были жить в Тассили; дальше, в десяти днях от них находился Атлас и его обитатели атланты. Если считать день ходьбы за 40 км, то они жили в районе Хоггара.

Кем же были атланты? Геродот говорит буквально так: "Они живут на горе, называемой Атласом, и носят ее имя". Это все, что мы знаем об их

происхождении. Геродот нигде не упомянул об Атлантиде; впервые о ней, полвека спустя, заговорил Платон.

Относительно же Атласа нам известно, что греки называли в честь мифологического гиганта самые различные горы на полуострове Пелопоннес, в Сицилии, Трояде, Эфиопии... Этим образным именем наделяли в те времена как вновь открытые, так и уже известные горные вершины. И действительно, с расширением географических познаний Атласские горы из века в век перекочевывают из одного района в другой. Так, Хоггар был назван в свое время Атласом, а в следующем веке другие авторы присвоили это имя горам Марокко, которые берберы называли Дерен. Очевидно, отсюда и произошло название "атланты", но впоследствии оно было дано людям, никогда и не слышавшим такого слова.

Из всего этого видно, в какие дебри могут завести гипотезы об Атлантиде, построенные на названиях. Самая большая ошибка - помещать ее в Марокко, ссылаясь при этом на Геродота. Ведь текст Геродота совершенно точен: он помещает "свой" Атлас в глубине Ливии, а не к западу, где, добавляет Геродот, еще встречаются соляные курганы и люди вплоть до Геркулесовых столбов (*Геркулесовы столбы - древнее название Гибралтарского пролива, по обеим сторонам которого, на оконечностях Европы и Африки, возвышаются скалы Гибралтар и Джебель Муса. По представлениям древних. Геркулесовы столбы были пределом мира*). По сравнению с теми, кто делает подобные ошибки, можно простить американскому миллионеру его преувеличение. Если Хоггар и не имеет ничего общего с Атлантидой, а Тин-Хинан - с Антинеей, то, по крайней мере, туареги вполне могут сойти за потомков атлантов, современников Геродота.

Вернемся теперь к Платону. Быть может, он тоже преувеличивал? Известно, что философ принадлежал к школе Сократа, признававшей существование населенных земель за пределами известных в то время морей, что, несомненно, повлияло на теорию об Атлантиде. Но в ту эпоху интересовались не географией, а философскими доктринами о политической жизни народов. Платон попытался в своих трудах дать описание совершенного государства, и в "Критии" и "Тимее" он в качестве примера упомянул о царстве атлантов.

Совершенно ясно - это был всего лишь вымысел. Для того чтобы сильнее поразить своих слушателей и читателей и не показаться им беспочвенным теоретиком, Платон поместил свое мифическое царство в место, о котором его современники кое-что слышали; в то же время никто не мог проверить, существовала ли эта страна в действительности. Кроме того, по географическим данным того времени, и в частности по Геродоту, с трудом которого Платон был, несомненно, знаком, атланты считались последним известным народом, жившим в самых глухих районах Ливии. Поэтому легко было ставить их в пример и изображать их общественную организацию так, как если бы она действительно достигла совершенства.

Что же касается вопроса об исчезновении Атлантиды - история острова так же вымышлена, как и все остальное, - то это произошло как кара, ниспосланная атлантам за нарушение законов богов.

Повествование Платона весьма смахивает на небылицу. Погружение Атлантиды он относит ко времени за девять тысяч лет до современной ему эпохи, что не мешает ему, однако, описывать организацию армии атлантов, ее боевые колесницы, кавалерию и т. д. Здесь уж он был совсем далек от истины - ведь первые лошади были приведены из Азии в Египет гиксосами приблизительно в 1800-1700 годах до н. э. и уже отсюда попали в Ливию. В египетских текстах есть об этом совершенно точные сведения, а наскальные изображения еще раз подтвердили более позднее появление лошади в Сахарг.

Поэтому большинство современников Платона не верили в существование Атлантиды. Легенда была воскрешена святыми отцами в средние века - они усмотрели в ней одну из фаз всемирного потопа. Затем она ожила с открытием Америки. С тех пор легенда приобрела громадную популярность - самым убедительным подтверждением этого служат две тысячи названий книг об Атлантиде.

Что касается нас - все совершенно ясно. Всем, кто задавал нам порой с трогательной наивностью вопрос: "Открыли вы Атлантиду? Да или нет?", я отвечаю: "Нет". И вот почему: для того чтобы что-то открыть, необходимо, чтобы это "что-то", по крайней мере, когда-то существовало.

Глава XVIII. Предварительный итог

Мы, правда, не открыли Атлантиды, но зато нам удалось добиться других, не менее важных результатов. Мы установили, что Центральная Сахара была в период неолита одним из самых населенных центров первобытного общества; мало того, мы обнаружили, что в этой некогда покрытой необозримыми пастбищами пустыне существовали многочисленные и отнюдь не легендарные культуры.

Те, кто посетил нашу выставку в Музее декоративных искусств (павильон Марсан в Лувре), были, вероятно, поражены великолепием фресок, выполненных людьми скотоводческой эпохи. Я осмелюсь сказать, что этой "школой" созданы одни из самых прекрасных произведений, причисляемых ныне к "натурализму". Но ценность наших открытий состоит не только в этом.

Наскальные рисунки и высеченные на камне изображения, обнаруженные в Сахаре, относились, по-видимому, к четырем крупным периодам:

1. Период охотников или период буйвола (ранний неолит?).

2. Скотоводческий период (неолит).

3. Период пастухов-всадников, имевших колесницы, или период лошади (древняя история).

4. Период верблюда (датируемый большей частью началом нашей эры).

Кроме того, оказалось, что между двумя первыми периодами существует состоящий из множества слоев промежуточный период, который длился чрезвычайно долго.

Этот поразительный факт совершил коренной переворот в наших представлениях, так как до сих пор никто не предполагал такого многообразия культур в Сахаре.

В настоящее время - поскольку изучение собранных материалов только начато - я отношу фрески Тассили по крайней мере к шестнадцати слоям и тридцати различным стилям, причем большинство из них предшествует скотоводческому периоду. Каждый слой - загадка, требующая разрешения, а на обработку всех материалов нужно потратить еще много лет, тем более что их опись, несмотря на шестнадцать месяцев работы, далеко не закончена.

Сейчас можно ограничиться лишь общим обзором, основанным на периодизации стилей и наслоений, что, повторяю, нуждается в неременной проверке.

Стиль "круглоголовых" людей. Древняя стадия

Самыми древними оказались нарисованные лиловатой охрой маленькие фигурки со схематически изображенными туловищами и круглыми, всегда преувеличенно большими головами. Чаще всего головы увенчаны рогами или какими-то другими украшениями, возможно перьями. Одежда (иногда ее и нет) сводится к небольшой набедренной повязке с двумя или тремя спадающими вниз концами. Фигуры изображены вооруженными. Обычно это палка, но иногда встречаются лук и нечто вроде большого копья или гарпуна величиной в полтора человеческого роста. Сюжеты сцен непонятны, изображения животных встречаются редко (слон и муфлон).

Тип "круглоголовых" людей в набедренных повязках со спадающими вниз концами наиболее характерен для самых древних тассилийских наскальных рисунков. Он встречается также в более поздних слоях. И хотя на смену лиловатой охре приходит красная, а туловища фигурок становятся более вытянутыми, форма головы остается прежней. Непосредственно с этим слоем связаны по крайней мере пять

последующих слоев, отличающихся друг от друга лишь некоторым улучшением качества рисунка и большей ясностью изображенных сцен, в частности сцен плясок с рогатыми, похожими на дьяволят человечками. Отметим, что, за исключением дьяволят, здесь идет речь об однокрасочных рисунках. При изображении дьяволят наряду с лиловой охрой применялась и желтая.

Эпоха расцвета

Появление многоцветных рисунков свидетельствует об эволюции стиля. Это по-прежнему стиль "круглоголовых", но размеры фигур стали больше, а их выполнение-искуснее. Конечности, ранее обозначавшиеся контурами, утолщены, однако еще нет четких разграничений между плечом и предплечьем, голенью и бедром. Пальцы рук и ног лишь обозначены, а всегда небольшие груди у женщин расположены одна над другой. Мы нашли еще несколько одноцветных фигур, подобных белым женщинам на фреске с негритянской маской в Ауанрхете; повсюду их контуры обведены охрой другого тона, причем общим фоном наиболее часто служит желтая или зеленовато-желтая охра, а также светло-красная охра, обведенная темно-красной.

Фрески этого периода, как и предыдущего, состоят из нескольких слоев, различаемых лишь по некоторым техническим или декоративным деталям. Художники все с большей тщательностью изображают сцены, где, кроме человеческих фигур, появляются слоны, носороги, антилопы, муфлоны. Переход от головы к туловищу менее заметен, чем на рисунках, относящихся к предыдущим стадиям; очень любопытно, что внутри круга, изображающего голову, появляются параллельные черточки, треугольники, полукруги. Качество рисунка заметно повышается: формы становятся изящнее, наблюдается большее стремление к передаче деталей: браслетов на руках и щиколотках фигур, поясов, украшений на голове и плечах (перья, головные уборы) и в особенности рисунков на груди, животе, бедрах, ногах или руках, которые можно принять либо за насечки, либо за татуировку. Эти украшения, изображенные в виде правильно расположенных точек, удивительно напоминают татуировку у современных племен Верхнего Нила или Центральной Африки; таким образом, они, несомненно, подтверждают негроидное происхождение фресок, а это в свою очередь свидетельствует о том, что некогда негроиды жили гораздо севернее, чем в наши дни. Новые данные имеют немаловажное значение, тем более что нам до сих пор ничего не известно о происхождении африканцев и о времени заселения ими континента.

Рисунки разных стилей

Пока невозможно точно указать хронологические вехи периода стиля "круглоголовых" людей; но к концу его во многих

высокохудожественных произведениях чувствуется начало влияния Египта, породившее на негроидной основе три оригинальные группы наскальных рисунков./"

Прежде всего нужно отметить фигуру из Ауанрхета в африканской маске и с выгнутыми ногами; ее тело закрашено красной охрой и заштриховано мелкими белыми клеточками, а руки и бедра увенчаны каким-то стилизованным цветком. Характер маски типичен для Западной Африки; подобные маски до сих пор используются племенами сенуфо с Берега Слоновой Кости во время обрядов инициации. Открытие подобной фигуры в самом сердце Тассили имеет очень большое значение: отныне мы знаем, что анимистические маски инициации были в ходу еще в древние времена. До сих пор это было неизвестно.

Далее следуют весьма странные композиции. Наиболее типичная из них - "пловчиха" - тоже находится в Ауанрхете. Это - женщина с преувеличенно вытянутыми конечностями; она, по-видимому, плывет, держа за голову и увлекая за собой скорчившуюся человеческую фигуру. Ниже изображен другой человек, появляющийся из какого-то яйцевидного предмета, покрытого концентрическими кругами, который напоминает либо яйцо, либо, что менее вероятно, улитку. Толкование сцены требует осторожности, поскольку подобный сюжет встречается в наскальных рисунках впервые. Можно лишь отметить, что эти фигуры находились рядом с рисунками, испытавшими влияние египетского искусства. Корни верований, распространенных в Египте эпохи фараонов, лежат в более далеком прошлом, поэтому не исключено, что здесь изображено путешествие умершего в загробный мир.

И, наконец, следует выделить группу фигур, среди которых наиболее примечательна наша "Антинея" из Джаббарена. Эта великолепная фреска была обнаружена в низкой скалистой впадине. Рассматривать ее там было трудно, и возникает вопрос, почему столь высокохудожественное произведение создано в таком трудном для обозрения месте. Некоторое сходство отдельных деталей "Антинеи" с "Белой дамой" из Ауанрхета - указывает на этнографическую связь между ними. В других местах Джаббарена мы нашли изображения мужских фигур в том же стиле. К сожалению, они очень сильно поблекли, но можно различить их головные уборы, представляющие собой нечто вроде шлема из разноцветных полос, увенчанного каким-то круглым колпаком. Позднее, в Сефаре, нам посчастливилось обнаружить еще две довольно хорошо сохранившиеся фигуры того же стиля. Особенно четко выделяются три стилизованные и выполненные в тех же тонах маски, где подобный мужской головной убор виден спереди. Эти рисунки созданы в одно время, но они столь различны по своему характеру, что объяснение изображения чрезвычайно натуралистичных фигур и стилизованных масок на одной фреске следует искать лишь в сосуществовании этнических групп. Изображение женщины с прямым носом свидетельствует о средиземноморском влиянии, хотя здесь можно также усмотреть некоторые характерные египетские черты. "Греческие

воины" Сефара, несмотря на более широкий нос, тоже не имеют ничего общего с африканским типом. Что же касается трех масок, то они нарисованы в явно негроидном стиле. Такой негроидно-египетский симбиоз можно, вероятно, объяснить тем, что жившие здесь люди испытывали одновременно влияние и со стороны египтян и со стороны негроидов. Огромное разнообразие тассилийских фресок делает подобное предположение вполне допустимым.

Египетское влияние проявляется в отдельных рисунках человеческих фигур в Джаббарене и Сефаре, типичных своими головными уборами и очень своеобразным выполнением в серо-голубоватых тонах с использованием ярко-красной охры и белой глины.

Геология и живопись

При первом же взгляде на тассилийские фрески поражает их многоцветность, совершенно несвойственная рисункам доисторических художников. Обычно их палитра небогата: основой служат красная охра, белая глина (образовавшаяся из каолина) и окись марганца. Но в Тассили, оказывается, на большом пространстве между массивами Тамрита и Джаббарена имеются охристые сланцы, которые кое-где выходят на поверхность. Различные пласты сланцев под более или менее интенсивным воздействием солнечных лучей меняют свою окраску. Нижние, самые защищенные от солнца пласты состоят из темно-красной охры почти шоколадного цвета. Затем цветовая гамма светлеет: на смену приходит кир-пично-красная, светло-красная и желтая охра. Последняя имеет массу оттенков, вплоть до зеленоватого.

По-видимому, охра вначале растиралась в порошок, затем смешивалась с каким-то связывающим составом. Природа состава еще окончательно не установлена, но после анализа кусочков охры, снятых с фрески на скале джебеля (*Джебель (араб.) - гора*) Уэнэта, оказалось, что туда входили молочный казеин и растительный клей из акации. Мы выяснили также, что состав охры в различные эпохи не был одинаков. Так, например, фрески в стиле "круглоголовых", выполненные желтой охрой, поначалу представляли собой нечто вроде наложенной довольно толстым слоем штукатурки. Фрески скотоводческого периода, напротив, были нарисованы более жидким раствором, который глубоко проник в поверхность скал.

Стиль стадии упадка

Это, несомненно, стадия, завершающая период "круглоголовых" людей. В настоящее время наших знаний недостаточно, чтобы установить ее точную хронологию, хотя, вероятнее всего, она предшествует тем трем школам, в которых начинает чувствоваться влияние Египта. Совершенно очевидно, что в этот период

художественные достоинства фресок снижаются. Рисунок выполнен грубее, формы тяжелы, нет стремления к изображению деталей. Техника рисунка становится примитивной: она сводится к обведению контура красной охрой (часто рядом проводится желтая линия), а пространство внутри контура покрывается белой краской. Общая черта, характеризующая фрески этого периода, - исполинские размеры рисунков, и чувствуется, что художники того времени стремились не к красоте своих творений, а к тому, чтобы они производили как можно более сильное впечатление.

В одном из гротов мы обнаружили фигуру, занимавшую всю поверхность стены, причем высота ее около 5 м, а если учесть и нижнюю разрушенную часть изображения, то и все шесть. Вряд ли нужно утверждать, что никогда еще не были обнаружены наскальные изображения таких громадных размеров: эта фигура побила рекорд по величине среди всех известных в наше время доисторических фресок. В Сефаре были найдены другие рисунки того же стиля высотой в три с четвертью метра, они изображали какие-то божества. В том же археологическом слое, очень распространенном в Восточной Тассили, кроме подобных фигур, встречаются многочисленные изображения животных, дающие полное представление о фауне той эпохи, включавшей слонов, жирафов, диких быков, антилоп, муфлонов, бородавочников (*Бородавочники - род диких свиней; распространены в Африке; живут в саваннах, неподалеку от воды*), страусов, львов (изображение одного из них достигает 4 м). Возможно, что некоторые из этих животных, особенно те, что расположены рядом с женщинами, воздевшими руки в знак мольбы или преклонения, играли магическую роль. Иногда животные изображались в виде чудовищ из античной мифологии: морда одного зверя, туловище другого и т. д., так что определить их вид невозможно.

Эта стадия завершает большой период "круглоголовых" людей.

Вскоре после создания "Белой дамы" из Ауанрхета наступает эпоха, когда начинают ощущаться посторонние влияния. Быть может, они свидетельствуют о первых передвижениях народов, предшествовавших вторжению скотоводческих племен. Как бы то ни было, искусство негроидных племен, насчитывавшее уже много тысячелетий, приходит в упадок. Вскоре в Тассили появляются новые племена, не имеющие ничего общего со своими предшественниками. Они наводняют высокогорные долины, гоня перед собой стада быков. Стены тассилийских убежищ покрываются совершенно новыми по стилю и сюжетам рисунками.

Скотоводческий период

На фресках, относящихся к этому периоду, небольшие фигуры людей и животных изображены с такой поразительной естественностью, что их

можно с полным основанием считать произведениями величайшей в мире натуралистической школы. Здесь нет ни схематизации, ни стилизации, ни символики - все это осталось в предыдущих слоях. Все фигуры даны в движении. Они воспроизведены в самых естественных позах блестяще и с такой точностью, которая говорит о необыкновенной наблюдательности авторов фресок. Художники этого периода в основном пользовались красной охрой. Кроме того, они употребляли белую краску и желтую охру при воспроизведении масти животных, для выделения отдельных деталей, иногда для обведения контуров.

Излюбленный сюжет этого периода - быки. По количеству и мастерству их изображений можно судить о громадном значении скота в жизни людей той эпохи. Это красивые ловкие животные, не успевшие еще отяжелеть от жизни в закрытых загонах и на богатых травой пастбищах, - переходы через саванны помогали им сохранять гибкость и ловкость. Их головы увенчаны длинными лиро- и серповидными рогами. Эти животные, по-видимому, соответствуют двум видам, хорошо известным в древнем Египте: африканскому быку, или *Bos afrikanus*, и короткорогому быку, или *Bos brachyceros*. Рисунки выполнены либо сплошь наложенными красками, либо штрихами. Обычно изображены большие стада, которые ведут или подгоняют пастухи. Во время моего первого приезда в Тассили я обнаружил в Тамрите фреску, где насчитывалось по меньшей мере шестьдесят пять быков - самый большой ансамбль, известный в наше время. На другой фреске, найденной в Джаббарене, животных меньше, но рисунки несравненно более художественны как по композиции, так и по красоте и гармонии тонов; здесь использована желтая, зеленая, лиловатая и даже голубая охра, что совершенно необычно для доисторического искусства. По-видимому, отдельным художникам были известны новые красящие вещества или особые составы.

С таким же мастерством воссозданы и дикие животные. Пастухи-скотоводы были в то же время охотниками, и они изобразили настоящий зверинец, дающий точное представление о тропической фауне Сахары того времени. Здесь слоны, носороги, гиппопотамы, жирафы, лошадиные антилопы, газели, трубкозубы (*Трубкозуб - млекопитающее, питается термитами, живет в Африке*), львы, дикие ослы, страусы, рыбы. Весь этот животный мир мог существовать только при наличии тучных пастбищ и очень влажного климата, что, впрочем, подтверждается одной из фресок в Ауанрхете, где изображены три гиппопотамы, за которыми охотятся люди в пирогах.

Люди и животные изображены в очень живых сценах. Вот, например, несколько человеческих фигур помещены в центре овала, воспроизводящего контур продолговатой хижины из соломы или эспарто (*Эспарто - растение, применяемое для производства мягких плетеных изделий*). Точно такие же плетеные хижины на глиняном основании распространены по всему Судану. На фресках запечатлены также женщины у домашнего очага; мужчины с топорами в руках, рубящие дрова; дети, лежащие под

одним покрывалом; собравшиеся в кружок и беседующие люди; брачные пары и еще многие другие сцены, раскрывающие перед нами быт пастухов, уже начинающих заниматься земледелием. Об этом свидетельствует фреска с женщинами, работающими в поле.

Люди той эпохи были очень воинственны. Они угоняли скот у других племен и защищали свои стада от набегов соседей. Эта сторона их жизни нашла свое отражение в поразительно реалистически выполненных фресках. Они настолько выразительны, что, несмотря на небольшие масштабы, на лицах воинов можно прочесть волнующие их чувства. Ни с чем не сравнимы великолепно скомпонованные сцены плясок, где одни женщины грациозно изгибаются в танце, другие, отбивая такт, хлопают в ладоши, третьи аккомпанируют на небольших инструментах, похожих на трещотки.

В групповых сценах фресок этого периода изображены лишь небольшие фигуры. Однако художники-пастухи создали немало фигур почти в натуральную величину, достигая при этом исключительного художественного мастерства. В Тин Абу Тека мы видели двух великолепно выполненных лучников высотой 1,6 м. В Джаббарене мы обнаружили фреску, апечатлевшую группу женщин; их головные уборы в форме шлема или сахарной головы напоминают уборы, которые сейчас носят женщины фульбе Западной Африки. Крупные фрески, особенно та, которую мы назвали "Сидящие мужчина и женщина", поражают своей красотой. Никогда еще доисторические художники не рисовали с таким талантом человеческое тело. Эти фрески можно сравнить лишь с творениями греков, появившихся гораздо позднее. Иногда на фресках встречаются большие изображения одиночных животных. В Джаббарене и в Тин Абу Тека мы видели несколько таких быков, какое-то животное из семейства кошачьих и трубкозуба.

Вопрос о происхождении пастухов мог бы вызвать споры, если бы нами не были собраны вещественные доказательства того, что они пришли с Верхнего Нила. В частности, мы нашли на шести фресках скотоводческого периода рисунки типично египетской лодки со знаками номов (*Номами называли области в древнем Египте*) на весле.

Столь необычные для Тассили лодки свидетельствуют о том, что пастухи-скотоводы пришли, очевидно, с запада и имели связи с египетской культурой.

Таковы основные "слои", которые удалось установить на основании наших первых попыток расшифровать фрески Тассили. По правде говоря, существует еще несколько слоев, как, например, слой схематических фигур, нарисованных белой краской, слой людей с удлинёнными, нитеобразными фигурами и конечностями; слой маленьких лучников в испанском стиле в Тимензузине и т. д. Однако я не располагаю достаточными данными для их хронологизации и потому лишь упоминаю о них.

Очень своеобразны фрески с охотниками, вооруженными то дротиками, то топорами, с телами, покрытыми рисунками. Иногда встречаются забавные, а то и гротескные профили; мы назвали этот стиль "юмористическим". Мы нашли также отпечатки рук, подобные тем, которые были обнаружены ранее в палеолитических пещерах Европы. В Тин-Тазарифте такие отпечатки были найдены на фресках скотоводческого периода - свидетельство того, что они появились после "юмористического" периода или по крайней мере одновременно с ним.

В Джаббарене мы совершенно неожиданно открыли две типично египетские фрески. На одной из них изображены четыре богини-покровительницы с птичьими головами, а на другой - сцена приношения даров. За все время наших поисков это были единственные рисунки такого типа, и они остаются загадкой для нас - ведь до сих пор не было никаких оснований предполагать, что египтяне проникли так далеко к западу от Нила. Быть может, это просто-напросто произведение какого-нибудь ливийца, жившего долгое время в Египте, или пленника-египтянина, приведенного ливийцами в свою страну. Спешу добавить, что все эти предположения остаются догадками, поскольку на основании столь скудных данных невозможно прийти к каким-либо заключениям.

Периоды лошади и верблюда, которые относятся уже к исторической эпохе, хорошо представлены на фресках некоторых районов Сахары. Но в местах, обследованных нами, рисунки, относящиеся к этим периодам, встречались очень редко. Правда, мы нашли несколько очень интересных изображений колесниц, о которых я уже упоминал выше.

Снимая копии с фресок, мы попутно искали следы, которые могли оставить после себя эти удивительные племена художников неподалеку от своих творений. Нам удалось обнаружить довольно большое количество каменных жерновов, черепки посуды, буквально устилавшие пол некоторых убежищ. Я неоднократно производил раскопки у оснований стен с наскальными рисунками и несколько раз находил кухонные остатки. Но здесь, помимо жерновов, зернотерок и черепков посуды, встречались также каменные топоры, кремневые наконечники для стрел, скребки и остатки украшений, например бусинки от ожерелий, выточенные из скорлупы страусового яйца, подвески и браслеты из сланца.

По-видимому, все эти предметы принадлежали людям скотоводческих племен. В пепле были найдены куски древесного угля. После того как их подвергнут анализу на углерод-14 по радиоуглеродному методу, нам станет известен возраст рисунков скотоводческого периода. Судя по предварительным выводам, время появления пастухов-скотоводов нужно отнести приблизительно за 3500 лет до н. э. Жили они в Сахаре очень долго, может быть несколько тысячелетий. Различные слои фресок "круглоголовых" людей гораздо древнее. Первые слои, несомненно, относятся к неолиту, не знавшему ни жерновов, ни посуды. Основным орудием был грубо отесанный топор неправильной формы. Мы полагаем,

что будем недалеко от истины, установив для этих фресок возраст в восемь тысяч лет.

Из этого небольшого обзора видно, что с открытием фресок Тассили получено много новых данных для изучения прошлого Сахары. Нужно, однако, иметь в виду, что расшифровка фресок только начата, и в книге излагаются лишь отрывочные сведения - результат первых беглых наблюдений, которые уточнит кропотливая исследовательская работа в будущем.

Примечания

Фрески 1-10

1. Тамрит. Фреска с изображениями охотников (деталь). Скотоводческий период (42X25 см).

1. Тамрит. Фреска с изображением охотников (деталь). Скотоводческий период

Фрагмент большой фрески в Тамрите с изображениями охотников. Найдена А. Лотом в 1934 г. Эта фреска обнаружена в убежище или, скорее, пещере. Глубина пещеры - 9 м, поэтому там довольно темно. В ней находятся и другие рисунки, относящиеся к периоду "круглоголовых", в частности большой муфлон. Тела охотников покрыты рисунками; они вооружены луками и метательными копьями. На фреске изображены лишь головы животных, преследуемых охотниками; это, по-видимому, головы баранов, хотя пятна на них несколько необычны. Фреске присуща одна техническая особенность: контуры изображений были слегка обозначены до нанесения красок. Она, вероятно, относится к древнему скотоводческому периоду. В качестве красок использована красная, желтая и белая охра. Это произведение полно большого изящества и примечательно по своей композиции и качеству выполнения рисунка.

2. Верхний Тамрит. Египетская лодка. Скотоводческий период (103X76 см).

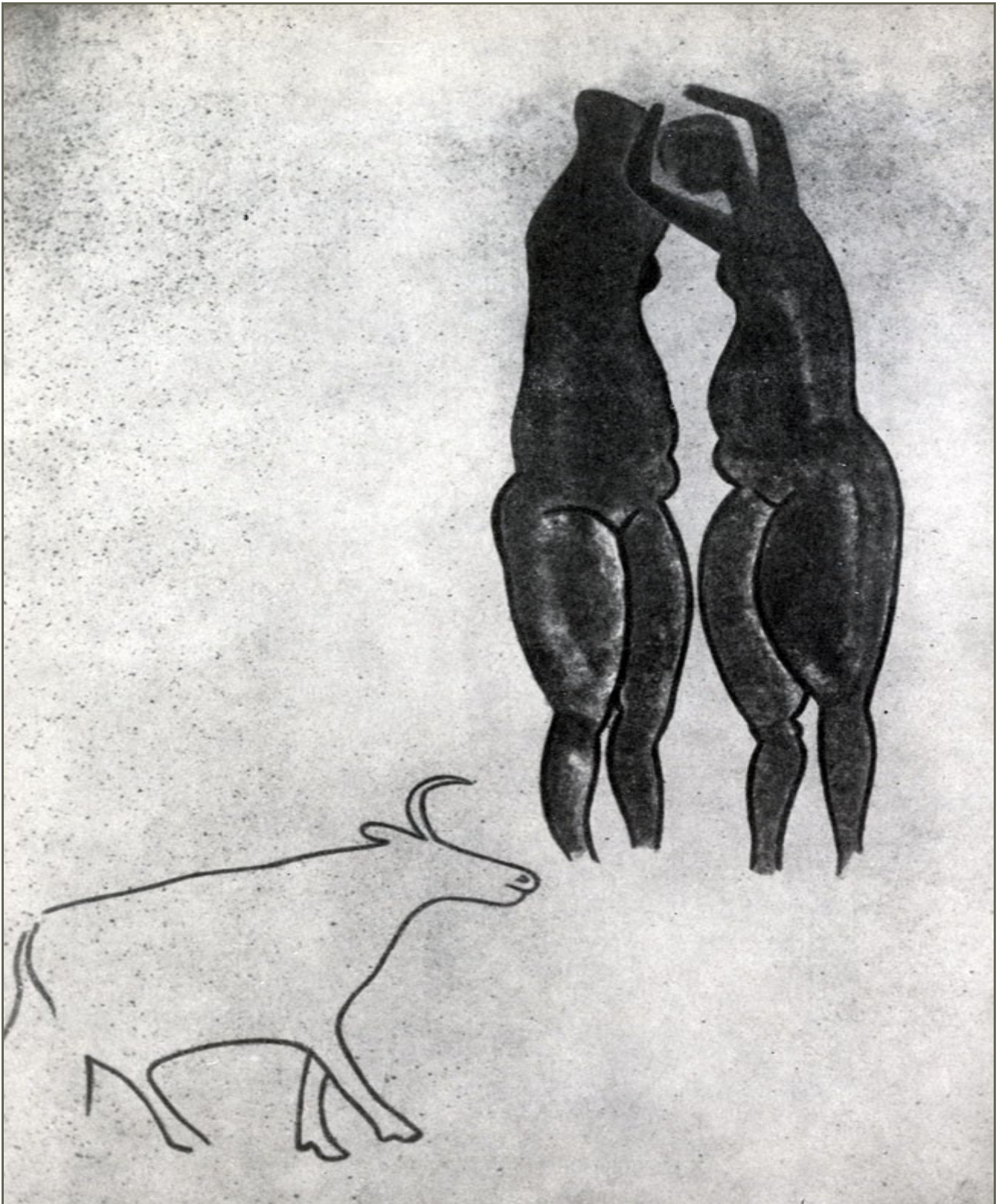

2. Верхний Тамрит. Египетская лодка. Скотоводческий период

Фреска Верхнего Тамрита. Нарисована на потолке очень низкого убежища, куда можно попасть только ползком, Внутри можно с трудом находиться в сидячем положении. Там было еще два рисунка такого же типа, и мы приняли их вначале за изображение змей. Однако другие находки в Джаббарене и Тин-Тазарифте позволяют мне утверждать, что это - лодка с Нила; подобные выбитые на камне наскальные

изображения были найдены в Верхнем Египте и датировались додинастической эпохой (см. Н. А. Winkler, *Rock-drawings of Southern Egypt*, London, 1938, t. I, pp. XXXIII a XL). Эти фрески с лодками относятся к скотоводческому периоду и подтверждают связи людей той эпохи с Верхним Египтом, откуда они, возможно, и пришли в Сахару.

3. Тамрит. Две Венеры. Скотоводческий период (30X57 см).

3. Тамрит. Две Венеры. Скотоводческий период

Маленькая фреска в Тамрите (деталь). Найдена на поверхности отвесной скалы в лощине, параллельной вадии Тамрит, с которой она соединяется проходом, расположенным на 80 м ниже убежища с "охотниками" (рис. 1). Фреска "Две Венеры", выполненная красной охрой в стиле Майоля, свидетельствует о превосходном знании пропорций человеческого тела. Тут же - изображение быка, нанесенное штрихами.

4. Верхний Тамрит. Лошадиные антилопы. Скотоводческий период (100X137 см).

4. Верхний Тамрит. Лошадиные антилопы. Скотоводческий период

Фреска находится на вертикальной стенке небольшого убежища, возвышающегося над верхним руслом вади рядом с тарутом, растущим среди скал, неподалеку от маленькой гелты. Изображения лошадиных антилоп выполнены красной и белой охрой. Это - самое значительное произведение скотоводческого периода. Внизу - газель, нарисованная желтой охрой; рисунок был слегка подправлен.

5. Тимензузин. Человеческие фигуры с рисунками на теле. Скотоводческий период (55X70 см).

*5. Тимензузин. Человеческие фигуры с рисунками на теле (деталь).
Скотоводческий период*

Фреска в большом убежище в Тимензузине (деталь). Эти фигуры с рисунками на теле напоминают охотников из Тамрита. Однако

выполнены они грубее. В руках у них орудия, похожие на топоры неолитической эпохи. Между ногами верхней фигуры висит конец набедренной повязки. Внизу, слева направо - голова гиппопотама, три жирафы и дикий буйвол. Наверху - изображение животного, напоминающего лошадь. Весь ансамбль относится к скотоводческому периоду.

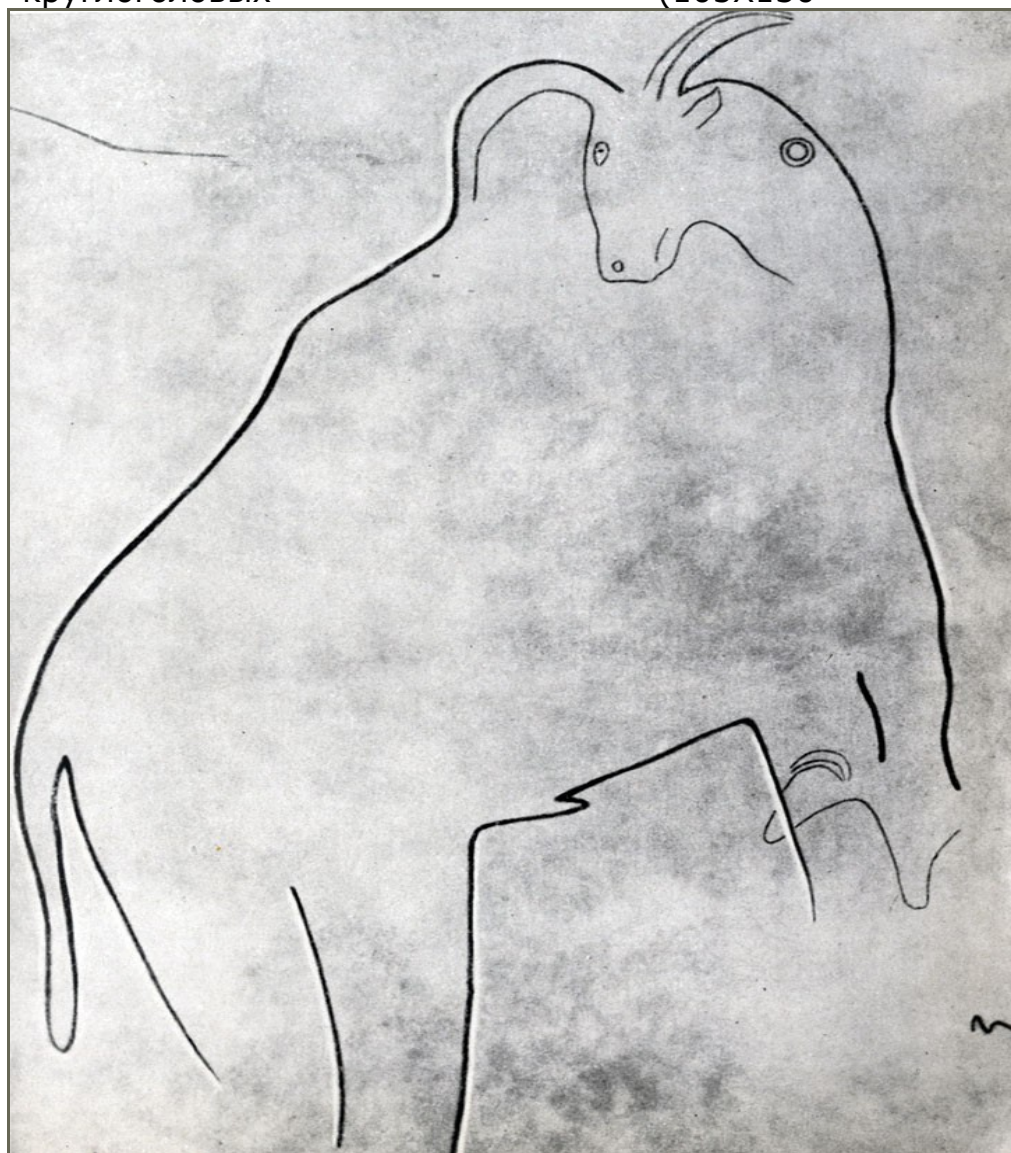
6. Тимензузин. Слон, высеченный на скале. Период буйвола (236X219 см).

6 Тимензузин. Слон, высеченный на скале Период буйвола

На правом берегу вадии Тимензузин. Выгравированный рисунок был обведен мелом для того, чтобы выделить его контур на фотографии. Он относится к периоду буйвола; возможно, что этот рисунок древнее всех прочих найденных нами фресок. В осмотренной нами местности было очень мало высеченных наскальных изображений. Вот их перечень: фигура в Тимензузине, группа баранов рядом с вадией Амацар, человеческая фигура в Уан-Абу, носорог близ Уан-Мулен, непонятное изображение в Джаббарене. И это - все. Ранее уже было высказано предположение о том, что высеченные и нарисованные наскальные рисунки - результат творчества различных племен, по крайней мере в скотоводческий и доскотоводческий периоды. Эту точку зрения подтверждает отсутствие высеченных изображений быков в тщательно обследованном нами районе.

7. Джаббарен. Антилопа с туловищем слона. Стадия упадка стиля "круглоголовых" (105X130 см).

7. Джаббарен, Антилопа с туловищем слона. Стадия упадка стиля 'круглоголовых'

Контур фигуры выполнен красной охрой, затем линия обведена белым. Этот рисунок находился не в убежище, а в углублении скалы, возвышающейся над вадой Джаббарен (левый берег). Фреска относится к "круглоголовому" стилю типа "великого марсианского бога".

8. Джаббарен. "Великий марсианский бог". Период "круглоголовых" людей. Стадия упадка (уменьшена до 93X130 см).

8. Джаббарен. 'Великий марсианский бог'. Период 'круглоголовых' людей.
Стадия упадка

"Великий марсианский бог" Джаббарена занимал всю стенку "большого убежища" на левом берегу. Стенка сильно вогнута; голова нарисована на потолке. Вся фигура различалась с трудом. Наш лагерь был разбит неподалеку от этого места, и мы в течение пятнадцати дней

не замечали фрески. Однако эта огромная фигура, при учете нижней разрушенной ее части, достигала около 6 м в высоту. Многочисленные фрески, относящиеся к этому слою, найдены не только в Джаббарене, айв Аджефу, Тин-Тазарифте и Сефаре. Повсюду - изображения больших размеров, выполненные в одной и той же манере: основной белый фон, контур в виде красной линии, иногда вторично обведенной желтой. Кроме подобных фигур, встречаются изображения диких животных (см. рис. 7): слона, антилопы, бородавочника, жирафы, муфлона, страуса, льва, фантастических зверей.

9. Джаббарен. Лучник с головой, украшенной перьями. Расцвет стиля "круглоголовых" людей (100X105 см).

9. Джаббарен. Лучник с головой, украшенной перьями. Расцвет стиля 'круглоголовых' людей

Фреска в "коридоре столовой" в Джаббарене. Здесь воспроизведена лишь часть фрески, которая полностью была скрыта под плотным налетом глинистой пыли; пришлось потратить полдня, чтобы смыть пыль и "проявить" рисунок. Оказалось, что фреска состоит из нескольких слоев, относящихся к различным периодам: 1) три маленькие фигуры, расположенные по вертикали между огромными изображениями женщины и мужчины, выполнены лиловато-краской охрой; 2) четыре еще больших по размерам фигуры нарисованы кирпично-красной охрой, причем их контуры и украшения даны темной охрой; они принадлежат к "марсианскому" типу. На теле женщины видны рисунки в виде пунктира, по-видимому, изображающие насечки; мужчина держит короткий, слегка согнутый лук. Это группа фресок предшествует слою "великого марсианского бога", выполненного белой охрой и обведенного красной; 3) слон, расположенный над большой фигурой с луком, нарисован желтой охрой и обведен белой; 4) маленькая согнутая фигура, выполненная красной охрой и расположенная под ногами женщины, относится к скотоводческому периоду; 5) другие маленькие фигуры нарисованы белой охрой.

10. Джаббарен. Дьяволята. Средняя стадия периода "круглоголовых" людей (100X67 см).

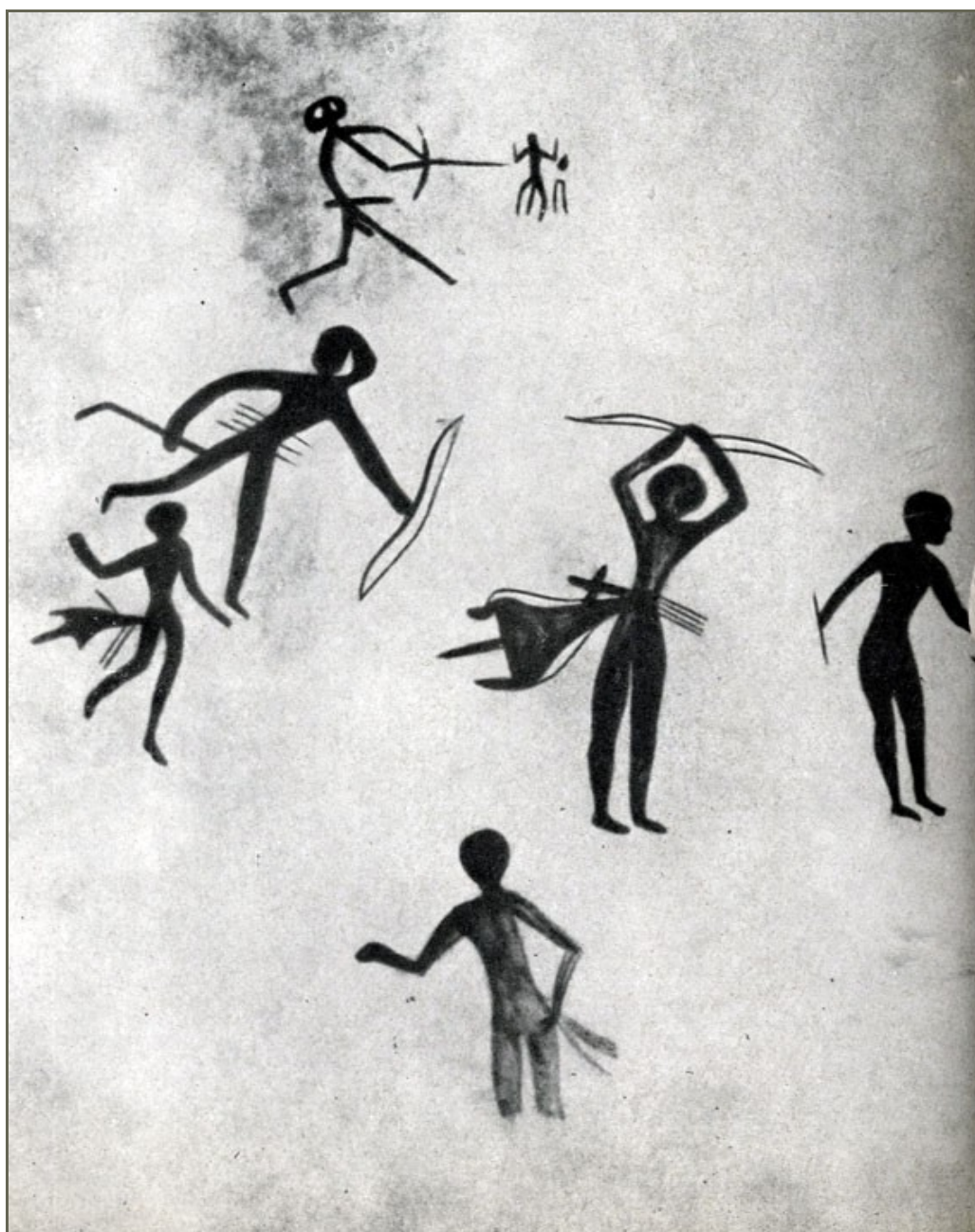
10. Джаббарен. Дьяволята. Средняя стадия периода 'круглоголовых' людей

Дьяволята Джаббарена нарисованы на поверхности отдельно стоящей (левый берег вади). Эти маленькие танцующие рогатые фигурки в набедренных повязках держат в руках цимбалы. Им предшествуют более древние маленькие "круглоголовые" фигуры с рогами; однако они

испытали на себе более позднее влияние "круглоголовых" фигур средних размеров, выполненных в основном желтой охрой и с белой контурной линией. Дьяволята выполнены лилово-красной и желтой охрой. Другие изображения, нарисованные несколько иначе, по всей вероятности, относятся к тому же периоду.

Фрески 11-20

11. Джаббарен. Фреска с маленькими лучниками. Древняя стадия периода "круглоголовых" людей (62X85 см).

11. Джаббарен. Фреска с маленькими лучниками. Древняя стадия периода 'круглоголовых' людей

Маленькие "круглоголовые" фигуры в Верхнем Джаббарене нарисованы лило-ватой охрой. У некоторых из них набедренные повязки треугольной формы с украшением в виде креста; другие, очевидно, наги. Все они относятся к одной школе. Если крестообразное украшение и вызывает предположение о том, что это изображение ножа, то выполнение его неудачно. Скорее всего, это часть набедренной повязки. В руках фигурок небольшие луки с тройным изгибом.

12. Джаббарен. Лучник из большой охотничьей сцены. Скотоводческий период (20X18 см).

12. Джаббарен. Лучник из большой охотничьей сцены. Скотоводческий период

На лучнике полосатый колпачок и четырехугольная набедренная повязка. Лук средних размеров имеет форму полуокружности. Обращает на себя внимание, что здесь лучник держит лук иначе, чем на рис. 11. В том случае приемы обращения с луком характерны для лесных жителей, а на рассматриваемом нами рисунке - для племен, живущих в степи.

13. Джаббарен. Женщина с маленькой головой. Скотоводческий период (70X75 см).

13. Джаббарен. Женщина с маленькой головой. Скотоводческий период

Женщина со шлемообразной прической найдена на так называемой "стене крольчат" очень низко над уровнем земли. Ее туловище, нарисованное красной охрой, очень массивно, а шея и голова непропорционально малы. Гребень прически приплюснут, как это бывает у женщин фульбе, когда они вынимают поддерживающую волосы подкладку. Покрывающие все тело беловатые пятна явно не служат украшениями. Скорее всего: это следы болезни, вроде ветряной оспы. Профиль нельзя назвать негроидным. Нос вздернут, губы умеренной толщины, подбородок хорошо очерчен. Очень высокий лоб, напротив, имеет выпуклую форму. Подобный тип лица встречается в настоящее время среди фульбе.

14. Джаббарен. Антиня. Послескотоводческий период с признаками египетского влияния (115X185 см).

14. Джаббарен. Антиня. Послескотоводческий период с признаками египетского влияния

Эта великолепная женская фигура была обнаружена в пещере "трубкозуба" в Джаббарене. Она находилась в наименее доступном месте пещеры, за огромной скалой. Когда-то здесь жили пастухи-скотоводы, оставившие после себя многочисленные орудия и "кухонные остатки". Справа, за большим силуэтом женщины, виднеется маленькая "круглоголовая" фигурка; кроме того, в прическе "Антинеи" можно разглядеть изображение человека, выполненное красной охрой. По-видимому, оно относится к скотоводческому периоду. Профиль женщины - типично европейский можно даже сказать, греческий. Он контрастирует с примитивными лицами "судей мира" и женщин Верхнего Джаббарена (см. таблицу стилей, а; этот рисунок принадлежит той же школе и выполнен в тех же тонах). Головной убор свидетельствует, по-видимому, о знатности женщины. На ее голове характерная для этой школы повязка или подобие венца; однако верхняя часть убора имеет иной вид: ее форма напоминает египетский пшент. На руку надето подобие нарукавника.

15. Джаббарен. Девушки фульбе. Скотоводческий период (90X130 см).

15. Джаббарен. Девушки фульбе Скотоводческий период

Эти прекрасные изображения были найдены на боковой поверхности отвесной скалы на левом берегу вади Джаббарека. Обнаженные части тела выполнены красной охрой, а головные уборы и платья - белой. Профили фигур - не негроидного типа; их лица и головные уборы напоминают женщин фульбе. Руки и кисти рук нарисованы в манере некоторых египетских фресок XVIII-XX династий (см. Andre Lhote. Les chef d'oeuvre de la peinture egyptienne}. Большинство женщин той эпохи носили именно такие платья. Слева видно наслоение - изображение лошади, относящееся к периоду всадников.

16. Ауанрхет. Рогатая богиня, или "Белая дама". Расцвет стиля "круглоголовых" с признаками египетского влияния (100X150 см).

16. Ауанрхет. Рогатая богиня или 'Белая дама'. Расцвет стиля 'круглоголовых' с признаками египетского влияния

Эта фреска, отличающаяся от других мастерством выполнения, была найдена на отдельно стоявшей скале; у ее подножия образовались небольшие негодные для жилья впадины. Фреска выполнена желтой и белой охрой. Точки на теле, плечах и груди, по всей вероятности, - насечки. Набедренная повязка и атрибуты для танцев, подвязки на руках и ногах, а также нарукавники сплетены из волокон или шерстяных нитей. Лодыжки украшены широкой тесьмой, которая, видимо, сделана из того же материала, что и прочие украшения. На голове рога, которые как бы поддерживают поле с растущими злаками, откуда падают зерна. Возможно, это жрица или богиня культа земледелия, предвосхищающая или воспроизводящая богиню Исиду, которая в Египте считалась родоначальницей земледелия. Маленькое поясное изображение внизу, под дугообразной линией, относится к той же эпохе, то есть к более позднему периоду "круглоголовых". Нарисованные красной охрой фигурки принадлежат к скотоводческому периоду. Создается впечатление, что они перекрыты "Белой дамой"; это особенно заметно на набедренной повязке и ниспадающих с рук нитях, через которые просвечивают эти фигурки. В действительности они нарисованы поверх основного изображения: красная охра, которой нарисованы фигурки, не пристала к белой краске, была поглощена ею, и потому создается впечатление того, что они находятся в нижнем слое. Небольшая белая фигура слева относится к послескотоводческому периоду.

17. Ауанрхет. Африканская маска. Период "круглоголовых" людей. Стиль, предшествовавший стадии упадка (90x130 см).

17. Ауанрхет. Африканская маска. Период 'круглоголовых' людей. Стиль, предшествовавший стадии упадка

Эта фреска была нарисована в центре глубокой и довольно темной впадины. Большая белая женская фигура справа относится к ранней

стадии стиля "круглоголовых". Видна часть второй фигуры, на которую наслаивается изображение человека в маске. Последнее выполнено кирпично-красной охрой, причем туловище покрыто белым рисунком в клетку. Его поза напоминает положение человека, сидящего верхом на лошади. Следует отметить, что кисти рук и ступни не нарисованы. Единственной одеждой служит длинная набедренная треугольная повязка, держащаяся вокруг пояса на шнурке. Маска удлиненной формы увенчана рогами; ее стиль напоминает современные маски жителей Западной Африки. Сенуфо с Берега Слоновой Кости надевают такие маски во время обряда инициации, но у них рога направлены в противоположную сторону. Растения (цветы?) растут на руках и бедрах. Это фреска более ранняя, нежели слой с изображением "великого марсианского бога" в Джаб-барене.

18. Ауанрхет. Марафонский бег. Послескотоводческий период с признаками египетского влияния (155X60 см).

18. Ауанрхет. 'Марафонский бег'. Послескотоводческий период с признаками египетского влияния

Эта группа бегущих фигур расположена на внутренней поверхности углубления, почти на уровне земли. Она выполнена в белом, серовато-голубом и красном тонах, характерных для слоя "судей мира". Кроме того, там же были обнаружены изображения, подобные фигурам Верхнего Джаббарена (таблица стилей, а). К сожалению, они в большинстве своем стертые и потому скопировать их не удалось. Следует отметить, что их головной убор отличается от уборов "судей мира" и напоминает египетские повязки.

19. Ауанрхет. Африканка с татуированной грудью. Послескотоводческий период с признаками египетского влияния (110X95 см).

19. Ауанрхет. Африканка с татуированной грудью. Послескотоводческий период с признаками египетского влияния

Фреска, найденная в той же впадине, где находится "пловчиха с грудями на спине". Несмотря на утяжеленные формы, эта африканка (слева) имеет кое-что общего с "Белой дамой" (грудь и насечки). С другой стороны, ее головной убор аналогичен убору наслаивающейся на нее белой фигуры, относящейся к слою "пловчихи".

20. Ауанрхет. Охота на гиппопотамов. Скотоводческий период (95X105 см).

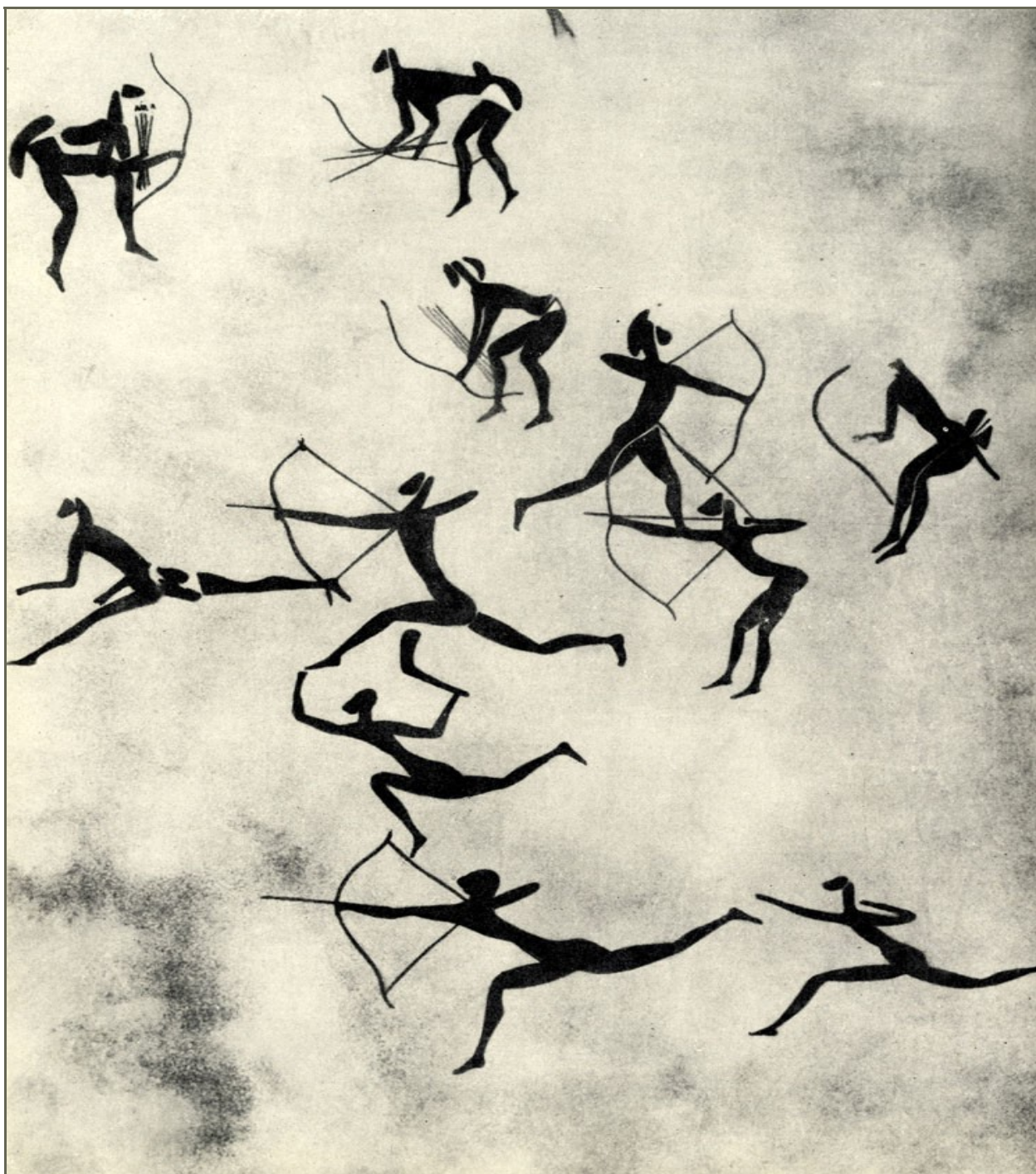
20. Аунрхет. Охота на гиппопотамов. Скотоводческий период

Фрагмент. На фреске изображены три гиппопотама и три пироги. Образцом для них, вероятно, послужили изображения на некоторых египетских памятниках. Возможно, что у этих пирог были паруса. Слева,

под гиппопотамом, видна фигура человека, стоящего на быке. Все выполнено красной охрой

Фрески 21-30

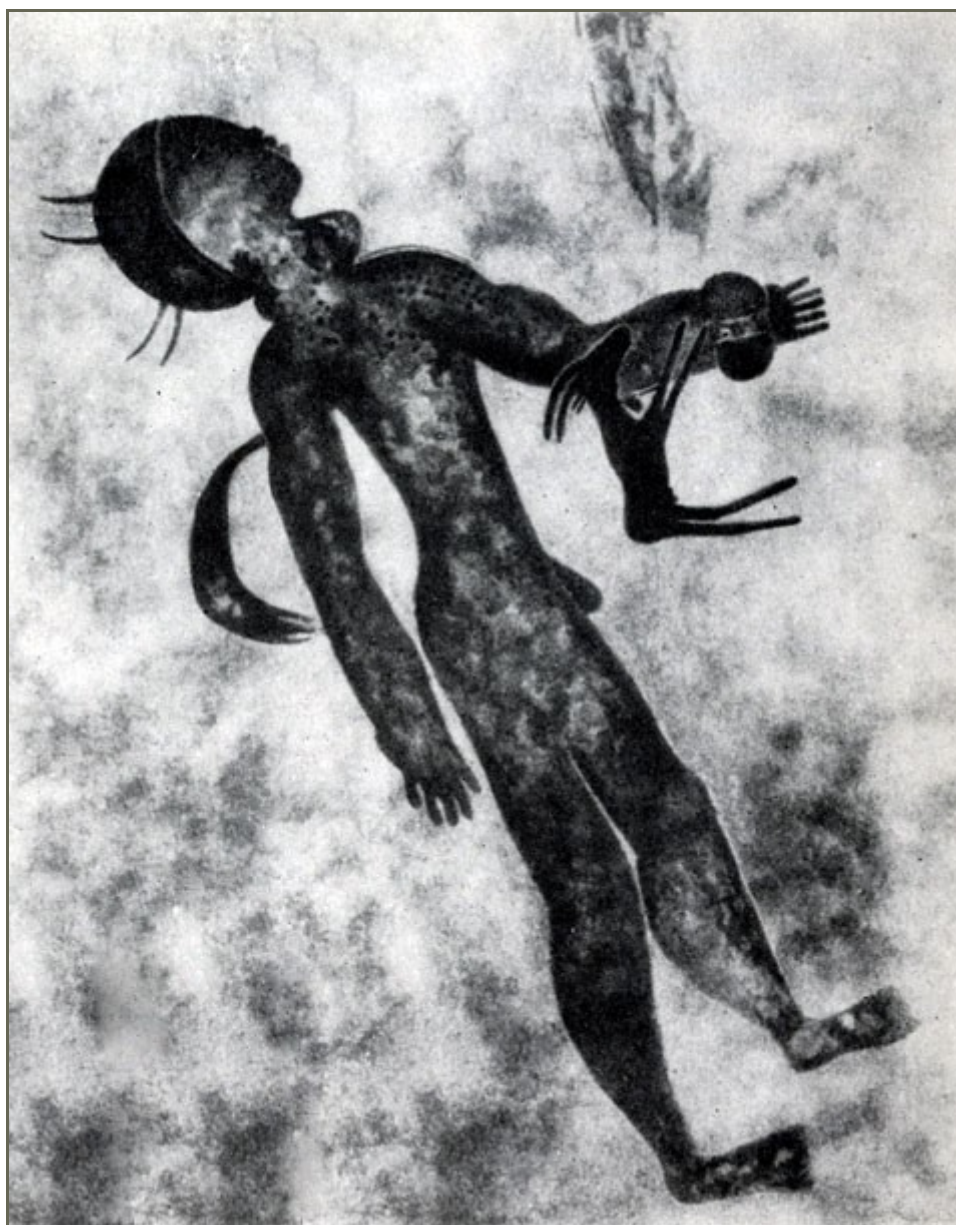
21. Тин-Тазарифт. Лучники. Скотоводческий период (65X87 см).

21. Тин-Тазарифт. Лучники. Скотоводческий период

Фрагмент прекрасной фрески, изображающей битву лучников. У многих фигур головы и набедренные повязки лишь намечены, на некоторых их вообще нет. Лук имеет тройной изгиб. Манера натягивать тетиву характерна для степных племен. Один из воинов потрясает каким-то изогнутым предметом, возможно, метательным ножом. Фреска выполнена красной охрой.

22 и 23. Тин-Тазарифт. Пловец. Лучники. Расцвет стиля "круглоголовых" людей (180X155 и 110X150 см).

22. Тин-Тазарифт. Пловец. Расцвет стиля 'круглоголовых' людей

"Круглоголовые" фигуры из большой фрески в углублении скалы. Верхняя фигура слева, по-видимому, плывет в воде; следует отметить ее четко очерченный профиль, что довольно редко встречается у "круглоголовых" фигур. Профиль - негроидного типа.

23. Тин-Тазарифт, Лучники. Расцвет стиля 'круглоголовых' людей

На головном уборе четыре сильно заостренных рожка. На груди и левом плече видны насечки. Украшением на правой руке служит нечто, похожее на перо; подобная деталь наблюдается также на рис. 9 и других фресках той же школы, в частности в Аджефу. Как и у фигур на рис. 9, на левом запястье очень большие браслеты (кольца из камня?). Зато лук здесь иной формы: если на других фресках он невелик и имеет вид полуокружности, то тут он средних размеров и с тройным изгибом. Из этого, однако, не следует, что и другие луки принадлежали различным народностям. Быть может, существовало два типа луков; возможно, что форма лука на рис. 9 представляет всего лишь упрощенное изображение. Хорошо видна набедренная повязка, а также крестообразный рисунок над поясницей, который ни в коем случае не

может быть оружием. Обе фигуры выполнены светло-желтой охрой и обведены белой глиной; и та и другая относятся к эпохе расцвета стиля "круглоголовых". Маленькая антилопа, изображенная поверх руки "пловца", принадлежит последующему периоду.

*24. Тин-Тазарифт. Танцующий африканец с лентами на ногах.
Доскотоводческий период, не рассматриваемый в книге*

24. Тин-Тазарифт. Танцующий африканец с лентами на ногах.
Доскотоводческий период, не рассматриваемый в книге (23X70 см).

Деталь фрески, обнаруженной в большом углублении. Высокая человеческая фигура с негроидным профилем; на ее ногах ленты, на голове - белые и красные перья. Это единственное в своем роде изображение среди всех найденных нами рисунков. Отсутствие наслоений не позволяет установить время создания фрески. Наверху маленькая фигурка человека, гонящего перед собой быка; относится к скотоводческому периоду.

25. Тин-Тазарифт. Танцующие женщины. Послескотоводческий период с признаками египетского влияния (150X90 см).

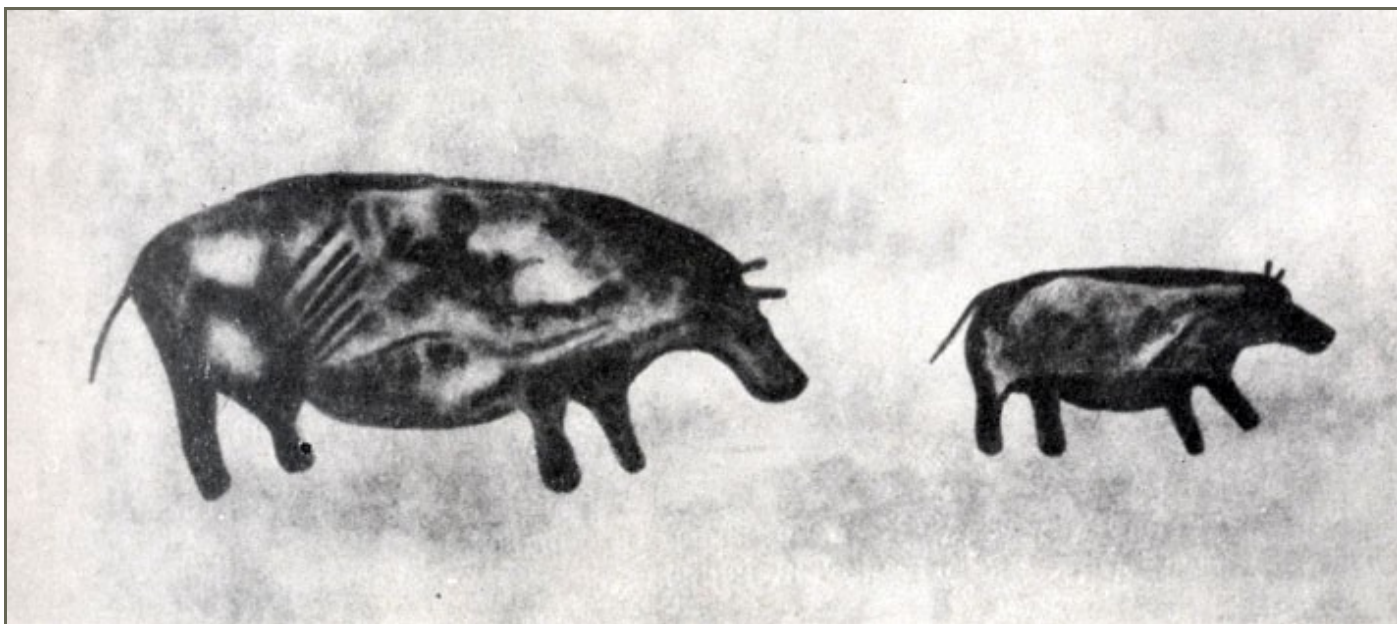
25. Тин-Тазарифт. Танцующие женщины Послескотоводческий период с признаками египетского влияния

Фрагмент. Слева большая черная женская фигура. Красной охрой и белой контурной линией выполнены лишь набедренная повязка и некоторые украшения. Всем своим обликом, пропорциями, увенчивающими голову рогами фигура обнаруживает большое сходство с "Белой дамой" из Ауанрхета. Другие фигуры, из которых одна наслаивается на описанное выше изображение, выполнены красной, желтой охрой и белой глиной. Судя по форме тел, груди и поясов, легко установить их несомненное родство с большой женской фигурой с рогами; по-видимому, весь этот ансамбль создан одними и теми же художниками. В то же время можно отметить их сходство с найденными

в Ауанрхете изображениями бегущих людей (рис. 18): та же прическа, те же браслеты на руках и коленях, тот же пояс или набедренная повязка (фигура слева). Обе фрески, бесспорно, относятся к одному и тому же периоду. Однако здесь мы имеем дело с выдающимся художественным произведением. Особым изяществом отличается изображение танцовщицы справа. Муфлон, нарисованный желтой охрой и с белой контурной линией, датируется более поздней эпохой.

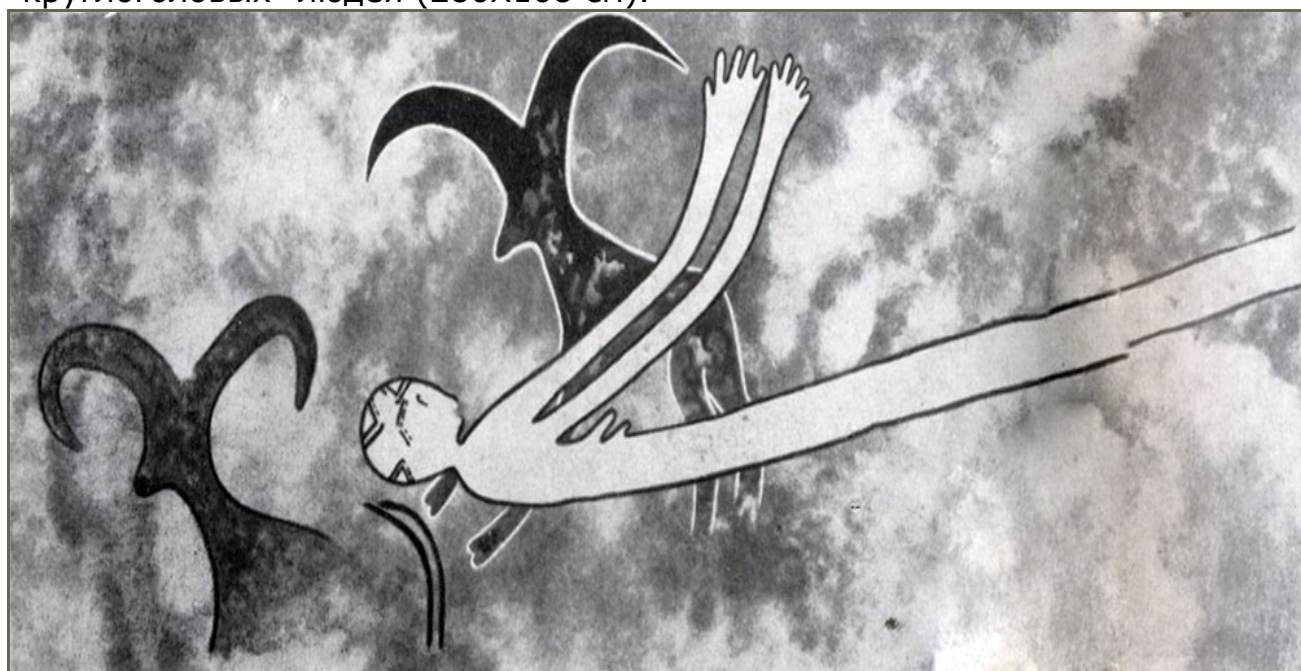
26. Тин-Тазарифт. Гиппопотамы. Скотоводческий период (165X80 см).

26. Тин-Тазарифт. Гиппопотамы. Скотоводческий период

Фреска выполнена красной охрой.

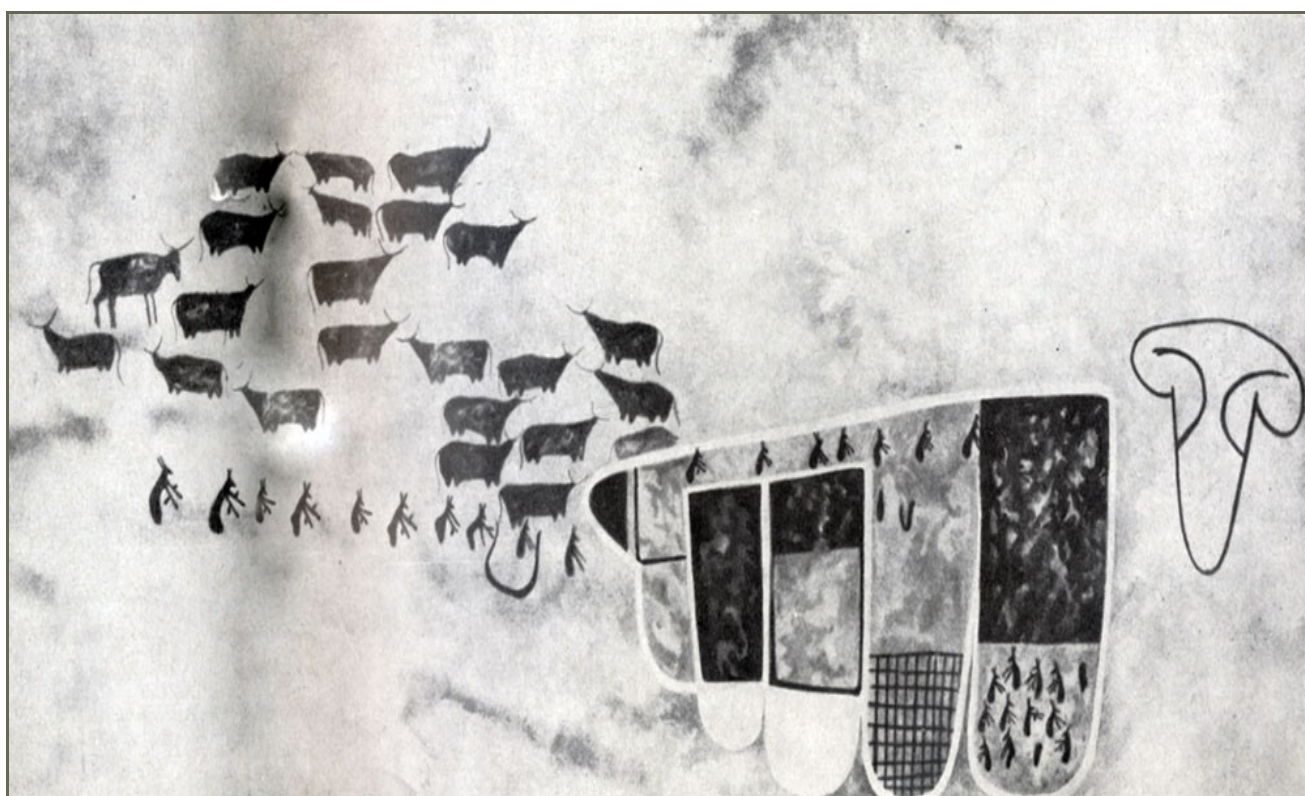
27. Тин-Тазарифт. Лежащая женщина. Период упадка стиля "круглоголовых" людей (280X108 см).

27. Тин-Тазарифт. Лежащая женщина. Период упадка стиля 'круглоголовых' людей

Изображение находится в 3 м над уровнем земли, на своде большого убежища, пол которого был усеян множеством граненых шаров (молоточков?). Фигура выполнена в белом цвете и обведена красной охрой; она относится к тому же слою, что и "великий марсианский бог" из Джаббарена. Нарисованные желтой охрой муфлоны обведены белым; они относятся к более раннему периоду.

28. Тин-Тазарифт. Схематическое изображение стада быков. Скотоводческий период (230X108 см).

28. Тин-Тазарифт. Схематическое изображение стада быков. Скотоводческий период

Укороченные ноги и головы создают совершенно своеобразный стиль. У изображенных внизу маленьких фигурок с головами животных нет ног; они вытянуты вереницей, как в сцене ритуального танца. Поделенный на части геометрический рисунок решен тонко и изящно. Внутри него видны фигурки; похоже, что некоторые из них (справа) исполняют какой-то быстрый танец, образуя цепочку в виде буквы S. В качестве красок использована красная и желтая охра, а также белая краска. Рисунок справа, возможно, является изображением стилизованной освежеванной головы быка.

29. Сефар. Великий бог с воздетыми руками. Период упадка стиля "круглоголовых" (фотография поверхности скалы) (190X250 см).

29. Сефар. Великий бог с воздетыми руками. Период упадка стиля 'круглоголовых' людей (фотография поверхности стены)

Фрагмент. Площадь фрески 30 кв. м. Период "великого марсианского бога" из Джаббарена. Здесь воспроизведена фотография. На фигуру

гиганта наслаивается изображение антилопы, на которое в свою очередь нанесен какой-то контур с фестонами.

30. Сефар. Убежище амазонок. Козы и нарисованная рука. Послескотоводческий период (88X108 см.).

*30. Сефар. Убежище амазонок. Козы и нарисованная рука.
Послескотоводческий период*

В довольно глубокой впадине с вогнутым сводом огромное множество рисунков самых различных эпох. Среди них наиболее древним

изображением следует считать нарисованную до локтя руку. Она выполнена лиловатой охрой и относится к эпохе расцвета стиля "круглоголовых".

Следующий в хронологическом порядке рисунок - начертанное в центре светло-красной охрой изображение какого-то земноводного или черепахи. Среди этой группы рисунков встречаются изображения таких животных, как слон, муфлон, антилопа; однако изображений людей нет. Третий слой представлен человеческой фигурой с длинным носом, типичным для одного из стилей скотоводческого периода, названного нами "юмористическим". Последний слой составляют козы, выполненные лилозато-красной охрой; они тоже относятся к скотоводческому периоду.

Основные стили

Здесь дается обзор различных слоев, отмеченных при исследовании тассилийских фресок. Его следует считать схемой, неполной и предварительной. При таком обилии материалов итог можно подвести только после многочисленных сверок и сопоставлений.

а) Стиль маленьких "круглоголовых" рогатых фигурок.

а) Стиль маленьких 'круглоголовых' рогатых фигурок

Рогатая фигура с перьями. Наиболее древний слой.

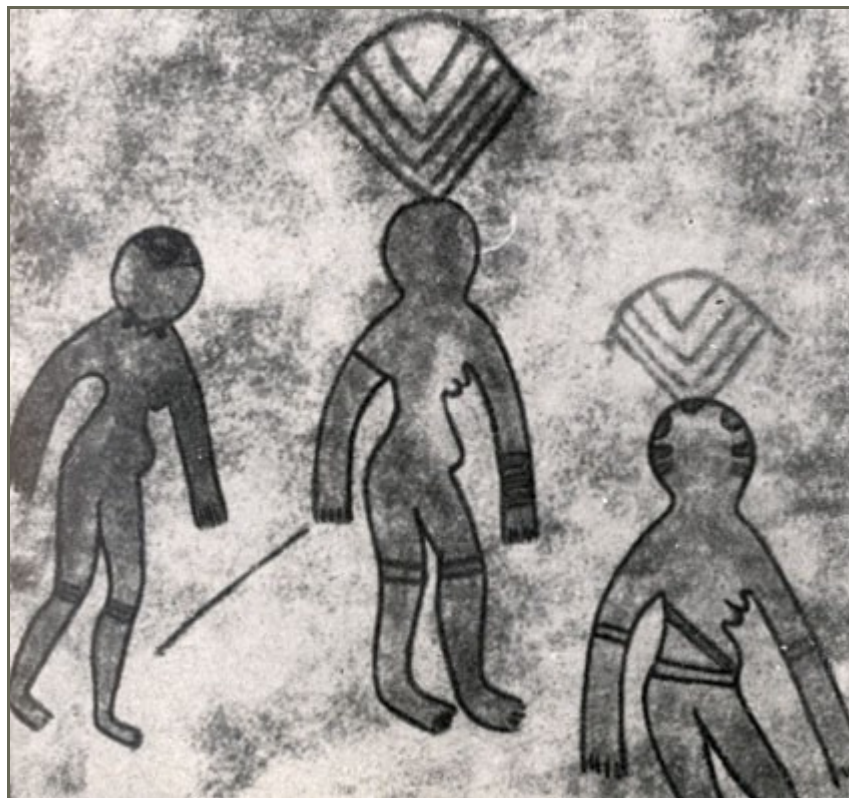
б) Стиль "дьяволят".

б) Стиль 'дьяволят'

Более совершенное изображение. Наблюдается влияние "марсианского" стиля "круглоголовых" людей. Выполнено желтой охрой с красной контурной линией.

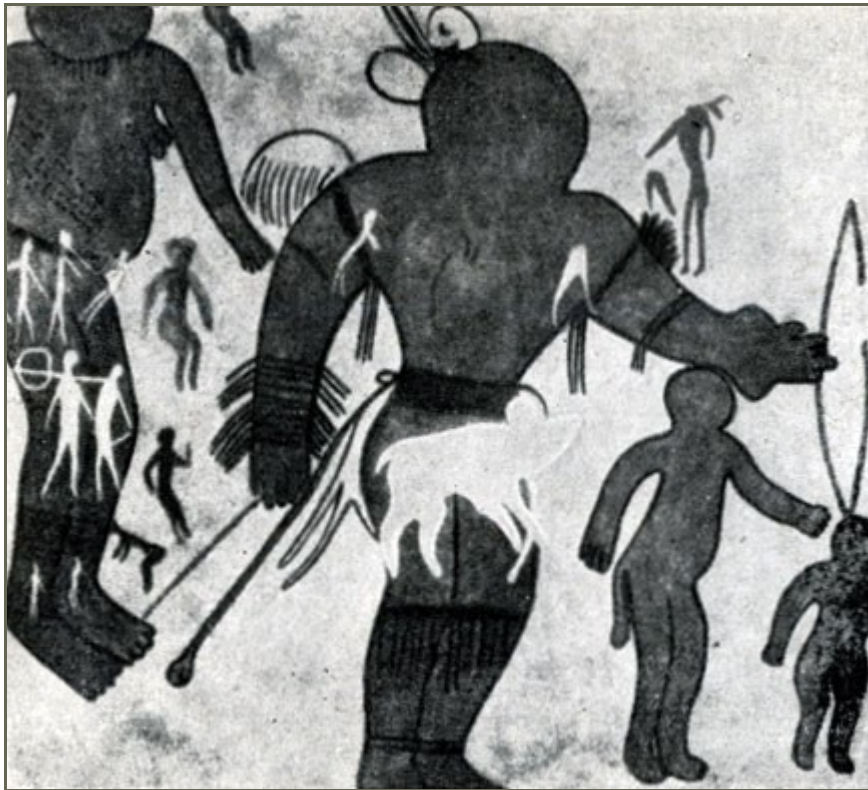
в) Стиль "круглоголовых" людей Средняя стадия.

в) Стиль 'круглоголовых' людей Средняя стадия

"Марсианский" стиль. Выполнение желтой охрой с красной контурной линией.

г) Стиль "круглоголовых" людей. Стадия расцвета.

г) Стиль 'круглоголовых' людей. Стадия расцвета

Расцвет "марсианского" стиля. Речь идет о центральной фигуре; о других см. примечание к рис. 9.

д) Стиль "круглоголовых" людей. Стадия упадка.

д) Стиль 'круглоголовых' людей. Стадия упадка

"Марсианский" стиль в период упадка. Более интенсивное использование белого цвета с контуром желтой охрой.

е) Стиль "круглоголовых" людей с признаками египетского влияния.

е) Стиль 'круглоголовых' людей с признаками египетского влияния

Последний период (слой "Белой дамы" из Ауанрхета).

ж) Стиль охотников с татуировкой. Древний скотоводческий период.

ж) Стиль охотников с татуировкой Древний скотоводческий период

з) Стиль скотоводческого периода.

з) Стиль скотоводческого периода

Классический стиль. Фигура хамитского типа.

и) Стиль "судей", Послескотоводческий период.

и) Стиль 'судей'. Послескотоводческий период

Фигуры типа "судей мира" и "Антинеи". Египетское влияние.

к) Стиль "белых людей" с удлинненными конечностями.
Послескотоводческий период.

к) Стиль 'белых людей' с удлинненными конечностями.
Послескотоводческий период

Фигуры линейного стиля. Они, несомненно, относятся к послескотоводческому периоду, однако нельзя утверждать, что они следуют за слоем "судей мира".

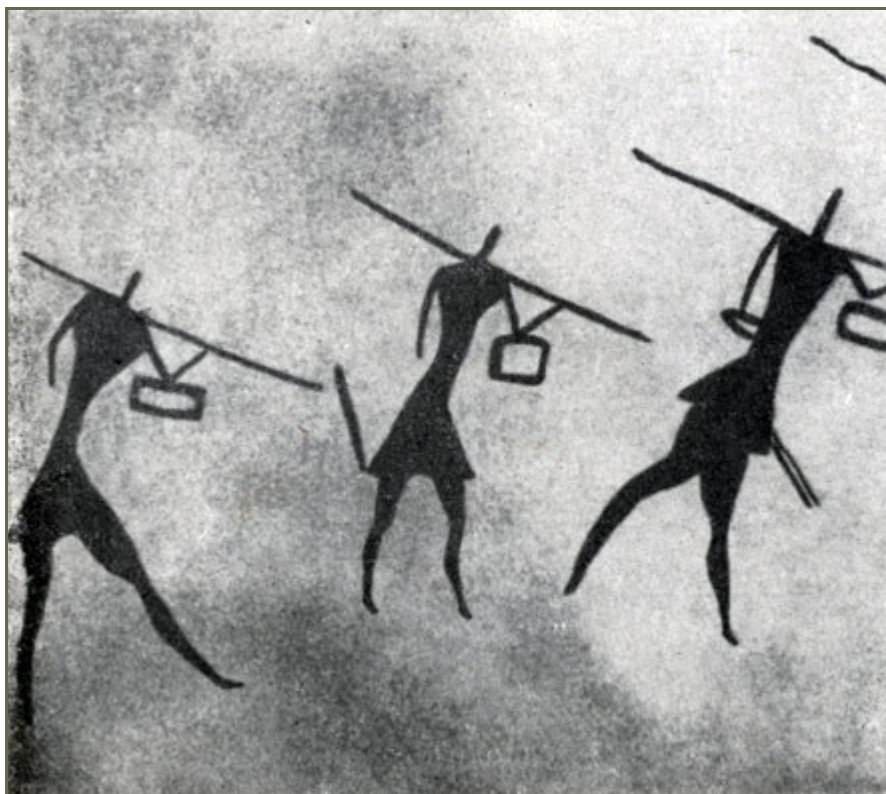
л) Стиль периода колесниц.

л) Стиль периода колесниц

Тип "вихревого галопа".

м) Стиль "битреугольных" людей. Период верховой лошади.

м) Стиль 'битреугольных' людей. Период верховой лошади